

НАТАЛЬЯ КАЛИНИНА

ТАЙНЫЕ

ЗНАКИ

СУДЬБЫ

МАЛИНОВЫЙ
ЗАПАХ НАДЕЖДЫ

Annotation

Жизнь Саши течет по обычному руслу. Дом - работа, работа - дом. Но все меняется, когда на ее пути появляется незнакомец, так похожий на человека, которого она когда-то страстно любила. Чтобы разобраться в себе и разорвать сплетающуюся вокруг нее паутину ужаса, девушка вынуждена совершить путешествие в собственное прошлое и встретиться с самой смертью.

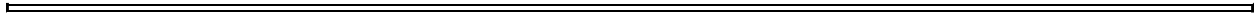
Найдется ли в сердце место надежде, когда пробил час и уже почти не осталось ни веры, ни любви?

- [Наталья Калинина](#)

- [I](#) ■
- [II](#) ■
- [III](#) ■
- [IV](#) ■
- [V](#) ■
- [VI](#) ■
- [VII](#) ■
- [VIII](#) ■
- [IX](#) ■
- [X](#) ■
- [XI](#) ■
- [XII](#) ■
- [XIII](#)

-
- [Два с половиной месяца спустя](#)
-

Наталья Калинина
Малиновый запах надежды

Лелик был, как обычно, пунктуален: ровно в шесть вечера его понтовый джип, прозванный мной монстром, уже караулил меня во дворе офисного здания. И сам хозяин джипа, обнимаясь с букетом непременно бордовых роз (какая банальность!), терпеливо ожидал в пропахшем туалетной водой салоне. Пунктуальность, розы, прозвище Мартышка, туалетная вода, робкий поцелуй в щеку при встрече – это Лелик за мной ухаживал. Я тоже была в своем репертуаре – опоздавшая, чуть насмешливая и чуть капризная.

– Опять розы, Лелик! Ну, хоть бы раз ради разнообразия кактусы подарил! – засмеялась я, небрежно бросая «королевский» букет на заднее сиденье машины.

Мой спутник, не оценив иронии, растерянно захлопал ресницами. «А розы чем хуже?..» – так и читалось на его круглой физиономии. «Обыденностью и шаблонностью!» – ответил ему мой смеющийся взгляд.

– Будут тебе кактусы, Мартышка. Когда-нибудь... – вздохнул Лелик и завел двигатель.

«Монстр» с удивительной для его габаритов поворотливостью вырулил из узкого двора на шоссе.

Лелик был Леликом только для меня. Для всех остальных он оставался Леней, Леонидом или Леонидом Николаевичем. А «Лелик» – это моя месть за «Мартышку». Впрочем, новое имя Леонид Николаевич Туманов принял почти с детским восторгом, видимо, посчитал, что подобные прозвища сближают. Ох, надеялся, надеялся Леонид Николаевич, даже несмотря на мое категоричное заявление два месяца назад: «Лелик, между нами возможны лишь дружеские отношения, и точка!»

– Ты сегодня очень красивая! – сказал он, как обычно.

Я приподняла одну бровь, выражая этим не столько сомнения по поводу комплимента, сколько то, что считала начало разговора избитым.

– Стараюсь, – ответила ему и картинным жестом завела длинную асимметричную челку за ухо.

– Что нового на работе?

– Да так... – пожала я плечами. – Ничего. Пик спроса на путевки прошел, дела понемногу идут на спад. Сезонная закономерность!

– А как же бархатный сезон? – с удивлением спросил Лелик. – Люди ведь продолжают ездить на отдых!

– Продолжают, но уже не так массово, как в июле – августе. Вот за что я разлюбила лето! Все отправляются на курорты, а ты пашешь как проклятая в три силы, обеспечиваешь чужой отдых.

Я работала менеджером в турагентстве и, несмотря на несерьезные стенания, работой своей была довольна. Настолько, что, увлекшись, иногда могла рассказывать о ней часами. Лелик знал это, а потому поспешно перевел разговор, не дав теме из маленькой искорки разгореться до большого пламени:

– Куда поедем?

– Ужинать! Куда – мне все равно. Лишь бы вкусно и быстро, – торопливо попросила я и мысленно помолилась небесам, чтобы Лелику не взбрело в голову отвезти меня в какой-нибудь экзотический ресторан. Мне хотелось нормальной еды.

Леонид был консервативен, предсказуем и банален во всех проявлениях жизни, но только не в выборе еды и ресторанов. Покушать он любил – об этом простодушно ведало наметившееся брюшко, которое Лелик умело маскировал под ладно скроенными пиджаками, на скромных бирках которых значились совершенно нескромные имена дизайнеров, и задался целью перепробовать все кухни мира, включая экзотические. И видимо, считал, что я тоже разделяю его «хобби».

Однажды, еще в самом начале нашего знакомства, из желания произвести на меня впечатление Леонид отвез меня в некий ресторан, где с заговорщицким видом заказал одно из самых дорогих фирменных блюд. Что это было, я так и не поняла. Но до сих пор с содроганием вспоминаю нечто, извивающееся на зеленом листке салата в моей тарелке.

– Лелик, если ты опять вздумаешь порадовать меня экзотикой, то лучше уж вези в «Макдоналдс». По крайней мере, гамбургеры не бегают. И уже не мяукают.

Леонид громко захохотал. Видимо, тоже вспомнил тот случай в ресторане и мой истошный визг, под аккомпанемент которого «еда» благополучно покинула тарелку. Собственными, между прочим, ножками.

– В обычный ресторан отвезу, Мартышка! Не волнуйся.

– То-то же.

Перед нами упорно мельтешил изношенный «Фольксваген», и Леня раздражался: ему не нравилось то, что эта ржавая «жестянка», как он обозвал автомобиль, «путается под ногами».

– «Поцеловать» его слегка в зад, чтобы знал, – проворчал он и посигналил, требуя от того перестроиться в правый ряд и уступить дорогу.

– И ты же виноватым окажешься. Оставь его в покое.

– Не оставлю! Мы торопимся кормить тебя. Ты, когда голодная, злая.

Против того чтобы меня накормить, я не возражала. Лелик посигналил во второй раз, и «Фольксваген», уже почти докатив до пешеходного перехода, послушно вильнул в сторону, но в то же мгновение истерично взвизгнул тормозами и резко затормозил прямо перед нами. И следом за этим так быстро, что я даже не успела вскрикнуть, последовал удар – звонкий и обещающий громкие разборки. Это Лелик, как и пожелал пару минут назад, «поцеловал»-таки «Фольксваген» в зад.

– Б...во! – не стесняясь моего присутствия, громко выругался Леонид, решительно распахнул дверь и вылез из салона разбираться.

Я помедлила и тоже вышла из машины: испугалась, что Лелик разнесет водителя «Фольксвагена» в пух и прах. Может, мое присутствие не даст ему особо разойтись? Но, оказавшись на проезжей части, я застала совершенно неожиданную для меня картину: перед «Фольксвагеном», у которого было разбито лобовое стекло, лежал человек, а оба водителя, Лелик и хозяин легковушки, растерянно над ним замерли.

– Дела-а, – забыв о разборках, удивленно присвистнул Леонид и беспомощно оглянулся на меня.

Я отпихнула обоих мужчин и присела над сбитым пешеходом.

– Жив хоть? – Водитель «Фольксвагена» опустил рядом со мной.

Голос у него оказался несчастный, нервный, готовый вот-вот сорваться на истеричный визг. Видимо, его воображение уже ясно рисовало картину наказания, которое он понесет за сбитого пешехода.

– Не знаю, – покачала я головой и боязливо тронула пострадавшего за плечо.

Тот никак не отреагировал.

– Да что ты стоишь?! – оглянулась я на все так же растерянно почесывающего затылок Лелика. – Аптечку тащи! «Скорую» вызови! Гаишников!

Наверное, в другой ситуации – обычной, мой командный голос, которым я отдавала указания, удивил бы и Леню, и меня, но сейчас мы с ним словно поменялись ролями: он так некстати растерялся, во мне же проснулись способности командира. Лелик, не переча, послушно потрусил к «монстру».

– Откуда он только взялся?.. Дорога была свободная... Выскочил, я даже затормозить не успел... Жив хоть? Вот беда-то... А я уже почти к дому подъехал... И надо же.... – по-бабьи причитал водитель «Фольксвагена», в то время как я осторожно осматривала пострадавшего.

– Жив, – с облегчением выдохнула я, когда парень застонал.

Но действительность тут же лопнула, словно продырявленный шарик, стоило мне внимательней всмотреться в его залитое кровью лицо.

– Господи... Ты же ведь...

Я закрыла ладонью рот, испугавшись, что закричу. Резкая перемена в моем поведении оказалась слишком заметной, и кто-то рядом, но будто издали тревожно спросил:

– Девушка, вам нехорошо?..

– Саш, ты чего?

И без того несчастный водитель «Фольксвагена», и Лелик с аптечкой в руках испуганно смотрели уже не на сбитого пешехода, а на меня.

Я медленно приходила в себя.

– В порядке...

Губы онемели и стали чужими.

В порядке, если не считать того шока, который я испытала, узнав в этом парне любимого мной человека. Тима. Погибшего четыре года назад.

– Саш, отойди, – Лелик, обняв меня за плечи, заставил подняться на ноги. И легонько оттеснил в сторону. – Зрелище не для слабонервных. Ты вон побледнела как.

У меня не хватило сил возмутиться. Очувтившись за спинами мужчин, я в немом оцепении смотрела, как они вдвоем пытаются оказать посильную помощь: Лелик куда-то названивал по мобильному телефону, второй водитель дрожащими руками копался в аптечке в поисках бинта.

– Саш, как ты там? – бросил на меня через плечо встревоженный взгляд Леонид.

– Нормально. Помощь нужна?

– Нет. Сейчас «Скорая» подъедет.

– Хорошо, – пространно ответила я и отошла к «монстру», уткнувшемуся тупым носом в зад «Фольксвагена».

Я не знала, куда себя девать, куда пойти и что сделать, лишь бы больше не стоять за спинами Лелика и водителя «Фольксвагена» и не находить сходство в чертах лица этого парня и того, другого...

Наши аварийные машины создали «пробку», и вокруг стали собираться люди – пешеходы, водители останавливающихся машин. Зеваки. Любопытные, раздражающие мельтешением, ненужной суетой и бесполезными советами.

Опершись на приоткрытую дверцу джипа, я отстраненно смотрела на происходящее, тщетно стараясь отогнать неясные, как размытый волной след на песке, воспоминания о том, что случилось четыре года назад. Время, как морская вода, сгладило их, лишив острых углов – подробностей.

Впрочем, подробности я не могла помнить, потому что пережила их не видя, уйдя на какой-то период в чернильную темноту беспомыслия. И поэтому то, что произошло *тогда*, мне, скорее всего, не вспоминалось, а представлялось. Наверное, тоже, как и сейчас, собралась толпа бесполезных зевак и кто-то, как Лелик и водитель «Фольксвагена», суетился, неумело пытаясь помочь...

Очнувшись от мыслей я лишь тогда, когда носилки с пострадавшим уже занесли в «Скорую». И, поддавшись непонятному порыву, рванулась к машине.

– Куда?! – опешил от такой наглости бородатый врач, собиравшийся захлопнуть дверцы за носилками.

– Пожалуйста... – срывающимся голосом попросила я и умоляюще посмотрела на доктора. Безумный порыв. Безумный.

– Ладно, садись, – сдался со вздохом бородач и помог мне забраться в пахнущее лекарствами нутро машины.

– Саш, ты куда?! – услышала я где-то за спиной изумленный крик Лелика, но даже не оглянулась.

По дороге в больницу мне не удалось рассмотреть сбитого машиной молодого человека. Медики закрывали его от меня, и я, не имея возможности видеть его лицо, разглядывала безвольно свесившуюся с носилок левую руку – полусогнутые пальцы, свежие ссадины на костяшках, выпирающие вены, маленькую родинку возле косточки. Воображение затеяло со мной жестокую игру, и мне, купившейся на его обман, казалось, что это рука Тима.

* * *

...В тот пряный, пахнущий медом и яблоками августовский день шесть лет назад я сидела на лавочке, испещренной надписями вроде «здесь был Вован», в сквере отвергшего меня университета и пыталась справиться с первым в жизни серьезным щелчком по носу. Жизнь казалась бессмысленной, пресной и тоскливо-безвкусной, как серое выходное платье моей деревенской тетки Нюры.

Конечно, все было не так ужасно, как мне думалось, я просто не нашла себя в списках поступивших на манящий формалиновым запахом препаратов и звенящий тонким стеклом пробирок и колб биохимический факультет областного педуза. Но в тот момент такой провал казался чуть

ли не концом света.

Мне было 20 лет, я носила толстую, с руку толщиной, косу до пояса и еще не красила свои натурально-золотые волосы в различные оттенки рыжего. Была немного упитанней, чем сейчас, с мягкими ямочками на щеках-яблоках и почти не нуждалась в косметике, поскольку являлась счастливой обладательницей здорового румянца. В одежде предпочитала удобство и комфорт, но иногда позволяла себе туфли на невысоком каблучке и прилегающие платья. Много читала, в основном переводную литературу. Не питала романтических, свойственных барышням моего возраста иллюзий и была такой же дерзкой на язык, как и сейчас.

Тем летом я окончила педагогическое училище с красным дипломом. И, решив не останавливаться на достигнутом, подала документы в областной педвуз. Но провалилась.

Отличница-медалистка и одна из лучших студенток в училище, я никак не могла взять в толк, где же так оплошала на вступительных экзаменах. Обиды не чувствовала, скорее безмерное удивление: учеба всегда была тем, что давалось мне легко.

И вот, сидя в сквере на лавочке, я пыталась придумать, что мне делать дальше. Вернуться в скучный провинциальный городишко, откуда я была родом, и устроиться воспитательницей в детский сад? Или остаться в этом городе, в который я приехала поступать в единственный на всю область педагогический университет, найти какую-нибудь работу вроде официантки в баре, а по вечерам ходить на подготовительные курсы, чтобы на следующий год вновь подать документы?

Так ничего и не придумав, я собралась было подняться и уйти, но меня остановил незнакомый голос:

– Привет! Если я присяду, не помешаю?

Вопрос был задан не с полагающейся ему вопросительной интонацией, а с утверждающей, будто его хозяин и мысли не мог допустить, что его общество может кому-то помешать. Впрочем, веселый, несерьезный и летне-беззаботный тон начисто лишал вопрос отталкивающей самоуверенности. Я с любопытством оглянулась и увидела высокого молодого человека в синих джинсах и клетчатой красно-белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. В руках парень держал бутылку с газированной водой и булку.

– Не мешаете, – вежливо ответила я и подвинулась, но при этом понадеялась на то, что незнакомец не привяжется с разговором.

Не то чтобы мне не хотелось разговаривать, просто в молодом человеке я интуитивно угадала студента отвергнувшего меня вуза. И если

парень заговорит о студенческой жизни, мне такой разговор в свете моего провала приятным не будет.

К сожалению, молодой человек, похоже, относился к общительным. Нет, он не пристал с банальным вопросом: «Девушка, а как вас зовут?» Он неожиданно протянул мне булку в прозрачной обертке и спросил:

– Хочешь?

Я испуганно покосилась вначале на гостинец, потом – на улыбающегося незнакомца. Булкой на улице меня угощали впервые.

– Бери, не бойся, – засмеялся он. Видимо, выражение лица у меня и в самом деле было испуганным.

– Я похожа на жертву Бухенвальда, раз вызываю у незнакомцев желание накормить меня? – без улыбки осведомилась я.

– Нет, хоть ты и стройная, на жертву Бухенвальда вовсе не тянешь. У тебя лицо грустное, и мне захотелось поднять тебе настроение. В кондитерской на углу выпечка самая вкусная в городе. Попробуй!

– Спасибо.

Я взяла из рук молодого человека еще теплую, видимо, только-только испеченную булку и, разломив ее, половину протянула обратно:

– Вот, это – ваше.

Какое-то время мы жевали молча. Булка и в самом деле оказалась очень вкусной, я проглотила свою половину и даже не заметила как.

Парень не приставал ко мне с расспросами. Он словно забыл обо мне, витая в своих мыслях и машинально отпивая воду из бутылки. И моих коротких взглядов, которые я украдкой бросала на него, не замечал.

Красивым он мне не показался, скорее наоборот. Во-первых, потому что брюнеты никогда не были в моем вкусе. Во-вторых, привлекательность профиля парня портил длинный, с небольшой горбинкой нос. В-третьих, носил незнакомец удлинённые волосы, которые небрежной волной падали ему на лицо. И пусть такая прическа шла ему и вкупе с двухдневной небритостью придавала богемный вид, мне не нравился подобный стиль. Я всегда была за короткие мужские стрижки и гладко выбритые подбородки.

– Не поступила? – вдруг развернулся он ко мне.

Вопрос застал меня врасплох, и я от неожиданности кивнула.

– Не нашла себя в списках, значит, не поступила, – зачем-то добавила после короткой паузы.

– Не конец света, – уверенно сказал молодой человек.

Я могла бы возмутиться, грубо спросить: «А твое какое дело?», усмехнуться или еще как-то проявить негативное отношение к подобным утешениям. Но промолчала, потому что слова парня, удивительно,

нисколько не задели меня. Наоборот, мне в тот момент, как оказалось, не хватало именно такой короткой и уверенной фразы. Да, не конец света.

– Хотя странно. То, что не поступила, – грустно засмеялась я.

И парень снова угадал, о чем я:

– Отличница?

Я кивнула.

– Значит, не просто «красавица, комсомолка, спортсменка и просто хорошая девушка», но еще и отличница. А ну-ка пойдем!

– Куда? – удивленно глянула я на вставшего с лавочки незнакомца.

– Куда-куда, – передразнил он меня и усмехнулся. – Еще раз списки поступивших посмотреть!

И я, подчинившись, послушно поплелась за ним.

– Как твоя фамилия? – спросил меня парень, когда мы вновь вошли в фойе института, где на доске объявлений были вывешены списки зачисленных на первый курс.

– Кушакова.

– На какой факультет поступала?

Я назвала, и молодой человек почему-то обрадовался:

– О! Я тоже на биохиме учусь!

– И поступали в этом году?

– Нет, на последний курс перешел, – ответил он. – Значит, Кушакова?

– Нет меня в списках, чего смотреть, – насупилась я.

Почему-то стало стыдно и неловко перед незнакомцем. Видимо, потому что он уже оканчивал университет, а я даже не поступила.

– Действительно, нет.

– Я же гово...

– погоди! А Ушакова Александра Игоревна случайно не ты?

– Я не Ушакова, я – Ку-ша-ко-ва, – машинально поправила я парня, все еще не догадываясь, что он имеет в виду.

– Но Александра Игоревна – ты?

– Я...

– Ну, значит, поздравляю вас, Александра Игоревна Кушакова-Ушакова! – засмеялся молодой человек. – Ты-то – отличница, а вот тот, кто печатал этот список, – двоечник. Первую букву в твоей фамилии потерял!

Разволновавшись и боясь поверить в такой неожиданный поворот сюжета, я слепо пыталась перечитать список. И не сразу, но обнаружила свою видоизмененную фамилию.

– Но как... Как ты понял, что я могу быть в списках?

От волнения и постепенно заполняющей легкие горячей радости я

перешла на «ты».

– Интуиция! – засмеялся парень. – Со мной тоже произошло нечто подобное. Правда, фамилию мою написали верно, но от волнения я себя не в том списке искал.

Я глупо улыбалась и все еще недоверчиво переводила взгляд с прикрепленного к старой доске листка бумаги, в котором значилась моя и как бы не моя фамилия, на моего спасителя. А вот бы уехала, решив, что не поступила в университет!

– Мне тебя сам бог послал, – расчувствовавшись, выдала я неожиданно смутившемуся молодому человеку.

Знала бы в тот момент, как оказалась права. Но тогда я могла думать лишь о новом статусе студентки.

– А вдруг это ошибка? – спохватилась я запоздало, когда первый прилив шокирующей радости немного схлынул. – И Ушакова Александра Игоревна – вовсе не я, а другая девушка?

– Вряд ли, – уверенно отозвался молодой человек. – Но если хочешь, давай поднимемся в деканат, развеем твои сомнения.

И я безропотно отправилась за ним. Мы шли куда-то длинным неотремонтированным коридором по скрипучему, стертому и местами продавленному деревянному полу. Потом поднимались по чугунной винтовой лестнице: парень – уверенно впереди, я – сзади, с интересом оглядывая стены. В тот чудесный момент своего триумфа я не замечала убогой обстановки старого здания, кричащего о ремонте, не видела облупившейся на стенах краски и желтых разводов на бывшем когда-то белым потолке. Здание мне казалось прекрасным уже потому, что я собиралась в нем учиться.

– Кстати, меня Тимом зовут, – оглянулся с улыбкой молодой человек.

– Тим – это Тимур? – уточнила я.

– Нет, Тимофей. Но я терпеть не могу свое полное имя, кошачье оно какое-то. Все зовут меня Тимом.

– Ага, – из вежливости ответила я, подумав, что вряд ли отнесусь к этим «всем» просто потому, что наша встреча так и останется коротким эпизодом, а знакомство не перерастет не только в дружбу, но даже в шапочное приятельство...

* * *

...Вернулась я домой почти ни с чем: мне так и не удалось узнать что-

либо о пострадавшем в аварии парне, лишь то, что состояние его оценили как тяжелое. Ни имени, ни фамилии, ни адреса: при нем не оказалось документов. Я просидела в больничном коридоре в ожидании вестей час или полтора, потом оставила медсестре свой телефон и зачем-то адрес и, решив про себя, что завтра вновь приеду сюда, ушла.

На мобильном оказалось три пропущенных звонка от Леонида, но я, понимая, что поступаю эгоистично, решила перезвонить позже, когда остынет расплавленная ожившими воспоминаниями лава мыслей.

Однако едва я успела переодеться в домашнюю одежду, как в дверь позвонили. Это был Лелик. Обескураженный, немного сердитый и испуганный. Это ему категорически не шло – быть испуганным.

– Тебе не идет, – так и сказала я, пропуская его в квартиру. Физиономия Лелика, обычно круглая, от удивления вытянулась и почему-то напомнила мне продолговатую ташкентскую дыню. Наверное, в другое время это было бы смешно – «дынная» физиономия растерянного Лелика, но не сейчас.

– Что – не идет? – непонимающе переспросил он.

– Быть напуганным. Это тебе не идет.

Я оставила его в коридоре разуваться и отправилась на кухню ставить чайник.

– Черт возьми, Александра! – воскликнул раздраженно Леонид, появляясь на кухне. Кажется, он впервые назвал меня полным именем. – Что это за выкрутасы были? Я такого представления от тебя не ожидал! Сорвалась и помчалась. Куда, спрашивается? На кой ляд?

– Туда и на тот ляд, – пожала я плечами. Негодование Лелика странным образом немного привело меня в чувство. – С ментами и водителем разобрался? И что там с машиной?

– Разобрался, – махнул рукой он. – С машиной ничего серьезного, к тому же она у меня застрахована. А мужика-водителя немного жаль.

Я промолчала и включила наполненный свежей водой электрический чайник.

– Как там парень, узнала? – спросил Леонид, чтобы получить от меня хоть какой-то ответ.

– Узнала. Фигово, – произнесла я, не поворачиваясь, чтобы он не смог прочитать на моем лице весь спектр ненужных эмоций. Он бы не понял.

– М-да-а, не повезло парнишке! И мужику – тоже. Обоим не повезло. Се ля ви, – Лелик иногда пытался быть философом. – Ты так и не объяснила, на кой дернулась в эту «Скорую».

Я пожала плечами и, потрогав ладонью чайник, спросила:

– Лелик, у тебя есть сигареты?

– Ну, есть...

Он послушно вытащил из кармана сине-белую пачку, но тут же спохватился и грозным тоном строгого папочки провозгласил:

– Ты же не куришь!

– Не курю, – согласилась я и повернулась к нему. – Но все равно дай. Одну.

– Мартышка, что произошло? – нахмурился Леня и подался корпусом ко мне. – Ты... какая-то странная. Словно заторможенная. На тебя такое впечатление авария произвела?

Я кивнула, хватаясь за этот предлог – увиденную аварию, – как за удобный поручень. И неожиданно почувствовала, как на глаза наворачиваются так и не выплаканные когда-то слезы. Вот тебе и «черствая девочка», «железная кнопка» – надуманный имидж, который грозил расплзтись клочками, как упавшая в воду бумажная салфетка. Разреветься при Лелике – этого мне еще не хватало.

– Леня, я хочу побыть одна, – торопливо попросила я его. И мысленно помолилась небесам, чтобы Лелик меня послушался.

– Ладно, Мартышка, – сдался он после видимых колебаний. – Оставлю тебя, как хочешь. Надеюсь, все обойдется без глупостей?

Не знаю, что он имел в виду под «глупостями», но я, тихо радуясь тому, что останусь сейчас одна, кивнула. Леня с красноречивым сожалением покосился на чайник и отправился в коридор. Сигарет он мне так и не оставил. Наверное, в отместку за то, что я не предложила ему выпить чаю.

Но побыть в одиночестве мне так и не удалось. В тот момент, когда я уселась с чашкой чая за стол и, зажмурившись, втянула в себя пахнущий бергамотом пар, в дверь вновь позвонили. Решив, что это вернулся Леонид, я с сожалением отставила чашку и отправилась открывать. Но на пороге стояла Лейла – моя подруга и соседка. Поправив на полной, кормящей груди халатик, она застенчиво улыбнулась:

– Добрый вечер, Саша! Извини, если помешала, но у меня к тебе просьба...

– Входи, – гостеприимно пригласила я. – Чаю вместе выпьем!

– Я ненадолго, маленького на свекровь оставила, – предупредила Лейла, но, однако, вошла.

– Ничего, потерпит твоя свекровь, – беззлобно усмехнулась я, доставая из шкафчика вторую чашку и наливая в нее заварки.

Тамара Сергеевна – свекровь Лейлы – была приятной женщиной, с

невесткой ладила. По-крайней мере, жалоб на нее я от подружки никогда не слышала. Впрочем, Лейла была женщиной восточной, и может быть, в их культуре не принято перемывать свекровям косточки даже с подружками?

– Ко мне брат с женой на пару дней приезжают, – вздохнула Лейла.

И по ее тону я поняла, что все же какой-то конфликт со свекровью на эту тему был. Да оно и немудрено. Вряд ли Тамара Сергеевна пришла в восторг от предстоящего приезда родственников своей невестки.

– На несколько дней, потом уедут. Но места у нас мало...

– Ты хочешь сама попроситься на ночлег или свекровь временно ко мне отселить? – с иронией поинтересовалась я.

Лейла шутки не поняла и испуганно вскинула на меня оленьи глаза с мягкими пушистыми ресницами:

– Нет, что ты, что ты! Я лишь хочу попросить у тебя надувной матрас! Он ведь у тебя есть?

Матрас у меня действительно был – собственность хозяйки, у которой я снимала эту однокомнатную квартирку.

– Одолжишь? А я для тебя сделаю все, что только пожелаешь! – великодушно пообещала Лейла, заглядывая мне в глаза.

Просить она не любила и не умела.

– Ну, это ты махнула – «все, что пожелаешь»! Забирай матрас и так.

– Ой, спасибо...

– Лейл, а может, погадаешь мне? – неожиданно для себя и для нее попросила я.

Лейла рассказывала, что бабушка научила ее читать прошлое и будущее по картам, и пару раз предлагала погадать мне, но я отказывалась.

– Сейчас? – округлила глаза подружка и испуганно оглянулась на дверь, будто в этот момент на кухню могли войти свекровь или муж.

Как-то Серега, муж Лейлы, при мне неловко пошутил на тему способностей жены, после чего Лейла старалась при нем и Тамаре Сергеевне не говорить о картах.

– Сейчас, – твердо сказала я.

То ли благодаря прозвучавшей в моем голосе решимости, то ли в знак благодарности за матрас подружка встала, молча вышла из моей квартиры и уже через минуту вернулась.

– Задай вопрос, – попросила она меня, тасуя карты.

– Не знаю, что спросить, Лейла, – призналась я, все еще удивляясь своему странному порыву, ведь гаданиям я не верила. – Просто скажи, что меня ждет.

– Работа, – ответила подружка, выкладывая первую карту. – Здесь все

без изменений, по крайней мере, не вижу перемен.

– Уже на том спасибо, – усмехнулась я. Менять работу пока не собиралась.

– ...Дорога дальняя, но лучше не ехать. Дорога ведет в прошлое, а жить надо будущим. Не возвращайся в прошлое, как бы оно тебя ни манило. Два короля около тебя, оба близко. Один из них тянется к тебе, да ты не подпускаешь. Он хороший человек, у вас может что-то быть, очень скоро. Второй... Вот второй очень много будет значить в твоей жизни. Или значил? Нечетко вижу. Будет он в твоём будущем, но связан с прошлым.

Сердце мое на мгновение замерло и тут же забилось в тройном ритме, кровь прихлынула к щекам.

– А подробней, Лейла, на этого короля?

Подруга послушно выложила еще одну карту и вздохнула:

– Не желают говорить. Либо еще рано тебе знать, либо вообще знать не стоит.

– То есть как это «знать не стоит»?! – возмутилась я. – Для этого и гадаю!

Лейла ничего не ответила, лишь загадочно улыбнулась, сгребла карты со стола, перетасовала их и вновь выложила причудливый веер. Долго сидела над ним, размышляя, после чего быстро глянула на меня и серьезно произнесла:

– Саш, послушай меня. Я вижу два пути. Один ведет к тихой, без вулкана страстей, но вполне стабильной жизни. Тебе только стоит принять предложение мужчины, который окажется рядом. Второй путь ведет в прошлое. Будет великий соблазн пойти по нему, но не поддавайся на провокации. Я увидела твое прошлое, оно страшное, и, если попытаешься вернуться в него, погибнешь. Считай, карты предупредили.

– Вот так погадали, – растерянно протянула я, в то время когда Лейла торопливо убирала карты в коробочку, а коробочку – в карман халата.

– Как погадали, так погадали, – то ли обиделась, то ли рассердилась она.

– Извини, не хотела тебя обидеть!

– Я не обиделась. Я обеспокоилась. Оставь прошлое в покое, Саша. Ты чудом вырвалась из него. Впереди у тебя другая жизнь, светлая... Я настоятельно рекомендую принять предложение, которое скоро поступит. Это тебя спасет. Спасибо за чай! Пойду я, а то маленький у меня один.

– Не один, а со свекровью, – напомнила я.

– Какая разница. Так Сергей зайдет за матрасом?

– Конечно!

– Спасибо! Скажу ему, – обрадовалась подруга.

Она ушла, а я еще долго сидела на кухне, думая над ее словами. Лейла многое могла бы увидеть в картах, но вряд ли больше того, что я сама знала. Моим горько-сладким прошлым, вязким настоящим и разбитым будущим был Тим.

II

В эту бесконечную и трезвую, несмотря на выпитую бутылку вина, ночь я почти не спала, вновь и вновь переживая наслаивающийся на хаотичные воспоминания из прошлого эпизод с ДТП. А когда прозвенел будильник, машинально собралась на работу и вышла на улицу.

Асфальт леденцово блестел свежими лужами. И я, резво перепрыгивая их, убеждалась в мысли, что за эту ночь прошла целая жизнь. Даже осень состарилась, превратившись из легкомысленной солнечно-улыбчивой девушки с золотыми листьями-веснушками в хмурую седую старуху, щедро оплакавшую свое стремительное старение проливным дождем. Я, глядя на умирающие в грязных лужах желтые листья, тоже чувствовала себя кленовым листом, когда-то сочным и полным жизненных сил, а сейчас высохшим, с сохранившейся внешней оболочкой, но уже отмершей сердцевинкой.

Рабочий день начался с проблем. Едва я появилась на пороге офиса, как уже находившаяся за своим столом начальница Валентина объявила, что работать нам придется вдвоем – заболела другая сотрудница, Ирина.

– Когда она выйдет? – без энтузиазма поинтересовалась я. Конечно, сейчас уже не летний сезон, но работы хватало. Впрочем, в том, что мне сегодня придется потрудиться за двоих, тоже был свой плюс: занятая делом, отвлекусь от ненужных воспоминаний.

– Пообещала быть завтра, сказала, что чем-то отравилась.

Ответив мне, Валентина принялась печатать на компьютере с таким яростным стуком, будто пыталась вбить клавиши в стол. А я сняла трубки телефонов, зазвонивших одновременно и на моем столе, и на столе заболевшей напарницы.

Сначала мне пришлось разбираться с Ириными клиентами, оставшимися недовольными путешествием. Претензии были скорей раздутыми и не тянули на уровень международного конфликта, однако клиенты попались очень скандальными, и история со сломавшимся в номере телевизором в их интерпретации выглядела вселенской катастрофой. Парочка успела поругаться и в отеле, после чего в этот же вечер получила другой номер с работающим телевизором, и для порядка – выдвинуть претензии и нашему агентству. Я с трудом сдержалась, чтобы не отправить скандалистов в бонусный «пеший эротический тур» без

телевизора и кондиционера. Остановил лишь встревоженный взгляд начальницы.

Дальше работы, несмотря на межсезонье, навалилось столько, что не осталось времени даже на нормальный обед. Мы с Валентиной, воспользовавшись короткой трехминутной паузой, когда в офисе не оказалось клиентов, торопливо перекусили бутербродами и вновь завертелись в рабочем вихре телефонных звонков, поисков и оформлений туров, переговоров с авиакомпаниями и туроператорами.

В этом туристическом агентстве с многообещающим названием «Парадиз» я работала три года. Это была моя вторая столичная работа, первой же оказалась должность нянечки в детском саду в одном из окраинных районов Москвы. Нянечкой работать меня устроила Мария Федоровна, у которой я первое время по приезде в Москву снимала комнату. Я где-то с год проработала в саду, а потом, прочитав в газете объявление о свободных вакансиях в туристическом агентстве, пришла на собеседование.

Удивительно, но меня взяли, хоть у меня и не было опыта работы в этой сфере. Я быстро вникла в новое дело. Чуть позже, сняв однокомнатную квартиру, в которой и живу, я съехала от гостеприимной старушки Марии Федоровны. Но иногда – по выходным или праздникам – покупаю гостинцы и еду ее навещать.

– ...Девушка-красавица, посмотрите, пожалуйста, дали ли мне визу во Францию, – раздался в телефонной трубке мужской голос – сочный, глубокий и с веселыми интонациями, будто мужчина пребывал в таком хорошем расположении духа, что даже решил позволить себе небольшой флирт по телефону.

– Без проблем! – бодро ответила я, невольно заразившись игривыми нотками в голосе позвонившего. – Ваша фамилия?.. Имя?..

– Лазарин. Тимофей.

Руки так и зависли над клавиатурой.

* * *

...После первой встречи с Тимом в институтском сквере прошло больше месяца, прежде чем мы увиделись вновь. Признаться, я и думать забыла о случайном знакомом, который оказал мне неоценимую услугу. Завертелась в суете учебных будней, из-за новизны казавшихся праздниками. Утром уходила в университет и возвращалась в общежитие

почти к вечеру: учебная программа первокурсников оказалась довольно насыщенной.

В общежитии меня поселили на четвертом этаже – одном из двух этажей, отданных студентам естественно-экологического факультета. Моей соседкой по комнате оказалась старшекурсница с географического отделения. Мне с ней повезло: Марина была девушкой серьезной, ее тоже, как и меня, больше интересовала учеба, чем студенческие угарные вечеринки, молодых людей она к себе не приглашала, так как уже была замужем. Ко мне относилась без снисхождения старшекурсницы к первокурснице, потому что разница в возрасте у нас была всего полтора года: Марина поступила в университет в семнадцать лет, я же, как упоминала раньше, в двадцать. Подругами мы с ней не стали, но отношения между нами на протяжении того года, в течение которого мы делили комнату, складывались легкие и довольно теплые.

В тот день мы с Мариной обедали вместе в шумной студенческой столовой, где воздух пропитался тошнотворными запахами пригорелой еды, квашеной капусты и жареной рыбы. Обычно во время большого перерыва мы обе возвращались на обед в общежитие. Но, помнится, в тот день был проливной дождь, выходить из здания совершенно не хотелось, и мы с Мариной независимо друг от друга приняли решение перекусить в столовой. Встретившись возле прилавка со снедью, купили по стакану компота, жареных пирожков и успели занять один из немногочисленных столиков.

Разговаривать нам особо было не о чем, все темы оказывались связаны с нашим незамысловатым бытом: что приготовить на ужин, чья очередь убирать комнату и кто первым пойдет в душ. Личным мы не делились, я лишь знала, что с мужем Марина видится лишь по выходным, когда уезжает в свой поселок. А мне рассказывать было нечего, потому что бойфренда у меня не было. Об учебе мы тоже не могли говорить, поскольку учились на разных отделениях, программа у нас была разная, преподаватели – тоже. Так что мы почти в полном молчании жевали свои пироги, скучали, посматривая на часы и изредка перебрасываясь ленивыми репликами.

Наше уединение было нарушено весьма неожиданным образом. От буфетной стойки отошел высокий молодой человек и, оглянувшись по сторонам в поисках свободного стола, вдруг направился к нашему.

– Привет! – жизнерадостно поприветствовал он меня, и я в нем не сразу, но узнала того, кто помог найти мою фамилию в списках поступивших.

Нет, оказанную мне помощь я не забыла. Просто лицо парня за время, прошедшее с первой встречи, выветрилось из памяти. К тому же он коротко остриг волосы и на этот раз был гладко выбрит.

– Привет! – поздоровалась я с ним под удивленным взглядом Марины.

– Ты меня помнишь? – поинтересовался молодой человек с лукавой улыбкой. Надо отдать должное – улыбка у него была красивая, делающая его не совсем привлекательное, на мой взгляд, лицо симпатичным.

– Тимур? – уверенно спросила я.

– Нет, Тимофей, – усмехнулся он. – Лучше – просто Тим. Можно, я к вам присяду?

В руках у него, как и в тот, первый раз, была булка, на что я довольно живо отреагировала:

– Опять будешь угощать?

– Если хочешь...

– Нет, спасибо, я уже поела.

Он пробыл в нашем обществе недолго, ровно столько, сколько необходимо, чтобы съесть небольшую булку и запить ее остывшим чаем. Скорей из вежливости, чем из интереса спросил об учебе и общежитии. И когда узнал, что меня поселили на четвертом этаже, обрадованно воскликнул:

– О! Так мы еще и соседи! Странно, что до сих пор не встретились. Впрочем, я только позавчера заселился в свою комнату.

Марина в разговоре участия не принимала, хоть я и представила ее Тиму. И лишь когда тот, вежливо с нами попрощавшись, ушел, с непонятным мне восхищением протянула:

– Ну, ты шустра-а! Скромница наша. Когда успела с Лазариным познакомиться?

– С кем?

– С Тимом.

А я, в свою очередь, удивилась:

– Так ты его знаешь? А почему молчала?

– Ну, кто его не знает, «звезду» нашу, – засмеялась моя соседка. И не было понятно, произнесла ли она слово «звезда» с отрицательным оттенком или, наоборот, с положительным. – Первый парень на деревне, то есть в нашем универе. Половина девчонок по нему с ума сходит.

– И что же в нем пол-института девчонок находят? Он совсем не красавец! – скептически сморщила я нос.

Внешне Тим был абсолютно не в моем вкусе. Мое внимание привлек бы парень с по-мальчишески мягкими чертами лица, копной светло-русых

волос и небесно-голубыми глазами, чем-то похожий на Леонардо Ди Каприо. Ничего общего с подобным типажом мой новый знакомый не имел. Разве что глаза у него были чистого синего цвета, как утреннее море.

– Ну, кто-то находит его очень даже привлекательным, – ухмыльнулась Марина. Ее забавлял наш разговор. Возможно, потому, что она привыкла слышать о Тиме лишь восхищенные отзывы. – Думаю, что увлекаются им «за компанию» и в дань «моде». Хотя, если быть справедливой, харизмы и таланта Лазарину не занимать. Впрочем, как-нибудь сама поймешь.

Что имела в виду Марина, я узнала немного позже.

В нашем университете в начале октября был устроен концерт по случаю Дня учителя. Я не любила вечера студенческой самодеятельности. В педагогическом училище, помнится, тоже проходили подобные представления, на которые я поначалу ходила, а потом перестала – наскучило. Я бы не пошла и на тот концерт, но в последний момент меня уговорила сокурсница.

Представление было так себе: занудная торжественная речь, частушки, несмешные сценки. Я скучала, но моей приятельнице нравилось. Я высидела больше половины и, не выдержав, шепнула сокурснице, что собираюсь уйти.

– Как? Сашка... – огорчилась та столь искренне, что мне стало неудобно.

– Ну ладно, не уйду. Только выйду в туалет, хорошо?

В вестибюле было прохладно. Я присела на подоконник, чтобы с наслаждением подышать свежим воздухом, который после душной атмосферы битком набитого актового зала показался по-особенному вкусным. Таким вкусным бывает воздух накануне Нового года, только с примесью мандаринового аромата.

– Привет! – вдруг окликнули меня.

Я недовольно оглянулась на того, кто помешал моему уединению, и без особого энтузиазма поздоровалась:

– Салют.

– Что-то ты не в настроении, – заметил Тим, присаживаясь рядом со мной на подоконник.

– Да нет, почему же... В настроении. А вот концерт скучный. Мне не нравится.

– И чем же он тебе не нравится? – продолжал с улыбкой допытываться Тим.

«И что в нем харизматичного?» – подумалось мне. Напротив, он казался прилипчивым: ну разве не видит, что не настроена я разговаривать?

– Частушками! – выпалила я. – Терпеть не могу частушки, все эти «ой-люли-люли...». Неужели ничего новей придумать нельзя?

– А вот возьми и придумай! – засмеялся он, но мне показалось, будто я его чем-то задела. – В следующий раз позовем тебя в сценаристы. Придумаешь что-нибудь оригинальное.

– Хотя бы! – с вызовом дернула я плечом.

– Обиделась, что ли?

– На что обижаться?

– Какая ты колючая. Не надо быть такой, – сказал он уже серьезно, без улыбки, глядя мне прямо в глаза.

И от этого интимного взгляда я неожиданно смутилась и покраснела. И еще подумала, что, пожалуй, поняла бы тех девчонок, которые попались, как на крючок, на морскую синеву его глаз.

– Какая уж есть, – пробурчала я еле слышно и отвела взгляд.

Тим хотел мне сказать что-то еще, но в этот момент его окликнул незнакомый мне парень довольно живописной внешности – с бородой и длинными нечесаными волосами, выкрашенными в черный цвет:

– Тим, харэ девчонку клеить, идешь?

– Иду.

И прежде чем уйти, Тим спросил меня:

– Ты вернешься на концерт?

– Что я там забыла, частушки?

– Хотя бы, – поддел он меня с лукавой усмешкой. И ушел.

Я вернулась в актовый зал уже под конец концерта, выполняя обещание, данное сокурснице.

Открывая тяжелую дверь, ожидала, что на меня выплеснутся очередные куплеты или претендующие на острую иронию диалоги, но то, что услышала, ввергло меня в шок. Я остановилась на пороге, в первое мгновение решив, что ошиблась дверью и попала не в университетский актовый зал, а в другое место. В другой мир. В тот мир, в котором был лишь этот сильный, гибкий голос с сексуальной хрипотцой, вызывающей мурашки по коже.

Моя скука, моя насмешливость разбились о него, и лишь короткой вспышкой мелькнула мысль – как же я жила раньше, без этого голоса? Он будто наполнил волшебными красками мой мир, до этого существовавший лишь в виде простого карандашного наброска. Я так и осталась стоять в проходе, боясь неловким движением развеять чудесное наваждение.

Я даже не вслушивалась в слова песни. Они были не нужны – простые слова, казавшиеся бесцветными и плоскими по сравнению с многогранным

объемным голосом, с филигранным мастерством выводящим сложную незнакомую мелодию. Я подседа сразу и бесповоротно на этот голос, как на сильный наркотик, понимая, что теперь без него жизнь станет жестокой ломкой.

Но мне уже не нужна была другая жизнь. Я впитывала эту отравляющую мое сердце магию, не сопротивляясь, требуя еще и еще. Не слыша слов, не разбирая нот, знала, что поется сейчас мне и обо мне. О моих чувствах, переживаниях, надеждах и мечтах. О моем прошлом, настоящем и будущем. О моих потерях и приобретениях. О моей любви. Иначе и быть не может.

С такими личными, слишком интимными интонациями, которые с легкостью открыли потайные замки моей души, запечатанные до этого семью секретами, не могло петься о ком-то другом. Этот голос вынул наружу мои сокровенные тайны, о существовании которых я ранее не подозревала. И взамен поделился своими. На секунду у меня мелькнула здравая мысль, что каждый сидящий в зале тоже, наверное, испытывает подобные ощущения. На секунду – и пропала.

Когда смолкли финальные аккорды и оборвалась последняя нота, я еще какое-то время стояла в полном оцепенении, с жадной надеждой ожидая продолжения. Но моего слуха коснулись другие шумы – аплодисменты и выкрики, – разрушившие магию. И я наконец-то смогла взглянуть на сцену и *увидеть* пятерых ребят, которые играли эту музыку. До этого я была слепа, меня будто на время лишили зрения, чтобы обострить слух.

Первым я узнала длинноволосого бородача, которого встретила в холле. Парень восседал за барабанной установкой и имел полное право гордиться своей игрой. И хоть он не мог меня видеть, я поблагодарила его улыбкой. Клавишника и двоих гитаристов я видела впервые. А человек, стоявший возле микрофона, был Тим.

«Что он тут делает, в провинциальном педагогическом, с таким голосом?..» – подумала я с недоумением, которое сменилось смесью теплой радости и сладкой грусти.

– Спасибо, – чуть хриловато поблагодарил зрителей Тим, снимая ремень гитары, и улыбнулся.

И под еще не полностью развеявшимся наваждением мне показалось, будто улыбнулся он мне лично. Хотя, конечно, видеть он меня не мог.

– ...Девушка, девушка? Вы еще там? – встревоженный моим долгим молчанием, вопрошал в телефонную трубку мужчина, которого по какому-то роковому совпадению звали Тимофеем Лазариным.

– Да, – выдавила я. – Да, я здесь.

– Что-то случилось? Визу не дали? – беспокоился клиент.

– Ищу ваши документы, минуточку, – отговорила я, метнулась к столу заболевшей напарницы и лихорадочно принялась рыться в папке с документами. Я могла бы посмотреть в компьютере, пришли ли паспорта из посольства, но мне хотелось увидеть документы лично – чтобы убедиться. В чем убедиться? В том, что этот Тимофей – не *мой* Тим?

Вот, вот его анкета. Взглянув на заполненные неровными буквами строчки, я вздохнула и с облегчением, и со странным разочарованием: этот мужчина, конечно же, никак не мог быть *моим* Тимом. Фамилия его была не «Лазарин», как мне послышалось, а «Азарин». Созвучные фамилии, отличающиеся лишь одной буквой. Немудрено, что я ослышалась, да еще в свете вчерашней аварии, которая разворошила уснувшие было воспоминания о Тиме. И все же, поддавшись любопытству, я пробежалась взглядом по заполненным строчкам анкеты, мысленно отмечая: почерк незнакомый, возраст клиента – сорок восемь лет, тогда как Тиму сейчас был бы тридцать один год, женат, сотрудник агентства недвижимости...

– Да, визу вам дали, – объявила я заждавшемуся клиенту. – Вечером можете забрать паспорт, путевку и билеты.

– Спасибо, красавица! – обрадовался мужчина.

– Скажите, а вы... поете? – неожиданно спросила я, немало смутив его странным вопросом.

– Нет. Разве что иногда, как все, в душе. Или в душе, – засмеялся мужчина, справившись с изумлением. – А что, на паспортном контроле придется пограничникам гимн державы петь?

– Нет, гимн петь не придется, – успокоила я его. – Извините, просто вырвалось. Вас зовут как... одного певца. Ну, почти так. Вот и сорвалось с языка.

– Н-да, не слышал о таком певце. Он как Кобзон, Киркоров?

– Нет, он... рок-певец. Извините.

Дура, ну надо же, выдала... Поет ли он!

Я повесила трубку и прижала ладони к пылающим щекам.

– Эй, с тобой все в порядке? – окликнула меня начальница, выглядывая из-за своего монитора.

Глаза Валентины от беспокойства стали почти идеально круглыми, что сделало ее похожей на испуганную сову.

– В порядке.

– Саш, какие-то проблемы?

– Да нет никаких проблем! – досадливо отмахнулась я от настойчивых расспросов и с некоторым облегчением сняла трубку звонившего телефона.

К вечеру наступило затишье, и я, нагло соврав, что неважно себя чувствую, отпросилась у Валентины почти на час раньше. Мне просто хотелось навестить в больнице незнакомца.

Я не сразу решилась толкнуть грязно-белую дверь нужной мне палаты. Характерный больничный запах освежил потускневшие со временем воспоминания и воскресил размытые ассоциации. Мое сердце билось так громко, что, казалось, его стук услышал бы любой, находящийся от меня в радиусе метра. Зачем я пришла? Войду и что, вернее, кого там увижу? Что скажу незнакомцу? Нет, не пойду.

– Девушка, а вы стучите громче, вот так!

Невесть откуда взявшаяся бабка-санитарка поднырнула под мою руку и громко три раза стукнула в дверь, после чего, не дожидаясь ответа, бесцеремонно распахнула ее.

– Ну, иди!

Она даже подтолкнула меня ладонью с растопыренными пальцами в спину. И я, сделав глубокий вдох, как перед прыжком в холодную воду, шагнула в полутемное помещение со спертым воздухом.

Палата была на два человека, но одна кровать оказалась застеленной. А на той, что стояла возле окна, лежал накрытый до подбородка одеялом молодой мужчина. Погруженный в нездоровую дрему, он не услышал шума открывающейся двери и не отреагировал на мое появление. Я нерешительно сделала несколько шагов и остановилась в метре от койки. Это был он – Тим. Его профиль. Его плотно сжатые губы, которые я когда-то целовала и которые казались мне слаще малины. Его ресницы – длинные и прямые, как стрелы.

– Тим... Тим? – поддаваясь наваждению, позвала я.

Голос от волнения почти пропал, но парень услышал мой едва различимый шепот и повернул голову.

Наваждение с оглушающим звоном разбилось на осколки, стоило лишь молодому человеку взглянуть на меня. Одурманенная распоясавшимся воображением, я ожидала увидеть морскую синеву, но глаза незнакомца оказались темно-карими. И этот цвет показался мне в свете жестокого разочарования обыденным и скучным.

Мы еще с полминуты молча рассматривали друг друга, после чего парень тихо произнес:

– Добрый вечер.

– Добрый, – смущенно улыбнулась я и пододвинула ближе к кровати дерматиновый стул.

– Меня зовут Александра. Я... Я решила навестить вас, потому что... Потому что беспокоилась. Я была в одной из машин, попавших в то ДТП. Приходила вчера, но мне не разрешили визит.

Он смотрел на меня, часто моргая и пытаясь сконцентрироваться на моих скомканных объяснениях. И от его молчания моя неловкость разбухала, будто замоченный в воде горох. Мне хотелось уйти, но просто взять и попрощаться всего лишь через пару минут «разговора» казалось невежливым. Мелькнула запоздалая мысль, что надо было принести гостинец.

– Как вы себя чувствуете?

– Сносно.

Уголки его губ дрогнули в слабой улыбке, которая тоже, как и глаза, у него была своя, не имеющая ничего общего с улыбкой Тима. Сейчас, рассматривая лицо незнакомца, чуть оживленное и измененное мимикой, я видела, что оно не так похоже на лицо Тима, как казалось мне раньше.

Нервно теребя пальцами кожаную ручку сумочки, я судорожно искала, что бы еще сказать ему – незнакомому человеку, который с молчаливым вопросом во взгляде смотрел на меня. И на ум не приходило ни одной свежей мысли.

– Может, вам что-то надо? Книги, фрукты, музыку?.. – задала я банальный вопрос, не найдя других.

И почему-то почувствовала себя виноватой, так, будто это я была за рулем автомобиля, совершившего наезд.

– Нет, спасибо. Я еще не могу читать. Фрукты есть – тоже. Может быть, музыку...

– Я принесу плеер! – обрадованно пообещала я зачем-то, хотя не собиралась вновь навещать этого молодого человека.

– Спасибо, – со слабой улыбкой поблагодарил он.

А я, оглянувшись на шум открывающейся двери и увидев входящую медсестру, воспользовалась ситуацией, чтобы попрощаться:

– Не буду мешать. Мне уже пора.

Я вышла из госпиталя и зашла в первое попавшееся кафе. И когда усаживалась за столик, услышала писк мобильного в сумочке.

– Сашенька, это Мария Федоровна, – раздался в трубке знакомый чуть скрипучий голос, которому я несказанно обрадовалась.

– Мария Федоровна! – воскликнула я, но тут же тревожно спросила, потому что звонила она мне очень редко: – Что-то случилось? Как вы?

– А что со мной, старой перечницей, может случиться? – засмеялась старушка мелким дребезжащим смехом. – Все у меня в порядке. Звоню вот, чтобы сказать, что мой телефонный номер поменяется. Запиши, пожалуйста.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась я, доставая из сумочки ручку и беря салфетку.

Старушка продиктовала мне новый номер телефона, посетовала на телефонную станцию, зачем-то решившую поменять номера в их районе, рассказала немного о своих стариковских делах, поинтересовалась моей жизнью и, довольная нашим коротким разговором, попрощалась.

Я внесла ее номер в память мобильного, скомкала ненужную салфетку и бросила в пустую пепельницу на столе. Возле моего столика уже нарисовалась официантка, но не успела я сделать заказ, как мой мобильный вновь зазвонил. На этот раз – Лелик.

– Мартышка, что случилось? Как ты себя чувствуешь? Я приехал за тобой на работу, но твоя начальница сказала, что отпустила тебя домой, потому что ты плохо себя чувствовала.

Проницательный мой! Золотой! Ну почему, почему я не влюблена в тебя?

– Э-э... Со мной все в порядке, – постаралась успокоить я Леонида.

– Где ты? Я сейчас топчусь перед твоей дверью, но ты мне не открываешь.

– Я не дома, а в... кафе, – с некоторой запинкой призналась я.

Говорить о том, что навещала в больнице сбитого вчера пешехода, не хотелось.

– Где это кафе находится? Сейчас приеду!

Я вздохнула, набрала в легкие воздуха, чтобы отказать Лелику, но в последний момент передумала – хватит упиваться грустью. И назвала ориентиры кафе.

– Скоро буду, – лаконично ответил Леонид и отключил вызов.

А я наконец-то сделала заказ:

– Кофе, пожалуйста, и пирожное какое-нибудь.

– У нас большой выбор пирожных, – с гордостью отрапортовала молоденькая, лет восемнадцати, девчушка с крупными веснушками на белокожем лице. Две смешные рыжие косички торчали из-под ее

«фирменного», с логотипом кафе, берета.

– На ваш вкус, – устало ответила я.

– Шоколадное, коньячное, клубничное, яблочное, с мороженым, – принялась бодро перечислять официантка, не вняв моей просьбе «на ваш вкус».

– Давайте клубничное, – сдалась я.

И, когда девушка упорхнула выполнять заказ, достала из сумки детектив в мягкой обложке и попробовала сосредоточиться на чтении.

– Ваше кофе и пирожное, – уже через пару минут раздался голосок девушки, обслуживающей мой столик.

– Спасибо.

Я оторвалась от книги и, мельком скользнув взглядом по кафе, заметила, что одна из официанток за стойкой, женщина без возраста, рассматривает меня. На секунду мы встретились с ней взглядом, и она поспешно отвернулась, сделав вид, что занята кассой.

Я старалась смаковать сюжет книги, как клубничное пирожное, но книжные слова вязли в моих мыслях, как в сиропе, их смысл так и оставался для меня нераскрытым. Прочитав трижды один и тот же абзац и так и не вникнув в написанное, я закрыла книгу и отложила ее на край стола. Неторопливо доела пирожное и заказала еще кофе. И в тот момент, когда проворная официантка ставила на мой столик чашку, в кафе вошел Леонид.

– Привет, Мартышка! Это тебе.

Он вручил мне обязательный букет темно-бордовых роз и присел за столик. Девушка в фирменном берете тут же поинтересовалась, что принести ему.

– Тоже кофе. Только черный и без сахара.

– Изменяешь привычкам, – усмехнулась я, зная, что Леонид обычно предпочитает чай.

– Бывает, – рассеянно ответил он и с тревогой посмотрел на меня: – Как ты? И что тут делаешь?

– Я – нормально. А что делаю... Как видишь, кофе пью.

– Твоя начальница сказала, что ты заболела.

– Предлог. На самом деле мне надо было навестить приятельницу, которая лежит в больнице.

Отговорка придумалась как-то сама собой, быстро и почти достоверно. Лелик, похоже, поверил, потому что кивнул. Вновь, как мне показалось, рассеянно. Он вообще сегодня был не похож на себя, не сосредоточен, не внимателен, даже забыл, как обычно, поцеловать меня при встрече в щечку,

заметно нервничал, ерзал на стуле и за пять минут нашей встречи успел трижды глянуть на наручные часы.

– Торопишься? – прямо спросила я его.

– Тороплюсь? Куда? – в изумлении вытаращился на меня Лелик.

– Ну, не знаю.

– Никуда я не тороплюсь! Я это... Хотел сказать... Тебе нравятся розы, Мартышка?

– Нравятся, но куда интересней были бы кактусы.

В этот раз моя обычная шутка вызвала у Леонида странную реакцию. Он занервничал еще больше, заерзал на стуле, а его щеки покрылись неровными пятнами яркого румянца.

– Хотел купить тебе кактусы, но в магазине из всех цветов в горшках была только герань. Ты же ведь не любишь герань?

– Не люблю.

– И я купил розы...

– Лелик, что случилось? – прервала я его нелепые оправдания.

Похоже, у Леонида проблемы в бизнесе.

– Нет, ничего. Или нет, да, случилось, но ты не волнуйся, ничего страшного. Это я просто... Нет, не так. Болван, не так! – воскликнул он неожиданно громко, так, что обе официантки повернулись в нашу сторону.

– Тише, Лелик, – шикнула я. – Скажи спокойно, что с тобой?

– Обещай, что не будешь перебивать! – потребовал он.

Затем одним глотком допил остывший кофе, поморщился от его горечи и, оставив пустую чашку, внимательно посмотрел мне в глаза.

– Я знаю, как ты относишься ко мне, – начал он с торжественной серьезностью, заставившей меня невольно улыбнуться. – Не смейся, пожалуйста.

– Извини. Я не смеюсь.

– Саша... Александра, я повторяю, что знаю, как ты ко мне относишься. Говорю это тебе для того, чтобы ты не подумала, что я заблуждаюсь насчет твоих чувств ко мне. Ты мне уже как-то говорила, и я запомнил. Но сейчас мне неважно то, что ты меня не любишь так, как мне бы этого хотелось. Правда, неважно. Саш, я хочу, чтобы ты была счастливой, и постараюсь сделать все возможное для этого.

– Лелик...

– Не перебивай! Я же просил.

Он сделал паузу и, морща лоб и глядя мне прямо в глаза, четко и громко произнес:

– Саш, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Пожалуйста, не говори

сейчас ничего. Просто подумай, реши и потом уже скажи. Но не сейчас, не сегодня.

Он суетливо полез в карман пиджака и достал маленькую коробочку.

– Это кольцо. Пусть оно будет твоим, независимо от того, какой ответ ты мне дашь. Мартышка, я очень хочу, чтобы ты стала счастливой! Я могу это сделать. Ты же знаешь, что у меня много возможностей. Со мной ты будешь как за каменной стеной. Я буду любить и холить тебя, как принцессу...

Я слушала Лелика и не слышала, его слова падали, будто в вату. Еще только вчера Лейла предсказала мне предложение от мужчины и настоятельно советовала принять его. Признаться, я не отнеслась серьезно к словам подруги, но вот уже сегодня Леонид неожиданно предлагает мне выйти за него замуж.

Мы познакомились три месяца назад, когда он зашел в наше агентство купить путевку в Испанию своей бывшей жене. Экс-супруга без всяких проблем отбыла на солнечное побережье, а Лелик взял привычку заезжать к нам ежедневно и привозить мне мелкие подарки – от шоколадок до флаконов с духами. Однажды я приняла его приглашение поужинать вместе, с этого и начались наши странные отношения, в которых не было места даже интимному поцелую.

Да, я догадывалась о его чувствах ко мне. Да, со стороны, видимо, казалось, что у нас роман. Леонид за мной ухаживал, и я принимала его ухаживания. Но, однако, еще в начале нашего знакомства расставила все точки, сказав, что между нами возможны лишь дружеские отношения. Лелик тогда ответил, что ему просто хочется быть со мной. Мне тоже было хорошо с ним, он мне нравился, был забавен и трогателен. По-своему я даже его любила. И если бы он пожелал уйти из моей жизни, переживала бы довольно остро. Но я вовсе не собиралась за него замуж.

– ...Мартышка, я понимаю, что прошу о почти невозможном, но вдруг...

Я смотрела прямо на Лелика и не видела его, отключившись от его обещаний и просьб. За барной стойкой маячила официантка, которая усиленно делала вид, что занята работой, но жадно внимала каждому слову Леонида и, когда думала, что я на нее не смотрю, бросала на меня любопытные взгляды. Бесплатный спектакль, сериал «Просто Мария» и «Богатые тоже плачут», небольшое развлечение в ее однообразной работе.

– Мартышка, ты меня слышишь?..

– Слышу, – эхом отозвалась я.

И вновь случайно перехватила взгляд официантки, чье лицо мне

неожиданно показалось смутно знакомым. Но, впрочем, лицо у нее было самое обычное, не запоминающееся именно тем, что обладательниц таких простых и неинтересных лиц можно встретить где угодно: в метро, в магазине, на улице.

– Подумаешь? – продолжал расспрашивать-уговаривать меня Леонид.

– Подумаю, – на автомате пообещала я ему.

Лелик воодушевился, подозвал молоденькую официантку с веснушками и к счету за наши заказы приложил щедрые чаевые, перекрывающие стоимость трех чашек кофе и клубничного пирожного.

– Приходите еще! – обрадованно воскликнула девчушка.

– Придем, – усмехнулась я, понимая и разделяя ее радость.

А когда мы с Леонидом выходили из кафе, я спиной почувствовала взгляд. Оглянувшись, увидела, что за нами через стекло следит вторая официантка. Для того чтобы лучше рассмотреть нас, она даже подошла к окну. Но, заметив, что я оглянулась, ушла в глубь кафе.

– Что-то не так, Мартышка? – обеспокоился Леонид.

– Нет-нет, просто показалось... Мне кажется, будто я уже видела эту официантку.

– Может, она была твоей клиенткой?

– Может быть, – согласилась я и нырнула в салон джипа, пропахшего туалетной водой Лелика.

III

Место было незнакомым, но в то же время меня не покидало смутное ощущение, будто я здесь уже была – в другое время, в другой ситуации.

Я шла по крутому берегу реки, по самой кромке обрыва, рискуя оступиться и упасть в неестественно синие, будто подкрашенные акварелью волны с картинными зефирными шапками. И видимо, из-за того, что вода оказалась окрашена в такие живые сочные краски, не возникало чувства опасности и падение не казалось убийственным. Здесь, в этом мире, настолько дышащем жизнью, не оставалось места мыслям о существовании смерти.

Я огляделась и с наполняющей душу теплой радостью убедилась, что и трава здесь куда насыщенней того зеленого цвета, к которому я привыкла в повседневности, и солнце – не просто желтое, а самое что ни на есть золотое, и сахарные облака – настолько ослепительно-белые, будто их предварительно постирали в отбеливающем порошке. Утрированные цвета, они могли бы показаться ненастоящими из-за своей насыщенности, но не возникало и тени сомнения в том, что вот именно такими, без примесей других оттенков, они и должны быть в оригинале.

Нет, я, определенно, уже когда-то была здесь, только вот когда и при каких обстоятельствах – забыла. Я наморщила лоб, но все, что мне удалось припомнить об этом месте, – это черная коряга, валяющаяся посреди бесконечного заснеженного поля, кривыми переплетенными ветвями напоминающая многорукого монстра. Ни реки, ни неба, ни золотого солнца в *тот* раз не было, но оставалось странное ощущение, что поле с корягой имеют прямое отношение к этому месту, в котором я сейчас оказалась.

На мне было легкое летнее платье, и теплый ветер фривольно раздувал его. Я, отвечая заигрываниям ветра, смеялась и придерживала руками подол. Счастье, легкое и искрящееся, подобное пузырькам шампанского, наполняло мою душу и тело, и я почти не чувствовала ног, мне казалось, будто я парю над обрывом, и стоит раскинуть для равновесия руки и слегка оттолкнуться от земли носком туфельки, как долечу до облаков.

Впереди меня ждало что-то очень желанное – словно подарок после новогоднего бокала с шампанским. И я, упиваясь этим счастьем ожидания, раскинула руки и запела песню, ни слов, ни мотива которой раньше не знала, но сейчас и ноты, и слова выходили у меня так органично, будто песня долго и тщательно репетировалась.

Завидев впереди дерево с роскошной кроной, отбрасывающей сочную, как и все здесь, тень, я оборвала песню на полуслове и направилась туда. Под деревом, прислонившись спиной к многовековому стволу, сидел мальчик лет трех-четырёх с золотыми кудрями и тугими, как спелые яблоки, румяными щеками. От мальчика, пышущего здоровьем и добром, как горячий ломоть деревенского хлеба, исходило столько позитивных флюидов, что я остановилась и собралась присесть рядом с ним под деревом.

– Не садись! – вдруг звонко закричал мальчик, настолько неожиданно, что я вздрогнула. – Это его место!

Ни спорить, ни задавать вопросов я не стала, просто оправила подол платья и отправилась дальше. Я шла долго, но внезапно почувствовала, что мне надо остановиться. И в ожидании села прямо на траву.

– Смотри, какая сочная! – раздался у меня за плечом голос, которому я нисколько не удивилась.

Оказывается, именно его я и ожидала услышать. Уже зная, кого сейчас увижу, с улыбкой оглянулась.

– Чувствуешь, как пахнет? – Тим присел рядом со мной на корточки и приблизил к моему лицу сложенные ковшиком ладони, в которых лежали спелые, с переливающимися на солнечном свете каплями влаги ягоды малины.

Я молча кивнула и перевела взгляд с ягод на его довольно улыбающееся лицо.

– Бери! – предложил Тим и, не дождавшись моей реакции, пересыпал малину в одну ладонь, аккуратно взял двумя пальцами самую крупную ягоду и поднес ее к моим губам.

Я послушно взяла ее и, покатав языком во рту, раздавила. Сладкий, божественный вкус, мне еще никогда не доводилось пробовать такой ароматной малины.

– Еще? – заглянул мне в глаза Тим.

– Ты не умер? – вырвалось у меня, хотя собиралась спросить его о другом.

– Умер? – засмеялся он, поднося к моим губам очередную ягоду. – Нет, конечно! Как я мог умереть?

– Тогда почему ты не со мной?

Вкус ягоды вдруг показался мне сладко-соленым.

– Я с тобой, – серьезно ответил Тим и попросил: – Не плачь.

– Я не плачу.

– Твоя душа плачет. Это плохо.

– Что ты об этом знаешь?! – закричала я и следующую ягоду, которую он мне протянул, раздавила в пальцах.

Мне неожиданно захотелось разозлиться на Тима, обвинить его во всем, бросить в лицо упреки, которые я так и не смогла ему высказать. Он изменил мне с вечностью, могла бы я такое простить?

– Знаю...

– Ничего ты не знаешь! Ничего!

Я вскочила на ноги так стремительно, что Тим, не успев отдернуть ладонь с малиной, просыпал ягоды, и теперь те лежали в зеленой траве, такие неестественно яркие, будто разбрызганная бутафорская кровь.

– Ты даже представить себе не можешь!

– Сашка-промокашка, это ты не знаешь, – тихо сказал он. – Но скоро...

* * *

Что имел в виду он под этим «скоро», я так и не узнала, потому что в это мгновение проснулась в своей кровати. Я долго разглядывала сереющий в сумерках потолок и глотала беззвучные, с малиновым вкусом слезы. Тим мне давно не снился. Много лет. Три года? Четыре? Череда снов с ним оборвалась после того, как я уехала из провинциального городка в столицу.

Мне казалось, будто он перестал приходить в мои сны из-за того, что я, стараясь начать жизнь заново, запрещала себе думать о нем. Простил ли он мне это? Я поднесла ладонь к носу. Пальцы едва ощутимо пахли малиной. Тим принес мне малину в знак того, что прощает мне все те дни, складывающиеся в месяцы, когда я старалась не думать о нем. Я же не простила его за измену мне с вечностью.

Я нехотя выбралась из постели и отправилась в душ. Ежеутренний ритуал, строгая последовательность действий: душ, чай с бутербродом, макияж, прическа, рабочая одежда. Что бы сказал Тим, если бы жил сейчас со мной? Противник рамок, привычек, будничной рутины, он бы беззлобно посмеялся и сказал, что я живу скучно. Я и в самом деле живу скучно. Обычно. Если бы нас можно было сравнить с календарными днями, то он был бы праздниками, я – буднями. Видимо, поэтому он и жил так мало, а я все еще живу: в календаре праздничных дней не сравнительно меньше будничных.

Этот сон вновь толкнул меня в стертые воспоминания, будто в пропасть. До этого всю ту неделю, что прошла после нашей последней с

Леликом встречи в кафе, я думала о его предложении и избегала разговора с ним, малодушно уходя с работы на десять минут раньше. Я не знала, как ответить ему – милому, хорошему Лелику, что не готова выйти за него замуж. Но он, похоже, тоже понимал, что отрицательный ответ подведет черту под нашими прежними отношениями, поэтому не звонил мне.

Возможно, уже ругал себя за поспешное предложение и, не звоня и не встречая меня после работы, давал не столько возможность «подумать» мне, сколько оттягивал мой предсказуемый ответ, после которого наши отношения безнадежно зависли бы между закончившимися дружескими и не состоявшимися любовными.

За это время я успела дважды навестить в больнице парня, которого, как узнала, звали Кириллом. Привезла ему, как и обещала, плеер и диски. Во время моих визитов Кирилл несколько оживлялся, но все еще был слаб для разговоров, отвечал односложно, иногда просто улыбкой или кивком.

Вчера, навещая Кирилла в больнице, я застала его спящим и просидела возле его кровати почти час, с нежностью любуясь такими знакомыми чертами. Как когда-то любовалась спящим Тимом: его закрытыми глазами с отбрасывающими тень ресницами-стрелами, четкой, будто вырисованной отточенным карандашом линией подбородка, плотно сомкнутыми губами, гладкой кожей, покрытой легким загаром.

И мне на какое-то мгновение показалось, будто сижу я рядом с Тимом, как сидела бы, если бы болен был он. Но Кирилл проснулся. Его сонные губы тронула чужая мне улыбка, и мой сладкий обман развеялся, оставив горькое послевкусие. Уходя, я решила, что больше не буду его навещать.

Возможно, сегодняшней сон с Тимом был обязан вчерашнему визиту в больницу.

Допивая остывший чай, я вновь подумала о Лелике и о том, что все сроки, отведенные мне на принятие решения, вышли. За эту неделю я уже должна была определиться и дать ответ. Я без аппетита закончила завтракать и решила, что, если Леонид не позвонит мне в течение дня, сама позвоню ему вечером.

Спустившись по лестнице, я обратила внимание на то, что дырочки в дверце моего почтового ящика не чернеют пустотой, а многообещающе манят белым. Газет я не выписывала, писем мне никто не писал, и ящик мой уже давно зарос бы паутиной, если бы в него периодически не кидали рекламные листовки.

Я открыла дверцу, чтобы выбросить «спам», но вместо ожидаемой листовки мне в руки выпал белый конверт. Девственно чистый, без почтового штемпеля, без указания адресата и отправителя, но аккуратно

заклеенный. Я повертела находку в руках, не зная, что с ней делать – выкинуть, не читая, или положить на подоконник. И в итоге сдалась перед любопытством, торопливо надорвала конверт и вытащила сложенный вчетверо листок формата А-4.

«ЗАБЫЛА УЖЕ?» – гласила единственная надпись, состоящая из вырезанных из журналов разномастных букв. Чей-то розыгрыш? Оригинальная рекламная акция? Или «письмо» было адресовано вообще не мне? Я скомкала конверт и бросила его в корзину, предназначенную специально для рекламных листовок. Но слово «забыла» занозой засело в мыслях. Дело в том, что я абсолютно не помнила, как прожила те три месяца после гибели Тима до моего отъезда в столицу. Тот период выпал из моей памяти, как плохо закрепленные фишки из мозаики, на месте которых остались зияющие дырки.

* * *

Я забыла, что предшествовало поездке, но помню, словно это было вчера, день, когда сошла на перрон шумного Ярославского вокзала, немного растерянная, взволнованная и ошарашенная непривычной суетой. Я приехала в столицу отнюдь не с целью покорить ее, как многие питающие иллюзии провинциалки. Я сбежала в столицу умирать. О Москве когда-то мечтал Тим, поэтому умереть в столице казалось мне символичным.

Но стоило мне выйти на кипящий незнакомой жизнью перрон, как я тут же забыла о первоначальной цели и малодушно позволила чужому воздуху проникнуть в мои поры, напитать застывшую кровь свежим адреналином и вновь запустить желание жить. То ли сработал инстинкт самосохранения – выплыть в этом бушующем океане другой жизни, – то ли проснулось разбуженное новыми шумами и запахами любопытство.

Я пересекла площадь Ярославского вокзала, спустилась в метро и ловко, как взаправдашняя москвичка, справившись с турникетами, села на радиальную ветку и уехала в Сокольники. О них я слышала от Тима: он, мечтая о столичной жизни, соблазнял меня прогулками по парку, а мне просто нравилось само слово. Со-коль-ни-ки. Я рифмовала «Сокольники-свекольники», чем немало забавляла Тима. И вот, прочитав на указателе среди прочих названий станций «Сокольники», обрадовалась, будто встретилась с хорошим знакомым. Так просто, оказывается, попасть в мечту Тима – зайти в вагон и проехать несколько остановок по прямой

ветке.

Парк меня разочаровал. Может быть, потому что он у меня ассоциировался с Тимом и без его общества показался слишком унылым, неоправданно большим и безлюдным. Я сделала круг, вышла к метро и отправилась дальше. Пообедав в «Макдоналдсе», села на первый попавшийся троллейбус и вышла через пару остановок. Долго гулять я не смогла, потому что сказывалась октябрьская прохлада, да уже начало смеркаться. Увидев вывеску парикмахерской, я толкнула дверь и вошла.

– На стрижку, покраску? На «химию» – запись заранее, – бодро объявила полная тетка в синем нейлоновом халате, маявшаяся в одиночестве в этой маленькой, на два кресла, парикмахерской-забегаловке.

– Нет, я не собираюсь делать «химию», – уверила я ее, стаскивая с головы вязаную шапочку. – Постригите, пожалуйста. И покрасьте.

Свою новую жизнь я решила начать очень по-женски.

– Как подстричь? – парикмахерша взвесила на руке мою гордость – толстую длинную косу. – Кончики подровнять?

– Нет. Стригите. Полностью, – решительно провела я ладонью по основанию косы.

Тетка, стоящая за моей спиной, возмущенно крикнула. В зеркале отразились ее выпученные рыбы глаза, щедро подведенные синим, и округлившийся в ужасе ярко накрашенный рот.

– Ка-ак? Девушка, вы шутите? Такую красоту... У вас шикарные волосы!

– Стригите, – приказала я. – Как можно короче! И покрасьте. Цвет – на ваше усмотрение, но какой-нибудь кардинальный. Черный, зеленый, фиолетовый, оранжевый. Мне все равно!

Парикмахер открывала и закрывала рот, удивленная странным капризом клиентки. Волосы у меня действительно были шикарные, предмет зависти сокурсниц: как так отрезать такие густые и длинные волосы и закрасить их натуральное золото фиолетовой или оранжевой краской?

– Я не сумасшедшая, – уверенно сказала я. – Но мне очень нужно это сделать. Я начинаю новую жизнь и прощаюсь со старой. Мои волосы – это часть прошлого, понимаете? Не волнуйтесь, деньги у меня есть, я не уйду, не расплатившись.

Женщина тяжело вздохнула, взяла ножницы и приступила к работе.

Через два часа из зеркала на меня смотрела незнакомка с ультракороткими, по моде неровно выстриженными, словно «выщипанными» волосами, выкрашенными в осенне-рыжий цвет. Новая

стрижка шла незнакомке, она открывала высокие скулы и длинную шею, а яркий цвет выгодно подчеркивал аристократичную бледность кожи.

– Косметику чуть-чуть ярче. Румяна там, помаду, – посоветовала мастер, внимательно следя в зеркало за моей реакцией.

Судя по выражению ее лица, она была довольна результатом своей работы, несмотря на то, что сожалела о моей состриженной почти под корень косе. Я осторожно покрутила ставшей необыкновенно легкой головой, незнакомка в зеркале сделала то же самое.

– Ну, как, нравится? – с легким беспокойством спросила парикмахер, потому что я до сих пор не высказала мнения.

– Нравится, – еле слышно прошептала я.

И в памяти возникла ненужная картинка: я лежу на диване, свернувшись уютным клубком и положив голову на колени Тиму. Приглушенно бормочет включенный телевизор, а Тим ласково перебирает пальцами, словно струны гитары, мои волосы и шепчет: «Ты прекрасна, прекрасна. Шелк... Живой шелк. Пожалуйста, не стриги волосы. Пообещай мне, пообещай...»

– Чудесно, если нравится! – улыбнулась женщина.

И в этот момент я заплакала. По щекам незнакомки в зеркале тоже потекли беззвучные слезы, крупные и картинно-блестящие.

– Что?.. Что?.. – запаниковала она, решив, что причина моих слез – неудачная стрижка. Она бормотала какие-то утешения вроде, что волосы – не зубы, вновь отрастут, и прическа мне к лицу, я с ней похожа на модную француженку, но я мотала головой и вытирала ладонью слезы.

Незнакомка в зеркале делала то же самое, и это нас с ней примиряло.

Эта случайная женщина, с которой я больше не виделась, сыграла в моей жизни значительную роль. Без причины чувствуя себя виноватой в моих слезах, она поставила чайник и достала запечатанную пачку печенья. И там, в маленькой комнатке, отделенной от крошечного клиентского зала выцветшей шторой я, прихлебывая горячий чай и заедая его сливочным печеньем, рассказала свою историю – почему приехала в столицу и зачем остригла волосы. Никому больше я не говорила о Тиме. В тот день, в той парикмахерской я, вместе с волосами, словно остригла и свои воспоминания.

А та женщина, узнав, что мне некуда пойти, кому-то позвонила, и через полчаса мы с ней уже ехали на окраину Москвы к старушке Марии Федоровне, которая сдавала комнату по божеской цене...

Завертевшись в рабочей суете, я совсем забыла об утренней анонимке. Но никак не могла перестать думать о предстоящем разговоре с Леликом и привидевшемся сне с Тимом. Эти две не имеющие ничего общего истории из двух разных книг странным образом сплетались в новый сюжет, и сложно было понять, какая из этих линий доминировала. Но я знала, что ведут они к предсказуемому финалу – потере. Отказать Лелику значило потерять его и вновь испытать едкую, как кислота, боль. Пусть и не выжигающую дотла, но все же оставляющую шрамы.

Я вышла с работы и, опять не увидев во дворе знакомого «монстра», поняла, как сильно соскучилась по Лелику. И недавние колебания, связанные с его предложением, предсказание Лейлы, счастливые влюбленные парочки, выбирающие в нашем агентстве романтические туры, вступили в органичный союз и нашептали сумасшедшее решение, подкрепив его небывалой смелостью. Я достала мобильник и недрогнувшей рукой набрала номер Леонида.

– Лелик, я хочу сказать тебе, что согласна. Если ты еще не передумал, конечно.

Твердый голос, ни нотки кокетства, будто совершала я важную в своей жизни сделку, а не соглашалась выйти замуж за любящего меня человека.

– Что? Что, Мартышка, я не расслышал? Повтори, пожалуйста!

Я вздохнула, прекрасно понимая «хитрость» Леонида насчет «не расслышал», и так же уверенно повторила:

– Если твое предложение в силе, то я принимаю его.

– Мартышка, Саша... – растроганно забормотал Лелик в трубку. – Мартышка, я заеду за тобой. Поедем в ресторан или, если хочешь...

– Нет, не хочу, – перебила я его. – Леня, я приеду к тебе. Позже. Домой.

Сидя в такси и глядя в окно на расплывающиеся разноцветными огнями полуночные очертания города, я думала о том, что еще ни разу не была у Лелика дома. Он, конечно, не ожидал, что я так неожиданно «напрошусь» к нему в гости. Да я и сама от себя не ожидала. Но тем не менее ехала к нему.

Лелик, скорее всего, в это время лихорадочно суетился, пытаюсь угадать мои вкусы и желания, готовился к романтической встрече на высшем уровне.

По-правде говоря, мне были безразличны его приготовления. Я не

хотела ни блюд из дорогого ресторана, в который Леонид уже наверняка позвонил и сделал заказ с доставкой на дом, ни музыкального фона, ни любовно-клятвенной мишуры слов, которая сопровождала бы ужин, ни бордовых роз в хрустальной вазе. Чего я хотела – это теплого человеческого общества, без лишних вопросов и туманных ответов.

Мне впервые за долгое время захотелось жить. Жить не так, как я живу – равнодушно перелистывая дни, будто страницы отрывного календаря. Мне захотелось, чтобы на моих днях-«листах» появились написанные от руки заметки-планы, ожидания и надежды, которые бы дышали жизнью, а не отдавали лишь мертвой типографской краской.

До этого дня я жила в ожидании встречи с Тимом. Не здесь, а в другом, мной придуманном мире. Но сегодня вдруг подумала, а что, если *того* мира не существует и, уходя из телесной жизни, мы уходим в никуда? И в том «никуда» нет ни встреч, ожиданиями которых мы живем, ни благодати, ни умиротворения, ни слез, ни горя, ни рая, ни ада, а все это есть лишь *здесь*. И мне стало страшно. Страшно не потому, что рано или поздно я уйду в «никуда», а оттого, что мои ожидания окажутся обманом, и *там* меня никто не будет ждать.

Меня ждут здесь – Лелик. Живой, осязаемый, не слишком красивый, но милый. С ухаживаниями, которые ему кажутся романтическими, а мне – избитыми. Близкий, но которого я держу на дистанции. Любящий, но не любимый. И все же мне дорогой. Мне стали ясны слова Лейлы о том, что брак меня спасет – спасет меня от самой себя, от моего въевшегося в сердце одиночества, от апатии и ожиданий, которые больше подошли бы уставшей и пресытившейся жизнью старушке, чем двадцатилетней девушке.

– О чем таком философском вы думаете, барышня, что у вас такое напряженное лицо? – вдруг засмеялся молчавший до этого таксист. – Вы такая красивая, нарядная, на свидание, видимо, едете, а думаете о чем-то совершенно не романтическом.

– Вы окончили курсы по чтению мыслей? – улыбнулась я, и таксист, который рассматривал мое лицо, отражающееся у него в зеркале, удовлетворенно протянул:

– Вот! Уже лучше! Улыбка у вас очень красивая!

– Спасибо, – дежурно поблагодарила я и вновь отвернулась к окну.

Таксист еще что-то продолжал говорить, его низкий голос звучал своеобразным фоном, удивительно вписывающимся в картину огней ночного города, и оттенял мои мысли. Я не нервничала и ничуть не удивлялась нахлынувшему спокойствию. Может быть, так и надо – без

нервов, без волнения. Холодная трезвость гораздо лучше, чем чувства, выжигающие душу дотла и превращающие сердце в пепел.

Все оказалось именно так, как я себе и представляла. Огромная, как аэродром, квартира, в которой каждая мелочь была продумана талантливым дизайнером, торжественно-белая рубашка Леонида и крепкий запах туалетной воды, настолько концентрированный, что я заподозрила Лелика в том, что он от волнения и желания понравиться мне принял одеколонную ванну.

– Проходи, Марты... Александра, – хриплым шепотом пригласил он, не сводя с меня жадного взгляда.

Для нашей встречи я впервые постаралась: явилась не в деловом костюме и не в джинсах и свитере, а в алом платье с приталенным лифом и развевающейся юбкой до колен, поверх которого накинула длинный светлый плащ. Алые ногти – вместо привычного французского маникюра и помада в тон платью, тщательно уложенные волосы, укладке которых обычно не уделялось столько внимания, туфли на убийственной высоте «шпильке». В этот вечер я не была похожа на себя повседневную.

– Ты такая, такая... – киношно залепетал Лелик, когда я небрежным жестом сбросила ему на руки плащ.

– Какая? – Я иронично приподняла бровь.

Вся сцена была слишком кинематографичной или срисованной с любовных романов, и это меня изрядно забавляло. К тому же алый наряд нашептывал легкомысленное поведение.

– Ты... богиня! – выдохнул Леонид и осторожно, будто я была фарфоровой статуэткой, подхватил меня под локоть и церемонно проводил в огромный салон.

Я с любопытством огляделась и мысленно поаплодировала и дизайнеру, и Лелику, разделившим мои вкусы. Мне тоже нравилась обстановка без массивной и вычурной роскоши. Органичный ансамбль спартанского минимализма в вещах, прямых линий и сдержанных расцветок.

– Вина? – учтиво спросил Леонид, когда я, следуя «сценарию», опустилась на стул и закинула ногу на ногу.

Еще бы картинно закурить тонкую ментоловую сигаретку, но я не курила.

– Лелик, мы будто в кино играем! – рассмеялась я и откинулась на спинку стула.

Физиономия Леонида вытянулась и вновь напомнила мне

продолговатую дыню.

– Смешной какой ты! А вина, да, пожалуй, налей.

Он, не сводя с меня глаз, откупорил бутылку и наполнил бокалы кроваво-темным вином.

– Лелик, давай без тостов, возвышенных речей, клятв и прочей чепухи, – опередила я его, заметив, что он уже поднял свой бокал и весь торжественно подобрался, готовясь произнести нечто из разряда того, что я перечислила.

– Мартышка, что случилось? – вконец растерялся Лелик.

Возможно, к моим «заслугам», сомнительным, однако, можно было отнести то, что Леонид Николаевич Туманов терялся и тушевался лишь в моем обществе. Вряд ли это было нормой его поведения, иначе он уже давно бы кувыркком слетел с опасной трассы под названием «бизнес».

– Ничего не случилось! – беззаботно отозвалась я и пригубила из своего бокала. – Все по-прежнему, без изменений, потрясений, катастроф, ЧП... Вино, кстати, очень вкусное.

– Без изменений? – тревожно спросил Леонид. – Но по телефону ты сказала...

– А что я сказала? – округлила я глаза. И, увидев, что Лелик вконец растерялся, засмеялась: – Не пугайся, если твое предложение взять меня в жены все еще в силе, то я согласна. Только не хочу вот всего этого... – обвела я рукой накрытый стол и указала на букет роз в простой с виду, но наверняка дизайнерской вазе. – Без торжественности. Пусть будет непринужденный ужин. Как раньше. И треп о фильмах. Или о компьютерных играх. Или о чем-то другом. Но не о планах на будущее. И не о свадьбе. И не о том, как долго ты ждал этого момента, и я наконец... Ну, в общем, ты меня понимаешь.

– Ты невозможная, – обреченно вздохнул Леонид.

– Какая есть. Заметь, ты меня сам замуж позвал, а не я напросилась. Но у тебя еще есть возможность подумать и отозвать свое предложение, правда, действует она только сегодня.

– Саш, не понимаю, ты это все серьезно или шутишь так?

– Серьезно, Лелик, серьезно, – пропела я, наклоняясь через стол к Леониду.

И засмеялась, призывая посмеяться и его. Но он разнервничался еще больше, покраснел и судорожно отвел глаза. О черт! Забыв о том, что на мне не глухой свитер, а вечернее платье, в которое вырядилась под влиянием какого-то шального настроения, я нагнулась через стол к бедному Леониду так, что во всей красе продемонстрировала откровенное декольте.

Пожалуй, он прав, назвав меня невозможной.

– Извини, – смутилась уже я и поспешно поправила платье, пытаясь прикрыть грудь.

Леонид сделал вид, что ничего не произошло. Встав, он прошелся по комнате и вновь вернулся за стол.

– Ладно, давай просто выпьем за... Просто выпьем хорошего вина.

Он наполнил наши бокалы, и мы вновь, молча чокнувшись, выпили.

– Есть хочешь? Я заказал в ресторане салаты, мясо и десерт.

– Хочу! – в своем обычном репертуаре отозвалась я. Что-что, а аппетит у меня всегда оставался неизменным.

– Ну, вот и замечательно, – с облегчением вздохнул Леонид.

Блюда оказались отменными: Лелик знал толк в еде. Рестораны с отличной кухней были его слабостью, к которой он приучил за три месяца нашего знакомства и меня.

Мы ужинали молча, как мне того и хотелось. Но когда я покончила с мясным блюдом, Леня отложил вилку и накрыл ладонью мои пальцы:

– Мартышка, хоть ты и просила сегодня об этом не говорить, скажу. Я подумал и решил, что мы с тобой уедем на недельку. Отдохнем, побудем вместе и там уже все обсудим – дату, где, что и как. Хочешь, отправимся в Париж, хочешь – в Лондон. Или в Барселону. Или в Нью-Йорк. А если пожелаешь, то куда-нибудь на экзотические острова. Выбери у себя в агентстве путешествие, самое лучшее, самое дорогое. О финансах не беспокойся, все оплачу. Поедем?

Я не знала, что ему ответить. Он поставил, как на номер в рулетке, на мой ответ все надежды. И я узнала в Лелике себя. Когда-то я тоже как на кон поставила свои ожидания, возложив их на новогоднюю вечеринку в общежитии.

* * *

...Проживая на одном этаже общежития, мы с Тимом сталкивались на кухне почти каждый день. Иногда он предпринимал попытки заговорить со мной, но натыкался либо на мое презрительное молчание, либо, если я была в лучшем расположении духа, на короткие отговорки.

Тим не мог понять причину такого поведения, ведь, по сути, он не сделал мне ничего плохого. Откуда ему было знать, что я ревновала его к популярности, которой он пользовался у девушек, и презирала себя за то, что стала одной из них, смертельно отравленных магией его голоса и

утонувших в морской синеве глаз.

Это была странная любовь – незрелая, неожиданная, но серьезная, как первая беременность несовершеннолетней девочки. Я «залетела» этой любовью и долго не могла принять ее, лелея надежды, что она излечится, как весенняя простуда. Добиться глубоких и долгих чувств от человека, вдохнувшего полными легкими дурмана популярности, мне казалось невозможным, а становиться неценным «трофеем» в покрывающейся пылью коллекции противоречило моим принципам. И я сознательно культивировала в себе негативное отношение к Тиму, приписывая ему надуманные грехи и надеясь таким образом излечиться от своей безнадежной «болезни».

Но моя любовь спекалась с кожей, срасталась с сердцем, растворялась в крови, и я вопреки своим желанием уже жила ею – как дышала воздухом.

За два дня до новогодней студенческой вечеринки я снова столкнулась на кухне с Тимом, прохладно поприветствовала его и торопливо отвернулась к плите, чтобы скрыть вспыхнувший на щеках румянец.

– Ну, как всегда, леди со мной немилостива, – то ли в шутку, то ли всерьез заметил Тим, ставя на плиту рядом с моей кастрюлей чайник.

Я ничего не ответила, лишь пожала плечами и занесла над кастрюлей солонку.

– Смотри, не пересоли, – пошутил он мне под руку.

И словно по заказу плохо завинченная крышка слетела с солонки, и вся соль ухнула в бульон.

– Блин! – громко выругалась я, а Тим довольно расхохотался:

– Никак влюбилась, Сашка, да?

– Пошел в баню!

– Только что оттуда, – парировал он и провел ладонью по влажным после душа волосам.

– Все из-за тебя!

Я сорвала кастрюлю с огня и в сердцах выплеснула содержимое в раковину. Огорчил меня не столько испорченный бульон, сколько то, что Тим своей шуткой про влюбленность попал в самую точку, и мои щеки запольхали еще ярче, рассказывая о моих чувствах так доходчиво, как букварь – первокласснику о букве А.

– Саш, ну извини...

– Отстань... – махнула я рукой и, забыв кастрюлю на столе, вышла из кухни.

– Заходи, я тебя чаем угощу! – полетело мне вслед. – В качестве компенсации за испорченный суп.

Я проигнорировала реплику, хотя внутри все обожгло от радости и надежды, затрепыхавшейся в груди глупым воробышком.

С кухни я отправилась не в свою комнату, а в душ и там, пустив воду на всю и глядя в заляпанное зубной пастой зеркало, попыталась прийти в себя. В зеркале отражались пунцовые от румянца щеки, а шум воды с трудом заглушал лихорадочные удары сердца. Немного успокоившись, я умылась холодной водой и выскользнула из душевой комнаты.

– Ты где была? – встретил меня удивленный вопрос соседки Марины, когда я вернулась к себе.

– На кухне. А что?

– «А что?..» – передразнила она меня. – Тебя тут искали. Поклонники.

– Что, прямо так и прискакали целым табуном? Или одного главного жеребца прислали? – невесело пошутила я.

– Ну, это смотря что, вернее, кого ты предпочитаешь, – скривила в ироничной усмешке губы Марина. – Лазарин заходил, принес для тебя вот это.

Она протянула мне шоколадку. Я недоверчиво взяла подарок и перевела недоуменный взгляд на расцветшую майской розой довольную соседку.

– Между прочим, он спрашивал, будешь ли ты на вечеринке и придешь ли на новогодний концерт. Ой, Сашка-а, не так ты проста, как кажешься. Впрочем, простой ты тоже не кажешься, если честно, на кривой козе к тебе не подъедешь.

– Это еще почему? – почти обиделась я.

Несерьезно, потому что грудь уже затопила жаркая радость, от которой перехватывало дыхание: Тим спрашивал, буду ли я на празднике!

– Потому! Потому что вот такая ты «гордячка».

Она, изображая меня, задрала кверху нос и состроила рожицу, которая должна была означать высокомерие. Получилось это у нее так смешно, что я расхохоталась.

– Лазарин на тебя глаз положил, похоже. Иначе с чего бы ему приглашать тебя на концерт и интересоваться, будешь ли ты потом на вечеринке?

Мне хотелось сказать Марине правду, что таким образом Тим замаливал свою оплошность, но я переборола себя и загадочно улыбнулась:

– Может быть.

Слова Марины о том, что Тим равнодушен ко мне, не выходили из головы и подогревали надежды, которые я возлагала на предстоящую вечеринку. Я решила выкинуть белый флаг и «завязать» с «холодной

войной», которую вела не против Тима, а против самой себя.

Сценарий мероприятия был прост, как медная монета: вначале – импровизированные застолья в комнатах, потом – общая для всех дискотека под магнитофон в закутке за кухней.

Я быстро сбежала из-за накрытого стола в нашей комнате, оставив Марину болтать с двумя приглашенными сокурсницами. Но и на дискотеке мне тоже быстро наскучило, потому что там не оказалось Тима.

Я ушла и еще долго бродила по узким коридорам общежития, спускалась и поднималась по лестницам, стояла на лестничных площадках, опершись о перила.

Потом, устав бродить, сидела на подоконнике между этажами и курила. Иногда ко мне кто-то подсаживался и завязывал разговор. Я отвечала с неохотой и односложно. А когда уж совсем загрустила, вновь отправилась в полутемный закуток, откуда еще доносилась музыка, но по пути зашла на кухню, чтобы выпить воды.

Взяв со стола чью-то забытую кружку, я наполнила ее прямо из-под крана и сделала несколько жадных глотков. И только после этого заметила с удобством расположившуюся на подоконнике целующуюся парочку. Незнакомую девицу с ярко-рыжей буйной гривой. И Тима.

От потрясения я выронила кружку, и этот шум вспугнул их.

– Саша? – удивленно и растерянно пробормотал Тим, слепо щурясь и часто моргая, будто от внезапно включенного яркого света.

Девица глянула на меня враждебно и тут же отвернулась. Я заметила ее руку с ярко-красными длинными ногтями, по-свойски поглаживающую Тима по обтянутому джинсами бедру и, резко развернувшись, выскочила из кухни. Под моими каблуками жалобно хрустнули осколки разбившейся кружки, а мне показалось, что это хрустнули, превращаясь в пыль, обломки моих надежд.

Кажется, в тот вечер я здорово напилась – впервые в жизни. И ни до, ни после не вела себя так легкомысленно и разнузданно, как в тот вечер. С кем-то знакомилась, с кем-то целовалась, курила чьи-то сигареты, пила вино, которым меня щедро угощали, и безбожно флиртовала со всеми подряд...

* * *

– ...Саш, ты не хочешь никуда ехать? – вернул меня на землю

тревожный голос.

Я сморгнула и, подняв на Леонида глаза, поспешно ответила:

– Нет-нет, вернее, да. Поедем. Я посмотрю на работе каталоги и позвоню тебе.

– Отлично, Мартышка! – обрадовался он и довольно потер ладони. – Если у тебя не получится взять отпуск сейчас, поедем на новогодние каникулы. Тебе ведь хотелось бы отметить Новый год где-нибудь на островах? Мартышка, ты меня слышишь?

– Да, Лелик, да, – вздохнула я, мрачняя от старых воспоминаний. – Слышу.

– Как будто здесь и не здесь, – почти обиделся Леонид.

– Извини. Я тут.

– Десерт хочешь?

– Пожалуй, – вяло согласилась я.

И когда Лелик вышел за сладким, плеснула себе в бокал вина и залпом выпила, будто водку. Неуважительное отношение к вину многолетней выдержки, ценность которого заключалась в постепенно раскрывающемся букете. Лелик, если бы это увидел, не одобрил бы.

– Надеюсь, тебе понравится, – сказал он, возвращаясь с двумя высокими вазочками с крупной клубникой, украшенной шапками взбитых сливок. – Ты ведь любишь клубнику?

– Да, – ответила я, думая, что всегда отдавала предпочтение малине. Тим хорошо знал об этом.

– Мартышка, что все же случилось?

– Ничего, – покачала я головой, взяла ложку, но тут же положила ее на стол, так и не попробовав ягод.

Мне захотелось уйти. Но как сказать об этом Лелику так, чтобы не обидеть его, я не знала.

– Саш? – позвал он меня. И я подняла на него глаза, подумав, что сейчас он – мой милый пронизательный Лелик – поймет, что я хочу уйти, и предложит вызвать мне такси.

Но он наклонился ко мне и поцеловал. И я машинально ответила на его поцелуй.

Шальное секундное желание, отдающее разнузданностью, спровоцированное залпом выпитым вином и усиленное горьким послевкусием моих некстати воскресших воспоминаний.

Второй раз в жизни вино стирало границы моих принципов, второй раз в жизни я готова была потерять контроль. Лишь бы больше не почувствовать разъедающий сердце кислый вкус одиночества, растворенного

в отчаянии. Адская смесь. Впервые я хлебнула ее на той пресловутой вечеринке.

Рука Лелика смело скользнула мне в вырез платья, и это привело меня в чувство.

– Не надо!

Его объятия размякли, будто раскисшая под дождем глина, и мне не составило особого труда высвободиться из них и встать.

– Прости... – сказала я, глядя в сторону.

– Это ты меня прости... – хриплым шепотом произнес Леонид. – Прости. Я слишком поторопился.

– Мне лучше уйти. Извини.

Он без слов кивнул – то ли принимая мои извинения, то ли соглашаясь с тем, что мне лучше уйти. И когда я уже оказалась у дверей, опомнился и бросился за мной следом:

– Мартышка, куда ты? Ночь на дворе. Давай я тебя отвезу.

От его фразы, произнесенной с искренним беспокойством, повеяло такими знакомыми интонациями, что я невольно вздохнула с облегчением и улыбнулась:

– Нет, спасибо, я поймаю такси.

– Поймает она такси! – ворчливо произнес Леонид, старательно не глядя мне в глаза. – Подожди, я тебе его сам вызову, раз тебе так не терпится уйти. А то еще неизвестно, какие ты «приключения» найдешь.

Он схватил трубку и потыкал пальцем в кнопки. И я вновь испытала острое сожаление: ну почему, почему я не влюблена в него?

– Машина будет через десять минут, – ворчливо объявил Лелик, по-прежнему не глядя мне в глаза. – Пройди уж в комнату, чего торчать возле дверей. Ничего я тебе не сделаю.

– Лелик...

– Ну?

– Я, наверное, еще не готова.

Он промолчал, но в его взгляде, брошенном на меня, читался вполне обоснованный упрек в том, что зачем тогда я согласилась выйти за него замуж, зачем приехала к нему домой, нарядившись так вызывающе?

– Извини...

– Слышал уже.

– Ты же сам сказал, что тебе все равно... – не договорила я, понимая, что с языка чуть не сорвались те слова, которые хоть и прозвучали бы правдиво, но усугубили бы и без того неловкую ситуацию.

Но Лелик все прекрасно «услышал» и ехидно произнес:

– Все равно то, что ты меня не любишь? Да, я знаю об этом, но мне это не так уж безразлично, как тебе кажется. Я еще питаю надежды, что когда-нибудь... Пока надеюсь, а потом, может быть, устану. Саша, тебе уже двадцать шесть лет, но ты до сих пор не знаешь, чего хочешь, ведешь себя как несовершеннолетняя.

– Или наоборот, как старушка, которая уже израсходовала все свои шансы и устала от жизни, – горько произнесла я.

– А вот это брось, – уже не ворчливо-наставительным тоном сказал Лелик. В его голосе проскользнули теплые, душевные и вместе с тем беспокойные нотки. – Что бы ни произошло, шанс все равно остается. Пока мы живем – шанс есть.

– Спасибо, – выдохнула я.

– Не за что, – ухмыльнулся Лелик.

И я поняла, что он больше не сердится на меня. Но не успела что-либо сказать, как он тут же тихо, будто себе, сказал:

– Возможно, ты права в том, что не готова. Даже кольцо, подаренное мной, не надела. Мне не следовало так торопиться с предложением.

От неловкой паузы нас избавил звонок телефона. Леонид схватил трубку с излишней поспешностью и гаркнул:

– Да!

Выслушав то, что ему сообщили, он повернулся ко мне и сказал:

– Такси приехало. Пойдем, я тебя провожу.

* * *

В машине я думала о словах Лелика о том, что, пока мы живем, шанс есть. Мне очень хотелось найти новый шанс, но воспоминания составляли основной фон моей жизни, превращая настоящие события в бесцветные тени. Лейла была права, сказав, что не надо поддаваться на провокации прошлого.

«Я постараюсь, постараюсь!» – твердила в такси я себе мысленно, присягая на мелькавших в окне ночных огнях города, как на Библии.

Но когда я поднялась по лестнице и подошла к своей квартире, все мои клятвы не жить воспоминаниями, а идти в будущее оказались перечеркнутыми торчавшим в щели между дверью и косяком конвертом, который я в первое мгновение приняла за записку от Лейлы.

«Вспомни!» – одно слово, опять составленное из вырезанных из журналов и наклеенных на лист бумаги букв. Я перевернула конверт и из

него выпал еще один небольшой листок.

И все сомнения в том, что анонимное послание было адресовано не мне, исчезли, стоило мне поднять упавший листок, который на самом деле оказался некачественной фотографией. Фотографией со студенческого концерта Тима и его группы.

IV

В эту ночь я легла спать почти под утро. Обнаружив в конверте фотографию, позвонила в соседскую дверь и, конечно же, разбудила Лейлу и ее семейство. Мне открыл Сергей с таким выражением на заспанном лице, что и сомнения не возникло в том, что сейчас он отнюдь не ласковым тоном выскажет все, что думает по поводу ночных визитов. Но Лейла, выглянув из-за плеча мужа, молча отстранила его, уже набравшего в легкие воздуха для гневной тирады, и вышла ко мне:

– Что случилось, Саша?

Я молча протянула ей записку и фотографию. Подруга прочитала одно-единственное слово, посмотрела на снимок и кивнула в сторону моей двери:

– Пойдем.

А затем оглянулась на мужа:

– Сережа, ложись спать. Я скоро вернусь, не волнуйся.

Мы вошли в мою квартиру. Я задержалась в коридоре, снимая плащ и туфли, а Лейла сразу же отправилась на кухню. Когда я туда вошла, подруга уже успела поставить чайник и, сидя за столом, внимательно рассматривала снимок.

– Мне это подкинули сегодня, – сказала я и достала из шкафчика две чашки. – А еще утром в почтовом ящике я нашла другую записку, только выкинула ее, потому что показалась она мне бессмысленной, никому конкретно не адресованной. В ней было всего два слова: «Забыла уже?»

Подруга кивнула и, задумчиво вертя снимок в руках, спросила:

– Этот человек с фотографии много значил для тебя?

Я сделала глубокий вдох, как перед прыжком в воду, и на выдохе произнесла:

– Да. И значит до сих пор.

– Что с ним случилось? Снимок какой-то... холодный, будто...

– Он умер, – подтвердила я ее догадки. Фраза далась на удивление легко. – Ты увидела *это* по фотографии?

– Почувствовала. К сожалению, я не умею *видеть* по фотографиям, как моя бабушка, – со вздохом ответила Лейла и аккуратно, будто святыню, положила снимок на стол. – Не передался мне ее талант. Я лучше разбираюсь в картах. Но сейчас мне показалось, будто с парнем на фотографии что-то не то. Это необязательно должна быть физическая

смерть. Человек может быть мертвым духовно – спиться, стать наркоманом, опуститься. Или находиться в коме, болеть онкологией. Понимаешь? Но раз ты говоришь, что он умер...

– Погиб, – отрывисто произнесла я.

– Молодой и красивый, – вздохнула Лейла с таким искренним сожалением, будто была знакома с Тимом. – Тот, кто подбросил анонимки, должен хорошо знать тебя.

Она высказала то, о чем я и сама думала. Но кто это и что он хотел сказать своими записками, даже предположить не могла. Никто из нынешнего окружения не знал о Тиме, даже Лелику и Лейле я ничего не рассказала. Исключением была лишь парикмахер. Но нелепо даже предполагать, что сейчас, четыре года спустя, та женщина каким-то образом разыскала меня для того, чтобы подбросить пару конвертов.

– Лейла, а ты не можешь увидеть, кто подкинул мне записки и чего этим хотел добиться? – с надеждой спросила я у подруги.

– Я не ясновидящая, чтобы знать все, лишь умею раскладывать и читать карты, – несколько резко ответила Лейла. – Но и без карт могу сказать, что тот, кто подкинул тебе письма, желает вывести тебя из душевного равновесия. Может быть, он хочет тебе таким образом отомстить за что-то?

– За что? – недоуменно спросила я. Мечь – это уже что-то из восточного, близкого Лейле, но никак не мне.

– Не знаю. Ты не делилась со мной своими историями из прошлого.

– Но ведь ты прочитала его по картам и назвала «страшным», – невольно поддела я подругу.

И Лейла бросила на меня такой взгляд, что я осеклась. На секунду мне показалось, что сейчас она, обидевшись, встанет и уйдет, но она лишь тяжело вздохнула:

– Ох, Саша...

И мне показалось, будто она знает что-то больше того, что я помню сама о себе, но не хочет говорить.

Нелепое предположение, которое тут же развеялось. Ну, в самом деле, что может знать обо мне Лейла? Сама же ведь только что призналась, что может читать только карты – символы, картинки. О моем прошлом мог бы поведать лишь тот, кто меня хорошо знал, но никак не карты.

– Тебе не нужно искать того, кто это делает, – сказала вдруг Лейла, словно прочитав мои мысли. – Лучший выход – проигнорировать записки. Зачем тебе знать виновного?

– Как зачем? Морду набить за такие дела, – усмехнулась я.

Но подруга не поняла моей иронии, сердито сверкнула на меня глазами-маслинами и поджала губы.

Она пробыла у меня еще с час. К теме анонимок мы больше не возвращались. Я рассказывала ей о Лелике и его предложении. И по лицу Лейлы было заметно, что она одобряет кандидатуру и выступает за то, чтобы я вышла за Леонида замуж.

– Но я не люблю его, – закончила я.

Подруга не ответила. Хотя мне казалось, что с ее восточной покорностью должна была сказать что-то вроде «стерпится-слюбится». Но нет, она промолчала, лишь задумчиво покусала кончик длинной и толстой косы и вздохнула, думая о чем-то своем.

После ее ухода я еще долго просидела за письменным столом в комнате, рассматривая в ярком свете настольной лампы фотографию и записку. И я, вначале скептически приняв предположение Лейлы о мести, подумала о том, что сама когда-то мелко мстила Тиму за его роман с рыжеволосой девицей, с которой он целовался на кухне.

* * *

...Она была не из наших, не из института. Поговаривали, будто ее отцом был важный областной чиновник. Может, и так. Девушка явно принадлежала к обеспеченной семье – ездила на новой иномарке и дорого одевалась.

Так как Тим был популярной в институте персоной, весть о его романе, вспыхнувшем после новогодней вечеринки, распространилась со скоростью огня по сухой траве. Понятное дело, никому из женской половины нашего вуза, мигом объединившейся в дружественный клан, девица не нравилась. Неравнодушные к Тиму зло болтали, что он продался за перспективы. Те, кого лично не зацепил этот роман, снисходительно оправдывали Лазарина тем, что его таланту как раз и не хватало спонсора. Может быть, будь подруга Тима из своих, институтских, к ней отнеслись бы с большей симпатией.

Несколько раз мне пришлось столкнуться с ней в коридоре общежития. И после таких встреч я, подобно злопамятному коту, гадящему в хозяйский ботинок, мстя за взбучку, вымещала тайную ревность в мелких проделках.

После свиданий Тиму приходилось ужинать чересчур соленым супом или вылавливать из него тараканов, отмывать руки и дверную ручку от

обувного крема, домываться в душе с выключенным светом.

О том, что совершала эти проделки я, он и не догадывался. Парадокс, но именно в тот период его романа мы стали почти нормально общаться. Я больше не избегала Тима и не огрызалась в ответ на его попытки заговорить со мной. Видимо, зная, что он «занят», и понимая бесперспективность своих надежд, я перестала нервничать, сталкиваясь с ним в институте или в общежитии. И если бы не мои тайные проказы, можно было бы подумать, что наши отношения доросли до приятельских.

– Черт знает что! Поймаю того, кто это делает, скормлю ему же и без соли! – однажды выругался он при мне, вылавливая из кастрюли с макаронами очередной «привет» – белые шнурки, аккуратно порезанные на кусочки размером с макаронины.

– Сдается мне, кому-то очень не нравится твой роман! – невинно усмехнулась я, ставя на плиту рядом с его кастрюлей чайник.

– Кому? – спросил Тим и посмотрел на меня с таким искренним недоумением, будто мое «предположение» его очень сильно удивило.

– Ну а мне-то откуда знать? – Я картинно пожала плечами. – Это твои поклонницы, не мои.

Он громко хмыкнул и вновь вернулся к своему занятию – вылавливанию шнурков из кастрюли.

– Приятного аппетита! – пожелала я ему, удаляясь из кухни.

– Сашка, однажды я тебя поймаю и вздрючу за твой острый язык!

– Ой, с удовольствием! – пропела я, оглядываясь через плечо и улыбаясь ему сладкой улыбкой.

Тим сердито сверкнул на меня глазами, схватил кастрюлю с макаронами и шнурками с плиты и вывалил все варево в помойное ведро.

Становилось ли легче после моей маленькой мести? Ненадолго. Ревность брала верх, и я клялась себе в следующий раз поцарапать иномарку девицы. Но так и не сделала этого. Это сделал за меня кто-то другой, нацарапав на блестящем красном капоте ругательное слово на букву «б».

Половина общежития с удовольствием слушала скандал, который девица закатила вахтеру и Тиму.

Весной они расстались. Просто к институту перестала подъезжать красная иномарка с отреставрированным капотом.

И в это время у меня закрутилось некое подобие романа. За мной стал ухаживать старшекурсник с факультета физического воспитания – двухметровый «шкаф» с квадратной челюстью и бритым белобрысым затылком. Наглядная иллюстрация к анекдотам про братков и их

охранников.

Он и в самом деле подрабатывал где-то охранником. С такой внешностью ему даже не требовалось оружия.

Звали моего поклонника Вячеславом Малютиным, но откликался он охотно на Славику и Малютку, что умиляло окружающих. Я благосклонно принимала ухаживания Малютки, однако не позволяла ему ничего более поцелуя.

По версии Вячеслава, познакомились мы с ним на пресловутой новогодней вечеринке, и я в порыве пьяных чувств призналась ему в великой симпатии и всплакнула на его мощном плече. Малютка, чья внешность скорее не привлекала, а отпугивала девушек, проникся моими нетрезвыми откровениями и через некоторое время разыскал меня в институте. Признаться, я его вообще не помнила и сильно растерялась, когда однажды передо мной в столовой нарисовалась огромная фигура, и счастливо улыбающийся незнакомец пробасил:

– Привет, я – Малютка.

– Ни фиги себе «малютка»! – первое, что сорвалось у меня с языка после того, как я окинула испуганным взглядом гоблинообразного бугая, преградившего мне проход.

– Эй, ты меня что, совсем не помнишь? – искренне огорчился парень. – Мы с тобой на новогодней вечеринке того...

– Что «того»?! – в панике воскликнула я, лихорадочно перебирая в памяти выцветшие подробности общежитского празднования Нового года.

– Ну, того, целовались, вот, – довольно провозгласил Малютка.

Я облегченно перевела дух, но все же с подозрением уточнила:

– Только это?

– Ну, еще и того... Ты сказала, что пойдешь за меня замуж, если я тебя возьму.

– О господи...

Марина, стоявшая за моей спиной, издала какой-то булькающий звук. Я оглянулась на нее и увидела, что она раздувает щеки, изо всех сил стараясь не рассмеяться. Ситуация со стороны, должно быть, и впрямь выглядела комичной, но мне было не до смеха.

– Меня Славиком зовут... – совсем уж как-то безнадежно произнес Малютка, видимо, поняв, что его не помнят.

Я же в тот момент думала о том, до какой же степени была пьяна, что умудрилась не запомнить такого колоритного персонажа.

Малютин был местным и жил не в общежитии, а с родителями в многоквартирной девятиэтажке в двух кварталах от института. Я

снисходительно позволяла ему приходить ко мне в гости, угощала чаем, к которому он обязательно приносил пирожные из знаменитой местной кондитерской, выдерживала час или два его скучного немногословного общества и затем под различными предлогами выпроваживала из комнаты. Иногда, когда мне бывало лень болтать, забивала эфир поцелуями с ним.

– Ой, Сашка, – с осуждением как-то сказала мне Маринка. – Морочишь ему голову. Зачем?

– Почему это «морочу голову»? – возмутилась я.

– Не любишь потому что.

– Тебе его жалко, да? – огрызнулась я, почувствовав приступ острого сочувствия к Малютину, смешанного со злостью и на него – за то, что он вызвал в моей душе чувство вины, и на себя.

– Мне тебя жалко.

– А чего меня жалеть? – с вызовом заявила я. – И с учебой все ОК, и с личной жизнью.

– Запутались вы втроем, – сказала Марина после долгой паузы, а я непонимающе вытаращилась на нее:

– Кто – «втроем»?

– Ты, Малютин и... Лазарин, – с усмешкой, больно кольнувшей меня в сердце, ответила она. – Думаешь, я не понимаю, ради чего, вернее, кого, ты Малютина за нос водишь? И уж догадалась, почему ты в кастрюлю Лазарина вчера банку соли ухнула...

Испортила я суп Тима скорее по привычке, чем из ревности, ведь его бывшая подруга уже месяц как не приходила в общежитие.

– Ты ему расскажешь? Про соль? – в ужасе ахнула я и тем самым лишь подтвердила Маринины догадки.

– Да зачем мне это – ябедничать? Впрочем, Лазарин, узнай он о том, что это ты лично подсолила ему супчик, слопал бы его с удовольствием, а не вылил бы в унитаз.

– Это почему?

– Потому! – засмеялась Марина и, поднявшись с кровати, направилась к выходу. – Пойду душ приму. А ты уж разберись как-нибудь со своим Малюткой – нужен он тебе или нет.

С Малютиним разбираться не пришлось, наш «роман» сам собой сошел на нет: близилась летняя сессия у меня, и выпускные экзамены у него. И это оказалось удобным предлогом, чтобы значительно сократить количество наших встреч...

...Я повертела в руках записку со словом «Вспомни» и подумала о том, что записки могли быть и не мезью, как предположила подруга, а намеком на какой-то эпизод из моего прошлого, который я забыла. Что-то произошло важное в те три месяца, которые выпали из моей памяти. И это имеет какое-то отношение к моему настоящему, иначе как объяснить то, что эти письма стали появляться сейчас? Что-то подсказывало мне, что стоит ожидать следующих записок.

Я сложила бумажный листок, убрала его обратно в конверт и взяла фотографию.

Тим, как фронтмен группы, стоял на переднем плане возле микрофона, без гитары, одетый в черные джинсы и черную футболку с какой-то абстрактной аппликацией, казавшейся агрессивной из-за преобладания в ней красного цвета. Прикрыв глаза, он с интимной бережностью обхватывал микрофон одной рукой. Вторая была забинтована. Чуть позади Тима, по обе стороны от него, стояли гитаристы, и на заднем плане – длинноволосый барабанщик и рыжеволосый клавишник. Обычная их расстановка.

Этот снимок мог оказаться с любого выступления – студенческого или с одного из концертов, которые Тим и его группа давали в местных клубах и ресторанах. Но это была фотография именно с прощального выступления в институте. Сомнений не возникало, потому что накануне того концерта Тим сильно повредил руку и выступал без своей неизменной гитары.

Тот, кто подкинул мне фотографию, тоже, как и я, присутствовал на последнем студенческом концерте и, значит, был из наших.

Осененная идеей, я включила компьютер, зарегистрировалась на модном в последнее время сайте «Одноклассники» и полночи провела за компьютером, просматривая все страницы пользователей, у кого в графе «Сообщества» было указано название вуза, в котором я проучилась всего два года.

Мне хотелось найти того, кто подбрасывал мне анонимки, но я не представляла, с чего начать, и выбрала такой путь. Может быть, тот, кто знал в прошлом меня и Тима, переехал, как и я, из провинции в Москву и нашел меня здесь?

Я внимательно просмотрела все страницы бывших студентов нашего педагогического. Тех, у кого в профиле Москва была указана местом проживания, оказалось всего трое, но ни один из этих пользователей не

подходил по времени: все они окончили институт еще до того, как я в него поступила. Значит, встречать меня там никак не могли. Знакомых тоже не обнаружилось.

Я выключила компьютер и отправилась в кровать. Положив под подушку фотографию, попросила Тима навестить меня во сне, но приснился мне кошмар.

Я шла по заснеженному полю. На мне было то же платье, что и в прошлом счастливом сне, в котором Тим мне принес малину. Только сейчас оно оказалось изодрано. С трудом выдергивая босые ноги из глубокого снега, я брела против ветра к тому месту, где торчала черная коряга, напоминающая многорукого монстра.

Я шла, шла, шла, и уныние затапливало мою душу с каждым шагом. Я словно пила его, против воли, обреченно, осязая, как оно отравляет мою кровь и с ней разносится ко всем органам. Скоро все клеточки моего тела окажутся напитанными этим унынием, переходящим в отчаяние. И чем сильнее я напивалась им, тем различимей становились стоны, которые я вначале приняла за завывание ветра. И нельзя было определить место, откуда раздавались эти звуки. Они, словно воздух, окружали меня со всех сторон. И я брела в этом стонущем воздухе, который будто стал плотнее от наполнявших его звуков.

Я была отравлена унынием и отчаянием, словно ядом, приняв который, жертва не падает замертво, а еще какое-то время мучается перед кончиной. И как-то понимала, что мое «время», отведенное для мук, – это вечность. Вечность я буду умирать, терзаясь от уныния, которое уже трансформировалось в физическую боль. И как я видела посредине поля корягу, но никак не могла до нее дойти, так видела и мою избавительницу-смерть, которая с коварной улыбкой манила меня за собой, но при этом не торопилась заключить в свои объятия.

– Хва-ати-ит! – простонала я непослушными губами, закоченевшими от холода.

И бросилась бежать к коряге. Выбиваясь из сил, пыталась преодолеть несокращаемое, *бесконечное*, расстояние. Мне казалось, что, если я когда-нибудь добежу до коряги, оборвется и моя мука. Но как бы быстро, как бы долго я ни бежала, расстояние оставалось неизменным. Я лишь окончательно выбилась из сил и захлебнулась в отчаянии.

«Зачем... зачем... сделала... муки, какие муки!..» – среди стонов я стала различать отдельные слова.

– Хватит! – закричала я так громко, как могла, и... проснулась.

Футболка на мне оказалась влажной от пота. Меня колотило от озноба, и я, решив, что заболела, встала, завернулась с ног до головы в одеяло и в таком виде побрела на кухню за градусником.

Первым делом я включила чайник и уже после этого полезла в кухонный шкафчик, в котором хранила аптечку. Зажав под мышкой градусник, уселась на стул и подтянула босые ноги, пряча их под одеялом. Мне не хотелось двигаться. Я словно до сих пор была окоченевшая от холода и ледяного ветра. И мне подумалось, что жить одной – не сахар. Некому даже налить чашку чая, если ты болен.

Чайник уютно шумел, и я постепенно успокаивалась и согревалась. Мне уже не было так страшно, как в момент пробуждения, и вернулась способность думать.

Этот сон казался посланным мне знаком и имел какое-то отношение к событиям из прошлого, которые я забыла. Я старалась абстрагироваться от того, что этот кошмар не приснился, а был *пережит реально*. И просто забыть о нем. Но еще одна мысль вертелась назойливой мухой: он имел отношение и к недавно увиденному сну, счастливому, в котором Тим угощал меня малиной. Они – эти сны – являлись двумя сторонами одной медали.

Чайник автоматически отключился, я встала, чтобы налить себе чаю. Градусник показал нормальную температуру, и я повеселела. Выпив горячего чая, вновь вернулась в постель. И, засыпая, подумала, что на всякий случай съезжу в ту парикмахерскую, в которой остригла волосы в первый день приезда в столицу. Конечно, нелепо предполагать, что случайная женщина-парикмахер, которая помогла мне найти жилье, могла присылать мне анонимные записки. Но она была единственной в этом городе, кому я рассказала свою историю.

Последующие дни закружили в рабочем вихре. Я задерживалась в агентстве, и у меня совершенно не оставалось времени съездить в маленькую парикмахерскую в двух остановках от Сокольников.

За это время мне еще дважды подкинули анонимные послания. Но на этот раз они оказались еще менее информативными.

Я надеялась найти фотографии или какие-то объяснения, но в одном из конвертов была вырезанная из журнала реклама снотворного: упаковка с наименованием средства – «Баюн», бутылочка и художественно рассыпанные по поверхности стола таблетки.

Во втором находился настольный календарь за тот год, в который погиб Тим. Простой календарик: с одной стороны – месяцы, с обратной –

реклама зубной пасты. Какое отношение зубная паста имеет ко мне?

Я рассердилась на анонима не за то, что он подкладывал мне «записки», а за то, что его намеки оказались слишком туманны. Бывают куда более откровенные авторы. К примеру, «доброжелатели», которые строчат обманутым женам длинные письма, разоблачающие неверность их мужей. Или просят некие суммы за неразглашение тайны. С такими «писателями» все понятно – либо желание «раскрыть глаза», а если называть вещи своими именами, вмешаться в чужую жизнь. Либо жажда наживы.

Мне же попался какой-то неправильный «доброжелатель», которому, похоже, доставляло удовольствие играть в загадки. Поклонник детективных сериалов? Так сколько серий окажется в затеянной им «мыльной опере»? И придем ли мы в итоге к ясному финалу? Больше всего на свете я не любила открытые финалы в кино и непродуманные концовки книг.

У меня возникло вполне оправданное желание подкараулить того, кто приносит мне конверты, чтобы покончить с этой странной игрой.

Но записки мне подкидывали в то время, когда я находилась на работе, а сейчас я была настолько занята, что не могла взять ни одного дня за свой счет. Да и не факт, что «доброжелатель» появится именно в тот день, когда я не выйду на работу.

Я подумала о том, что могла бы попросить Лейлу отследить неизвестного, но вспомнила, с каким жаром подруга уговаривала меня забыть об анонимках. Не возьмется она за это дело.

Жаль...

Можно было бы обратиться за помощью к Леониду. Не с тем, чтобы попросить его лично караулить в подъезде, а с тем, чтобы он обязал кого-нибудь из своих людей. Но я тут же оставила эту идею. Во-первых, пришлось бы рассказывать Лелику о Тиме, а мне этого не хотелось. Во-вторых, надо было бы признаваться в том, что какой-то период моей жизни просто выпал у меня из памяти, а это неизвестно как могло быть Леонидом истолковано. Мне не хотелось, чтобы он копался в моем прошлом, пусть, насколько я помню, ничего компрометирующего в нем и не было. Но мое прошлое представлялось мне шкатулкой с реликвиями, которых не должны касаться чужие руки. А в-третьих, после того не очень удачного вечера мы с Леликом больше не виделись и не созванивались. Он прислал мне короткое сообщение, что будет занят эти дни, и спросил, стану ли я по нему скучать. Я соврала, что да, но при этом почувствовала невероятное облегчение оттого, что какое-то время мы не увидимся.

Я все еще испытывала острую неловкость и считала, что нашим

отношениям, застрявшим подобно стрелке испорченного барометра на белом поле между «ясно» и «пасмурно», необходима пауза.

В эти дни я иногда думала о парне в больнице, Кирилле. И вопреки данным себе обещаниям решила, что когда-нибудь все же съезжу к нему. Просто чтобы узнать, как он себя чувствует. Ничего большего.

В субботу я наконец-то смогла поехать в парикмахерскую.

Мне повезло. Повезло в том, что я нашла ее, несмотря на то, что прошло почти четыре года. Повезло и в том, что нужная мне женщина по-прежнему работала там. Не повезло в том, что она меня не узнала, а значит, как я и предполагала, не имела никакого отношения к анонимкам. И все же я ухватилась за последнюю надежду. Смело села в кресло и попросила подстричь меня на ее усмотрение.

– Вы меня не помните? – спросила я у парикмахера, когда она занесла над моими влажными волосами расческу. Женщина замерла и внимательно всмотрелась в мое отражающееся в зеркале лицо.

– Вы – Катя, которая от Светы?.. – неуверенно произнесла она, скорее всего наугад.

– Нет, я та девушка, которой вы четыре года назад помогли устроиться на квартиру к Марии Федоровне, если помните.

Женщина нахмурилась, вспоминая, а потом обрадованно воскликнула:

– А, ну да, конечно! У вас еще были красивые длинные волосы, которые вы попросили остричь... И рассказали о вашем молодом человеке. Как вы сейчас? Как Мария Федоровна, я ее давно не видела?

– У меня все хорошо, – улыбнулась я в зеркало. – Работаю, снимаю квартиру, а Марию Федоровну иногда навещаю с гостинцами.

– Я рада, что у вас все хорошо. В тот раз вы были очень грустная.

Женщина бодро щелкала ножницами и одобрительно кивала – то ли мне в ответ, то ли довольная тем, что у нее получалось.

Нет, не имеет она никакого отношения к анонимкам, раз с трудом вспомнила меня. Но польза от этого визита все равно есть – новая стрижка, которой я осталась довольна. Я подумала, не перекрасить ли мне и волосы, но решила оставить тот осенне-рыжий цвет, который у меня был.

Я расплатилась и вышла на улицу. Времени еще оставалось достаточно. После напряженной недели его как-то вдруг стало очень много, так что я не знала, чем его заполнить. Сейчас мне не хотелось возвращаться домой и заниматься делами, а хотелось идти по мокрой от недавно прошедшего дождя дороге, вдыхать горьковатый запах прелых листьев, «выгуливать» новую стрижку, пить кофе в уютном кафе, непринужденно

болтая с кем-нибудь. Только вот оказалось, что болтать мне не с кем. Единственная подруга – Лейла – жила по соседству. И я, не придумав ничего другого, поехала в больницу.

– А я ждал тебя, – первое, что сказал мне при встрече, смущенно улыбаясь, Кирилл.

Я застала его в коридоре. Врачи уже разрешили ему вставать. Теперь я наконец-то заметила, что он ниже Тима и не сутулился, наоборот, выправка у него была как будто военная. Разве что шаг не «печатал».

– Почему ждал? – с улыбкой поинтересовалась я.

Меня очень обрадовало то, что на первый взгляд выглядел он совсем неплохо.

– Плеер вернуть и диски.

– Можешь оставить себе, – отмахнулась я, уже успев забыть о плеере.

– У меня нет такой привычки – не возвращать чужие вещи.

Он улыбнулся, а я в очередной раз подумала, что улыбка у него хоть и красивая, но не улыбка Тима.

– Меня на днях выпишут, поэтому верну тебе диски и плеер сейчас. Пойдем в палату, – пригласил меня Кирилл.

А я, мысленно подсчитав дни, поняла, что прошел уже почти месяц после ДТП. Даже не заметила быстро пробежавшего времени. Только машинально согласно погоде меняла верхнюю одежду – пиджак на плащ, плащ – на пальто или теплую куртку, но не фиксировала мелькающие дни.

– Как себя чувствуешь? – запоздало спросила я у Кирилла, входя следом за ним в палату.

– Нормально, – ответил он. – Слабость небольшая, но на этом и все.

– Рада за тебя.

Я обратила внимание на то, что вторая кровать в палате, пустовавшая во время моих визитов, на этот раз оказалась разобрана.

– Соседа подселили, – перехватив мой взгляд, пояснил Кирилл. – Но сейчас он куда-то вышел.

– Понятно, – произнесла я. – Говоришь, скоро тебя выпишут?

– Надеюсь. Я хорошо себя чувствую, страдаю только от безделья.

– Не терпится выйти на работу? – сыронизировала я.

– Не могу сказать, что так уж соскучился, – засмеялся он. – Но работать все же интересней, чем продавливать больничный матрас. Ты присаживайся, чего стоишь как в гостях?

Я улыбнулась и, присев на краешек стула, поинтересовалась:

– Где ты работаешь?

Мне хотелось знать о нем хоть что-то. Любопытство? Да, пожалуй. Любопытство, не имеющее ничего общего с кокетливым женским интересом. Но Кирилл отнюдь не прочь был поболтать, видимо, совсем уж затосковал в больничном заточении.

– В фирме, торгующей техникой. Менеджер, ничего интересного, – охотно пояснил он. – Окончил военную академию, но, послужив немного в армии, ушел на более денежную работу.

Значит, я не ошиблась насчет военной выправки.

– Из-за того что бросил армию, рассорился в пух и прах с отцом. Он настаивал на том, чтобы я продолжал семейную традицию. Сейчас мы, конечно, общаемся, но все равно остаемся в натянутых отношениях.

– Печально, – посочувствовала я.

– Жизнь, – вздохнул Кирилл и ожидаемо спросил, чем занимаюсь я.

– Тоже, как ты говоришь, ничем интересным. Работаю менеджером в туристическом агентстве.

– Значит, в какой-то мере коллеги, – обрадовался он. – Хотя туристические путевки – это интересней, чем компьютеры и ксероксы. Буду знать, к кому обращаться, когда стану планировать отпуск. Жаль только, что предвидится он не раньше следующего лета.

– У тебя есть время подумать, куда бы поехать.

– И найти компанию, с кем, – закончил он, глядя на меня как будто с намеком. Я не стала кокетничать, а, честно глядя ему в глаза, заявила:

– Летом отпуска у меня не бывает.

– Значит, спланирую его в другое время, – засмеялся он и, неловко задев рукой лежащую на краю тумбочки книгу, уронил ее на пол.

Когда он на мгновение отвернулся от меня, кладя книгу на место, я вновь, скользнув по его четкому профилю с несколько длинным носом, подумала о Тиме.

– Знаешь, я хотела тебя спросить... Глупый вопрос, но...

Я странно разволновалась, будто от ответа Кирилла зависело, произойдет в моей жизни что-то важное или нет.

– Если ты о том, женат ли я, то честно отвечу, что пребываю в холостом статусе, – смеясь, ответил он.

– Спасибо за подробности о твоей личной жизни, но я не об этом, – сдержанно улыбнулась я. – У тебя случайно нет, вернее, не было ли родственников в провинции?

И я назвала несколько городов, которые, как знала, имели отношение к Тиму и его семье. Кирилл наморщил лоб, вспоминая, после чего покачал головой:

– Кажется, нет. Все мои родственники либо из Москвы, либо из Питера – по отцовской линии. А по материнской – из Белоруссии. А что?

– Так, просто... Ты мне одного человека очень напоминаешь, – призналась я и почувствовала, что мои щеки полыхнули румянцем, а дыхание стало таким неровным, будто я пробежала стометровку.

– Ну что ж, бывает, что люди оказываются похожи, даже если не состоят в родстве. Схожие типажи...

– Но не настолько! – невольно вырвалось у меня.

Кирилл посмотрел на меня будто с сочувствием, но промолчал.

– Ладно... Пусть так. А фамилия «Лазарин» тебе незнакома?

– Нет. Первый раз слышу, – ответил Кирилл, на этот раз не задумываясь.

– Ладно. Забудь, – поспешно закрыла я тему, предотвращая расспросы. – Знаешь, мне уже пора. Я очень рада, что тебя скоро выпишут и...

– Может, встретимся когда-нибудь, сходим в кафе? – перебил он меня с видимым волнением, которое тщательно маскировал небрежным тоном.

Ой ли? Только не говори, что я тебе приглянулась. Не поверю, но допускаю твое естественное желание пообщаться с кем-нибудь за пределами больничных стен. Я пожала плечами, не говоря ни «нет», ни «да».

– Я напишу свой номер телефона. Если будет желание, позвони, – заторопился он.

– Ты приглашаешь меня на свидание, даже не поинтересовавшись, замужем ли я, – подначила я, забавляясь его торопливостью.

Кирилл натолкнулся на мое замечание, как на незамеченную в тумане каменную стену.

– Ты замужем? – переспросил он.

И растерянно уставился на мою правую руку, на безымянном пальце которой только сейчас заметил колечко, которое вполне можно было принять за обручальное. Подарок Тима.

– Нет, – весело ответила я, с трудом сдерживая смех: такое забавное выражение лица у него было в тот момент. – Это не обручальное кольцо.

– Понятно, – с заметным облегчением выдохнул он и, спохватившись, язвительно произнес:

– Заметь, я тебя приглашал не на *свидание*, а просто в кафе. Слишком вы, девушка, торопитесь.

– Смотря кто торопится! – фыркнула я.

Он не ответил, только поднял на меня глаза и посмотрел долгим

взглядом.

– Все же запишу тебе мой номер.

– Ладно, давай, – согласилась я, думая, что вряд ли позвоню ему.

Но Кирилл уже присел на корточки перед тумбочкой и принялся копаться в ней в поисках блокнота и ручки.

– Я догадываюсь, о чем ты сейчас могла подумать, – сказал он, не прекращая своего занятия и не поворачиваясь ко мне. – О том, что виделись мы всего пару-тройку раз, что ничего обо мне не знаешь, так же как и я о тебе, но я уже набрался наглости и приглашаю тебя, как ты выразилась, на свидание. Не хочу, чтобы ты подумала, будто я назначаю встречи всем девушкам, с которыми успел немного пообщаться. У меня много приятельниц, но я не приглашаю их на свидания.

– И чем же я удостоилась такой чести – быть выделенной из этого множества знакомых девушек? – с иронией поинтересовалась я.

Кирилл прекратил копаться в тумбочке, повернулся ко мне и серьезно, без улыбки, ответил:

– В тебе есть какая-то особенная тайна, Саша. Ты пытаешься ее скрыть, но твои глаза выдают ее наличие. Даже когда ты улыбаешься, шутишь или смеешься, в них остается грусть. Лишь однажды я не увидел в твоём взгляде печали. Это было, когда ты пришла ко мне во второй или третий раз. Ты сидела рядом и, думая, что я сплю, смотрела на меня. Возможно, в тот момент ты думала о чем-то и видела не меня, а кого-то другого. Да, скорее всего, так и было, ты сама сейчас сказала, что я кого-то тебе напоминаю. Пусть так. Но я не могу забыть тот твой взгляд, потому что та любовь и нежность, которые переполняли его, никого не оставили бы равнодушным. И я тогда подумал, что отдал бы все за то, чтобы ты смотрела так *на меня*. Увидев, что я не сплю, ты поспешно отвела взгляд, будто сбегая. Но я успел заметить в нем боль, сменившую любовь и нежность, и, когда ты вновь посмотрела на меня, в твоих глазах уже была привычная грусть.

Я не знала, что сказать ему, растерявшись от его признаний. Но Кирилл, похоже, и не ждал ответа.

– Мне не хотелось, чтобы мы перестали общаться после выписки, – тихо произнес он и вновь отвернулся к тумбочке.

И в этот момент я впервые заметила на его правой руке рубец как будто от ожога.

– Откуда это у тебя? – быстро спросила я.

– Что? – оглянулся он на меня.

– Шрам откуда? – взволнованно повторила я, указывая на его руку.

Если он скажет, что это след от ожога маслом...

– А, это, – безразлично протянул Кирилл. – В детстве заработал. Ставили с сестрой первые кулинарные опыты, хотели картошки пожарить к маминому приходу. Сестра случайно задела сковороду с кипящим маслом и...

– Так не бывает!

– Что?

– Не бывает... – повторила я не ему, а себе.

– Саш, ты чего? – удивленно спросил Кирилл, поднимаясь на ноги. – Тебе нехорошо? Ты как будто побледнела...

– Да. Немного нехорошо, но ты не волнуйся, – ухватилась я за удобный предлог.

– Хочешь, я медсестре скажу...

– Нет, нет, просто выйду на воздух. Не переживай, ничего страшного. Душно... Я к тебе еще приду, – машинально пообещала я, не уверенная в том, увидимся ли мы снова.

Я выскочила на улицу и, только выбежав за больничную ограду, остановилась, чтобы перевести дух. Холодный ветер остудил мои разгоряченные щеки и привел в порядок рассыпанные, будто колода карт, мысли. Оглянувшись по сторонам, словно удостовераясь в том, что за мной никто не наблюдает, я решительно подошла к табачному киоску и, бросив короткий взгляд на витрину, мгновенно определилась с выбором.

– Пачку вон тех с ментолом. И зажигалку, конечно.

Не курила я со студенческих времен. Да и тогда скорее не курила, так, иногда баловалась, если удавалось стрельнуть у кого-нибудь сигаретку.

Пламя гасло на ветру, и у меня замерзли пальцы от долгих безуспешных попыток высечь огонь, но я, стоя посреди тротуара и мешая прохожим, упрямо мучила пластиковую зажигалку.

«Сашка, не майся дурью», – сказал как-то Тим, застав меня с сигаретой. Кажется, то был последний раз, когда я курила.

Мне удалось высечь пламя, я прикурила и вдохнула ментоловый дым. В горле и носу от непривычки зацарапало, но я не закашлялась и осторожно сделала вторую затяжку. Вот так, наверное, и начинают курить – купив в растрепанных чувствах первую в жизни пачку.

* * *

...Я знала, что рано или поздно наши с Тимом дороги, скрестившиеся

лишь в ненадежной точке «институт – общежитие», разойдутся. Но если раньше как-то об этом не задумывалась, а если и задумывалась, то тут же гнала подобные мысли, то сейчас, когда времени до его выпускного оставалось все меньше, не могла думать ни о чем другом.

Я ходила мрачней тучи, была рассеянной и чуть не провалила первый экзамен, но даже не расстроилась. Мое отчаяние немного сглаживало ожидание последнего подарка: в фойе института вот уже месяц весело объявление, что Тим и ребята из его группы собираются после выпускных экзаменов дать прощальный концерт.

За день до концерта и произошло то, что послужило началом наших отношений.

Моя соседка Марина, равнодушная к Тиму и его творчеству, сдала экзамены раньше меня и уехала. Я слонялась по своей комнатухе, напоминающей клетку, без дела: вещи были собраны, экзамены – сданы, книга не читалась, музыка в плеере оказалась, как назло, грустная. И впервые за эту неделю одинокого житья в комнате я жалела об отъезде моей соседки, мне очень не хватало ее общества.

Устав от замкнутого пространства «клетушки», я взяла забытую Мариной пачку сигарет, чайник и отправилась на кухню, думая посидеть там в одиночестве.

Но на кухне оказался Тим, с которым за всю неделю мы умудрились ни разу не пересечься. От неожиданности и счастья сердце на миг замерло, чтобы потом забиться с тройной амплитудой, но я, стараясь не выдать волнения, небрежно поздоровалась с суетившимся возле плиты Тимом, бухнула на свободную конфорку наполненный водой чайник и прошествовала к подоконнику.

«Здесь я впервые увидела его с той девицей, – пришла в голову неприятная мысль, когда я усаживалась на грязный подоконник. – Ну и черт с этим!» – тут же решила я и вытащила из пачки сигарету.

– Сашка, не майся дурью, – с осуждением произнес Тим, оглядываясь на меня. – Курение тебя не красит.

– Ты мне не папочка – читать нотации, – фыркнула я и демонстративно закурила.

Тим посмотрел на меня долгим, немного грустным и очень взрослым взглядом и серьезно произнес:

– Мне не нравятся курящие девушки.

– А я не набиваюсь тебе в девушки!

И даже принялась болтать ногами, выражая беззаботность и равнодушие, хотя внутри все плавилось, бурлило, таяло, замирало –

винегрет разнообразных чувств. Тим не ответил, лишь вздохнул и отвернулся к плите.

– Не слишком ли много? – не выдержала я, увидев, что он вылил в глубокую сковороду чуть ли не половину бутылки масла.

– Мне так нравится. Люблю картошку во фритюре, зажаренную, как в «Макдоналдсе».

– Вредно! – со знанием дела припечатала я и выпустила изо рта струю сигаретного дыма.

– Курить вредно!

– Слышала уже.

– Ну, так еще раз послушай, – невозмутимо ответил он, не поворачиваясь ко мне.

И принялся довольно ловко и быстро чистить картошку.

– Профессионал! – восхищенно присвистнула я, наблюдая за тем, как тонкая картофельная кожура длинной лентой завивается в кольца и не обрывается. – Где так научился картошку чистить?

– В армии, – усмехнулся он и вдруг спросил: – Сколько на тебя чистить?

– Что?

От неожиданности я даже уронила на пол сигарету, и Тим, опередив меня, затушил ее кроссовкой и выбросил в мусорное ведро.

– Картошки сколько на тебя чистить?

– Но я не...

– Возражения не принимаются, – решительно перебил он. – Картошку я жарю вкусно, тебе понравится. Если, конечно, *кое-кто* вновь не высыплет в сковороду годовой запас соли или не пожертвует свои шнурки.

Он так и выделил интонацией «кое-кто», насмешливо посмотрев на меня. А я, сдавая себя с потрохами, залилась краской. Даже если Тим и обронил эту фразу наугад, то после того, как мое лицо стало свекольного цвета, догадался, кто был виновником проделок. Неужели Марина наябедничала?

– Почему-то сразу на тебя и подумал, – продолжил он с улыбкой, нарезаая вымытый очищенный картофель равными дольками.

– Не правда, это была не я! – в запальчивости выкрикнула я, спрыгивая с подоконника.

– Разве? Ну, значит, ошибся. Хотя жаль, – притворно вздохнул Тим. – Потому что, если припомнить твои же слова, соль, шнурки и прочие проказы были следствием того, что *кому-то не нравился мой роман*, что можно истолковать как, допустим, проявление ревности. Или как знаки

внимания. Правда, детские какие-то, больше напоминающие поведение мальчишки-третьеклассника – дернуть понравившуюся одноклассницу за косичку, закинуть ее портфель на шкаф...

– И не надейся! – зашипела я, подскакивая к Тиму, который довольно ухмылялся. – Ты никогда мне не нравился, не нравишься и не понравишься! У меня парень есть!

– Знаю, знаю, двухметровый квадратный Славик по кличке Малютка. Видел однажды, как ты с ним в коридоре облизывалась, – покивал с удивительной невозмутимостью он.

И это его спокойствие окончательно вывело меня из себя:

– Кто бы говорил! Сам разве на кухне не облизывался?!

– Я? С Малюткой Славиком? Боже упаси! – притворно ужаснулся Тим. Его, похоже, очень забавляло то, что я разозлилась. – Не кипятись! Кстати, твой чайник уже давно насвистывает что-то оптимистичное.

Я демонстративно выключила конфорку под чайником, крышечка которого нервно дребезжала, после чего развернулась к Тиму:

– Я тебя ненавижу!

Фраза прозвучала слишком пафосно, кинематографично, но в тот момент я его действительно ненавидела за унижение, которое испытала.

– Вот поедим, тогда и продолжай ненавидеть, – миролюбиво предложил он.

– Обойдусь без твоей дурацкой картошки! – выкрикнула я и небрежно взмахнула рукой в сторону плиты, но при этом задела сковороду.

Тим машинально попытался ее удержать... Сковорода полетела на пол, а кипящее масло щедро выплеснулось ему на руку.

– Ч-черт! – громко выругался он.

Звук удара привел меня, на мгновение впавшую от испуга в протрацию, в чувство.

– Быстро руку под холодную воду! – крикнула я Тиму и метнулась к себе за аптечкой.

К сожалению, ничего подходящего, что могло бы помочь при ожоге, не обнаружилось. Я схватила кошелек со всей имеющейся наличностью и ринулась обратно на кухню.

– Поехали в травмпункт!

– Сашка, все нормально, сейчас пройдет, – улыбнулся Тим, но улыбка у него вышла вымученная и нисколько меня не успокоила.

А глянув на его пострадавшую руку, которую он послушно держал под струей холодной воды, я встревожилась еще больше.

– Едем, – решительно заявила я. – Поймаю такси. И без возражений.

– Сама-то не обожглась?

– Нет.

– Слава богу, – с видимым облегчением вздохнул он.

Мне довольно быстро удалось остановить машину, и приветливый водитель за умеренную плату согласился добросить нас до ближайшего травмпункта.

Ожог у Тима оказался сильным. К тому времени, когда мы наконец попали к врачу, обожженная кожа на тыльной стороне ладони и чуть выше запястья вздулась пузырями.

Тим мужественно терпел боль и даже пытался шутить, чтобы я немного успокоилась, но был при этом так бледен, что никакие шутки и уговоры не могли приободрить меня. И чем больше он пытался уверить меня в том, что не сердится, тем сильнее я чувствовала себя виноватой в случившемся.

Наконец Тима пригласили пройти в кабинет. Пробыл он у доктора довольно долго, и я в ожидании мерила гулкой коридор нервными шагами.

– Девушка, да не волнуйтесь вы так! Все будет хорошо с вашим молодым человеком, – пожалела меня какая-то женщина из очереди.

Я молча кивнула и, решив, что мое мельтешение раздражает других посетителей, отошла к окну.

Не знаю, сколько я простояла, рассматривая через грязное стекло березовую ветку, по которой беззаботно скакал воробей. Вспоминать о случае на кухне было безумно стыдно. Стыдно и за то, что по моей вине пострадал Тим, стыдно и за мои глупые выходки, за пафосные, пустозвонные слова, которые я в запальчивости, чувствуя себя загнанной в угол, наговорила сегодня.

– Саш, пойдем?

Я торопливо оглянулась. Тим, по-прежнему бледный, стоял за моей спиной, прижимая к груди перебинтованную правую руку и бережно поддерживая ее левой. Но при этом улыбался мне так доброжелательно и светло, что я не выдержала и расплакалась.

– Сашка, ну хватит, ну, глупая, не конец света, – пробормотал он растерянно, несмело обнимая меня здоровой рукой. А я ничего не смогла ему сказать, лишь отрицательно потрясла головой и разревелась еще больше.

– Саш, я не сержусь на тебя, ну что ты? Дурашка, в самом деле... Не плачь. Сашка-промокашка.

Он осторожно коснулся моих волос, но, словно опомнившись, отдернул руку и похлопал меня по плечу.

– Успокойся. Нам надо еще в аптеку зайти: врач обезболивающее выписал.

– Зайдем, – кивнула я, вытирая слезы.

В общежитие вернулись мы не на такси, а на автобусе: травмпункт оказался всего в двух остановках от института. Всю короткую дорогу мы промолчали, обменялись лишь какими-то незначительными репликами. А когда поднялись на наш этаж, Тим сказал, что рука у него почти не болит, но после анальгетиков ему хочется спать.

– Да, понимаю. Тебе действительно надо отдохнуть, – рассеянно отозвалась я.

– Час, не больше, – добавил он, будто извиняясь передо мной. – У нас вечером с ребятами репетиция перед завтрашним концертом.

– Куда тебе на репетицию! – возмутилась я. – Спи! Отдыхай!

– Еще успею отоспаться – на том свете, – отшутился Тим. И, неожиданно взяв меня пальцами за подбородок, приподнял мое лицо и серьезно сказал: – Не вздумай плакать.

– Не буду.

– Обещаешь?

– Да, да. Иди уже, спи. Я позже найду, узнаю, как ты. Можно? – набралась я наглости.

– Буду рад.

И мы разошлись по нашим комнатам.

Но я вернулась к себе лишь за тем, чтобы взять сигареты, после чего отправилась на кухню. Кто-то добрый уже успел убрать последствия нашей «катастрофы»: поднял с пола сковороду, выкинул так и не приготовленный, но наверняка уже к этому времени завядший нарезанный картофель и оттер от масла пол. Я выкурила одну или две сигареты, думая о случившемся и не зная, как теперь вести себя с Тимом. Но решение пришло.

Я прыгнула с подоконника, не без труда открыла заедающее окно, чтобы проветрить кухню от сигаретного дыма, и отправилась вновь в свою комнату – за картошкой.

Спустя сорок минут, держа в одной руке накрытое тарелкой блюдо с горячим жареным картофелем, я робко стучала в дверь комнаты Тима.

– Открыто! – раздалось из-за двери с некоторым опозданием.

Я переступила порог и с любопытством огляделась. Тим был один, а не с соседями, как я предполагала. И это приободрило меня: не хотелось нарваться на шутки и недвусмысленные намеки его приятелей. Когда я вошла, он сел на кровати и торопливо пригладил ладонью взъерошенные со сна волосы.

– Я тебя разбудила?

– Нет, нет, уже проснулся, – заверил меня Тим нарочито бодро, хотя выглядел заспаным.

– Я думала, ты не один. Где твои соседи?

– Иван уехал, Виталий на свидании. Вернется не скоро. Ты располагайся, не стесняйся!

Я оглянулась в поисках стула и, не найдя его, присела на краешек застеленной кровати напротив Тима.

– Уютно у вас, – соврала я.

Комната уютом не отличалась: выцветшие, как, впрочем, и в нашей комнате, обои, кое-где оторванные и свисающие неаккуратными клоками. Сваленные на пустой кровати книги с журналами и дисками. При более внимательном разглядывании обнаружился и стул, скрытый под наваленной на него одеждой. Стол возле окна был заставлен посудой, к счастью, вымытой.

– Да какой может быть уют в комнате, в которой живут три не озабоченных порядком парня? – засмеялся Тим, безошибочно разгадав мою невинную ложь.

Я улыбнулась, бросила на него короткий взгляд и смущенно отвела глаза.

– Я тебе обед принесла. Жареный картофель.

– Даже так? – удивился Тим. – Сашка, ты – чудо! Ну что ж, тогда давай обедать или, верней сказать, ужинать.

Обрадованная тем, что он так спокойно, без насмешек и отказов, принял мое «подношение», я вскочила на ноги и устремила к столу. И пока Тим неловко пытался обуться в кроссовки и за-шнуровать их, расчистила на столе место для наших тарелок.

– Как рука? – тревожно спросила я, заметив, что он украдкой поглаживает забинтованную кисть и морщится. – Сильно болит?

– Ничего, пройдет. Играть, правда, не смогу. Но концерт отменять не стану, внесем кое-какие изменения. Думаю, ребята отлично справятся без третьей гитары.

– Тим...

– Да?

– Я извиниться хотела.

– Проехали, уже ведь сказал...

– Не только за это, – кивнула я на его больную руку. – Но и за все остальное. Ты был прав – и шнурки, и соль, и даже тараканы...

– И даже тараканы! – захохотал он. – Хотелось бы видеть, как ты их

ловила!

Я сконфузилась и покраснела.

– Ну ладно, ладно, извинения принимаются. Картошку, кстати, ты готовишь вкусно!

– Но все же, наверное, не так, как ты.

– Как-нибудь попробуешь, – серьезно пообещал он и посмотрел на меня таким взглядом, что не оставалось сомнений в том, что обещание он сдержит.

И еще мне подумалось, что сейчас Тим приблизит ко мне свое лицо и, как в романах, поцелует. От волнения и предвкушения у меня онемел затылок, а кончики пальцев на руках наполнились пульсацией. Но наваждение развеял звонок лежащего на столе мобильного.

– Черт, репетиция! – спохватился Тим, мельком взглянув на высветившийся на экране номер и затем – на наручные часы на запястье левой руки.

– Иду уже, иду! – прокричал он кому-то в трубку. – Буду минут через десять-пятнадцать... Потом объясню, что случилось. Я, кстати, приду не один, а с девушкой... С моей девушкой, говорю!..

И он весело подмигнул мне.

– Ну что, Александра, пойдешь со мной? Хотя сомневаюсь в том, что тебе будет уютно и не скучно в компании пятерых парней, занятых лишь музыкой.

– Будет! – твердо заверила я его.

– Тогда пошли.

Репетировали они в арендованном старом подвале в доме на соседней улице. По дороге Тим успел немного рассказать о группе, которая носила название «Клан». Группу он собрал после того, как поступил в институт, но идея возникла еще во время службы в армии, где он и познакомился с одним из гитаристов. Барабанщик – длинноволосый бородач, которого я неоднократно встречала в нашем институте, был сокурсником Тима. Второй гитарист и рыжеволосый клавишник пришли в группу по объявлению.

– Они мои самые лучшие друзья, – не без гордости сказал Тим.

А я, понимая улыбнувшись, добавила:

– Настоящий клан.

Мое появление в подвале в компании Тима было встречено одобрительным присвистом двух парней-гитаристов, улыбкой клавишника и обрадованной репликой барабанщика:

– Ну что, Тимыч, девчонка уломалась наконец-то, да?

Тим шикнул на него, но парень сделал вид, будто не услышал его, и обратился ко мне:

– Девушка, а знаете, что вы у Лазарина – первая? В смысле, первая, кого он на репетицию привел. Репетиция – слишком интимный процесс, как занятие любовью. И то, что он вас взял с собой, значит...

– Хватит языком трепать не по делу, – оборвал его Тим. – Времени мало, а дел много.

– Времени мало... – проворчал бородач, возвращаясь за барабанную установку. – Дык кто опоздал – ты или я? А вы, барышня, усаживайтесь поудобней и набирайтесь терпения: ближайšie пару часов Лазарин будет изменять вам с другой мадемуазель – музыкой. Его порок. Но во всем остальном он мировой парень, поверьте.

– Верю, – улыбнулась я, пристраиваясь в углу на тюке с каким-то тряпьем.

Во время репетиции до меня и правда никому не было дела. Но я не скучала, а наоборот, желала, чтобы репетиция не заканчивалась как можно дольше. Некоторые песни оказались мне знакомы, некоторые я слышала впервые.

– Скучаешь? – крикнул мне в короткую паузу Тим.

– Нет. Мне очень нравится.

– Надеюсь увидеть тебя завтра в группе поддержки!

– Обязательно!

– Сашка, специально для тебя!

И он исполнил «нерепертуарную» песню «Александра» из фильма «Москва слезам не верит».

После репетиции мы долго, не замечая стремительно тающего времени, гуляли по ночному городу. Ладонь в ладонь, плечо к плечу, согреваясь теплом друг друга в случайных и неслучайных прикосновениях. Сплетение широких и узких улиц в спонтанный маршрут, растрепанные ночным ветром волосы и спутанные мысли. Мы целовались с такой одержимостью, будто делали это не в первый, а в последний раз. Словно с рассветом мы превратимся в дым или растаем с первыми лучами солнца. Эта ночь была моей самой счастливой, самой чувственной, самой невинной и в то же время порочной.

Продрогнув от ночной прохлады и устав от долгой прогулки, мы зашли в теплое, пахнущее кофе и табаком нутро ночного кафе-бара и провели в разговорах остаток ночи.

Тим рассказывал о себе: о том, что в институт поступал уже после

армии, в двадцать один год. О том, что его родителей уже нет в этом мире, но у него есть старшая сестра Юлия, с которой очень доверительные отношения. И пообещал когда-нибудь познакомить меня с ней. Еще он рассказывал о своей мечте – найти продюсера и выпустить диск. Но для этого придется перебраться в Москву. Не сейчас, позже, а пока он остается в городе, чтобы заработать на поездку. Я улыбалась Тиму и уверяла, что все его планы и мечты непременно сбудутся.

Но мечты разбивались о реальность.

После окончания института Тим, как и хотел, остался в городе и снял квартиру, где мы смогли жить вдвоем. Я продолжала учиться, а он работал. По профессии не пошел, устроился в магазин радиотехники на должность продавца, а вечером и по выходным выступал с группой в ресторанах и клубах, играя чужие устаревшие хиты, за которые щедро платила публика.

– Ну что это за работа – брэнчать на гитаре в ночных барах! – заметила как-то моя мама, когда я приехала на выходные домой одна, без Тима. Она не была против наших отношений, Тим ей нравился. Но никак не могла примириться с тем, что он променял диплом хорошего университета и уважаемую профессию учителя на сомнительной надежности карьеру музыканта.

– Мама, ты не понимаешь! – кинулась я на защиту Тима. – Это все временно – бары, рестораны... Тим талантлив. Ты даже не представляешь, насколько! Рано или поздно его пригласят в столицу, предложат хороший контракт, займутся раскруткой его группы. Я в этом даже не сомневаюсь! Он станет известным музыкантом. Многие популярные группы так и начинали – играя в барах и на дискотеках!

– Ну, хорошо, представь, что так и случится – он уедет в столицу. А ты? – попробовала остудить мой пыл мама.

– С ним! – с горячностью воскликнула я.

– Если он тебя еще возьмет, – скептически поджала губы мама. – Не будь такой наивной, дочь. В столице у Тима начнется другая жизнь: поклонницы, вечеринки, легкие связи. А ты станешь ему не нужна.

– Зачем ты так? – обиделась я. – Сомневаешься в том, что Тим меня любит?

– Нет. В том, что он тебя любит, не сомневаюсь. Сомневаюсь в его, так сказать, «профессии». За тебя, дуреху, переживаю. Как бы не осталась ты у разбитого корыта – со своими растрепанными и ставшими ему ненужными чувствами.

Я постаралась забыть о том неприятном разговоре, убедив себя, что мама преувеличивает.

На запись новых песен времени у Тима почти не оставалось, но он рассылал диски с уже готовыми песнями по радиостанциям – местным и столичным. В этом плане ему фатально не везло. Лишь однажды одну песню приняли на местное радио, остальные же радиостанции отказали, сославшись на неформатность музыки, которую играла группа. А из Москвы, на которую делались основные ставки, вестей не было. Я старалась поддерживать Тима как могла, но видела, что подобные неудачи больно бьют по его самолюбию. И однажды в приступе какого-то веселого отчаяния после очередного отказа Тим отдал скопленные на поездку деньги за подержанную «девятку», оправдывая свой порыв тем, что на машине проще перевозить музыкальные инструменты из одного ресторана в другой.

* * *

...Я еще долго, пока окончательно не замерзла, бродила по московским улицам, неосторожно выбирая узкие и малолюдные. Столица... О ней так мечтал Тим. И она же стала для меня одиночной камерой, в которой я отбывала жизненный срок.

Потом я долго сидела в каком-то кафе и отогревала закоченевшие пальцы, обхватив ладонями чашку с горячим кофе. Мне не было уже ни грустно, ни одиноко. Отпивая глоток за глотком сладкий кофе, я думала не о Тиме, а о Кирилле. О том, что у нас у каждого, наверное, есть свой двойник. Игра природы, тасующей гены, как карты, и выкидывающей произвольные пасьянсы. Сойдется или не сойдется. Может быть, где-то, не в Москве и даже не в России, а скажем, в Америке, Испании или Франции сидит в кафе девушка, похожая на меня, только зовут ее не Александра, а к примеру, Эрика, Исабель или Кати. Но внешнее сходство Кирилла с Тимом оставляло в моей душе саднящие ранки. Вероятно, не будь они так похожи, я бы приняла сегодня приглашение на свидание. Мне не хотелось, болтая и шутя с Кириллом, видеть не его, а Тима. Не хочу обманывать и обманываться.

Я вышла из кафе и, остановившись на крыльце, выкурила сигарету – привычно, будто курила постоянно.

А когда вернулась домой, обнаружила в почтовом ящике новый конверт. «ЮЛЬКА ТЕБЯ ОБМАНУЛА», – уведомляла на этот раз «записка», состоящая, как и первые, из вырезанных из журналов и наклеенных на лист бумаги букв.

Не Юлия, не Юля, а Юлька. Так звал ее – свою старшую сестру – Тим. Так иногда звала ее я, несмотря на нашу разницу в возрасте почти в 13 лет. Юлька...

Этот *кто-то* не просто знал меня и Тима, не просто присутствовал на его прощальном студенческом концерте, но, похоже, был из нашего близкого окружения. Откуда он (или она?) мог знать о Юлии? И что имел в виду, говоря, что сестра Тима обманула меня?

VI

Лелик объявился в четверг утром. Он позвонил мне, когда я завтракала перед уходом на работу, и весело сообщил:

– Привет, Мартышка! Я более-менее освободился!

– Рада, – улыбнулась я, так как уже успела немного по нему соскучиться.

Мне даже не хватало джипа-«монстра», поджидающего меня с работы во дворе офисного здания, букетов бордовых роз и этого смешного прозвища – Мартышка.

– Соскучился, – с нежностью произнес Лелик. – Если сегодня встретимся, ты как?

– Давай!

– Тогда как обычно, в шесть жду. Или ты сегодня заканчиваешь позже?

– Нет, в шесть.

– Поездку нам присмотрела? На острова, к примеру. Или уже забыла? Я, как видишь, помню.

Я тоже помнила. Но мне не хотелось на острова с Леликом. Мне хотелось с ним в кафе – болтать обо всех делах и пустяках, которые случились за эту неделю, пить горячий шоколад или капучино и невинно острить. Но никак не в романтическое путешествие. Представив себя с Леликом на отдыхе, вдвоем в гостиничном номере, я как-то сникла и малодушно подумала, а не отказаться ли мне и от сегодняшней встречи?

– Мартышка, ты меня слышишь? – переспросил Лелик, не дождавшись от меня ответа.

– Слышу, Леня.

– Ну ладно, ладно, не хочешь сейчас говорить о поездке, не будем, – безошибочно угадал он мои мысли. – Сегодня-то встречаемся или как?

– Встречаемся, – вздохнула я. – Куда поедем?

– Ужинать, Мартышка. Планируется деловой ужин, но мне хотелось бы, чтобы мы пошли вместе. Ты бы мне очень помогла, стала моим «талисманом». Ужин в девять, но я заеду за тобой в шесть, если ты не против.

– И... как я должна быть одета? – ужаснулась я, в панике оглядывая свои повседневные джинсы и толстый свитер, главным преимуществом которого была отнюдь не элегантность, а то тепло, которое он давал.

– Не волнуйся, у нас будет время заехать в один бутик. С твоей

фигуркой мы обязательно подберем тебе вечернее платье. И, если пожелаешь, заедем потом в хороший салон, где тебе сделают укладку и макияж.

Ого! Похоже, ужин намечается серьезный.

– Лелик, а это точно будет *деловой* ужин? – на всякий случай поинтересовалась я.

И Леонид, услышав в моем голосе тревогу, рассмеялся:

– Точно, точно! Деловее быть не может. Скажу сразу, что от этого ужина в большой степени зависит мой бизнес. Удастся ли мне получить желаемый кредит или нет.

– И в каком амплуа буду выступать я? – решила я сразу расставить все точки над «і».

– Ну... – замялся Леонид. – Мне бы хотелось представить тебя как свою невесту, но...

– Представь лучше как талисман! – весело рассмеялась я.

И Леонид обреченно выдохнул:

– Ты невозможная!

Скорее для того, чтобы сделать Леониду приятное, я решила надеть кольцо, подаренное им. Безымянный палец уже был занят скромным подарком Тима – тонким золотым ободком с маленьким прозрачным камушком. Кольцо Леонида по сравнению с ним смотрелось вызывающе дорого. Я не являлась любительницей броской роскоши, более того, была абсолютно равнодушна к драгоценным украшениям. Но подарок есть подарок, и я надела кольцо с массивным бриллиантом на средний палец.

Рабочий день пролетел незаметно: мне опять пришлось работать за двоих – за себя и за Ирину, отбывшую в двухдневную командировку на турецкие берега смотреть новый отель. И, засидевшись с последними клиентами, я задержалась на полчаса.

– Опаздываешь, Мартышка, – неодобрительно покачал головой Лелик, когда я ворвалась в салон его «монстра». Впервые он упрекнул меня за опоздание.

– Работа, – кратко ответила я, решив, что упрек Леонида связан с его волнением перед важной встречей.

– Подстриглась? – обратил он внимание на мою новую стрижку. – Тебе идет!

– Спасибо.

Сам Леонид уже был при полном параде. Практически всегда во время наших встреч он был одет по-деловому, но его сегодняшний костюм выглядел особенно торжественно – безупречно отглаженный, без единой

морщинки и складочки, будто Лелик переоделся в него всего пять минут назад.

Пахло от Леонида новой, незнакомой мне туалетной водой, которую я нашла хоть и «вкусной», но непривычной. Леонид уже успел посетить парикмахерскую и коротко, почти под «ежик», подстричься, отчего его физиономия теперь казалась идеально круглой.

– Тебе тоже идет новая стрижка! – в ответ польстила я, и Лелик довольно заулыбался.

В наутюженном костюме, с незнакомым ароматом и стрижкой-«ежиком» он казался мне немного чужим. И я, чтобы вернуть утраченное ощущение привычной задушевности, принялась по-свойски клацать кнопками встроенной в панель магнитолы в надежде отыскать приличную музыку.

– С кем ужин?

– С президентом банка.

Лелик сказал, как называется банк, и я удивленно присвистнула:

– Даже так?

– Даже так! – самодовольно улыбнулся он. – Не буду вдаваться в подробности, чтобы не наскучить. Скажу кратко: мне надо получить крупный кредит и под приемлемые проценты. От этого кредита зависит многое. Что ты об этом думаешь?

– Думаю, что будет скучно, – ответила я совершенно не то, что ожидал от меня Леонид. Зато честно.

– Мартышка, всего лишь пару часиков...

– Ты меня на деловом ужине при президенте банка тоже будешь Мартышкой звать? – ухмыльнулась я. – Тогда придется вести себя подобающим образом.

– Только попробуй! Уши надеру, – пригрозил он. – Как прикажешь величать?

– «Зови меня мустангом», – томно процитировала я фразу из известного фильма.

Лелик, видимо, тот фильм не смотрел, потому что бросил на меня недовольный взгляд.

– Александра, я серьезно, а не шутки шучу. У меня очень важный ужин!

– Знаю, знаю! Кстати, зачем я тебе там понадобилась, на таком важном деловом ужине?

– Ну... Вроде как все придут с дамами.

– Ага. И что мне полагается делать?

– Улыбаться! – рявкнул Леонид, которого в этот вечер отнюдь не забавляла моя болтовня.

– Понятно. «Улыбаемся и машем, улыбаемся и машем», – вновь ввернула я цитату, на этот раз из мультфильма. И, заметив, что Леонид стрельнул сердитым взглядом в мою сторону, поспешно оговорила: – Это еще одна фраза из фильма. Лелик, Лелик, давно ты в кино ходил? Надо тебя как-нибудь вытащить, а то у тебя всё деловые ужины, сделки, встречи.

– Как-нибудь, – уклончиво ответил он и сменил тему: – Почти приехали. Вначале купим тебе платье...

– Да я бы и без платья обошлась.

– Александра! – рявкнул Леонид.

– Молчу-молчу.

И вновь принялась нажимать кнопки магнитолы, отыскивая подходящую радиостанцию.

– ...Которую вы слышали, группы «Клан». Оставайтесь с нами. Мы вернемся в студию через несколько минут после рекламной паузы.

И под бодрую фоновую музыку мужской голос принялся расхваливать магазин автозапчастей.

– Как?! – вскрикнула я, напугав Лелика, который чуть не выпустил из рук руль. – Ведущий сказал «группа «Клан» или мне послышалось?

– Я не расслышал.

– Ну конечно, когда надо слушать – ты «не расслышал», – обронила я и лихорадочно принялась тыкать в кнопку магнитолы, делая звук громче.

– Саш, смени пластинку. Реклама...

– Группа «Клан»! Этого не может быть, не может. Ну почему, почему я включила это дурацкое радио не три, не две минуты назад?!

– Вот уж не думал, что ты такая фанатка какой-то группы, – ухмыльнулся Леонид.

– Ты не понимаешь! Не понимаешь! Это не «какая-то» группа, это...

– Саша, ну что ты так разнервничалась? Если хочешь, купим тебе диск.

– Его нигде не продают! Вернее, диски *той* группы, которую я знала, не продают!

Я сделала пару шумных вдохов и приложила ладони к полыхающим щекам. Сердце бешено колотилось, неритмично и рвано. И этому авангардному ритму, пожалуй, позавидовал бы тот длинноволосый барабанщик из Тимкиной группы «Клан». Неужели ребята пробились? Записали диск? С Тимкиным голосом, с его песнями? Или взяли нового солиста? Нет, без него группа была бы не та. Она бы уже не была *кланом*.

– Или это просто совпадение? И так называется совершенно другая группа, не имеющая отношения к... Господи, господи... Ну почему, почему я не включила радио раньше?!

– Саш, ты... ты в порядке?

Я даже не заметила, что Лелик припарковал «монстра» к обочине. И теперь, развернувшись ко мне, с тревогой всматривается в мое лицо.

– Я? Не знаю, не знаю. Мне надо было услышать эту группу...

– Саш, ну что ж теперь поделать! Не убиваться же. Если хочешь, я отвезу тебя домой, – великодушно предложил Леонид.

– Да. То есть нет. Поеду с тобой.

Что я буду делать дома? Нервно метаться по комнате, гадая, совпадение ли это названий или по радио действительно прозвучала одна из композиций Тимкиной группы? Может, как-то найти контакты радиостанции, попытаться дозвониться и спросить, что за песня звучала у них в эфире?

– Лелик, как ты думаешь, это реально – дозвониться до радиостанции?

– Совсем сбрендила девка, – вздохнул Леонид и вновь завел двигатель. – Куда тебя везти? Домой или все же за платьем? Мы уже почти приехали.

– Ну, раз приехали, то за платьем, – покорно согласилась я.

Леонид, похоже, уже был не рад тому, что взял меня с собой. Боялся, видимо, что я испорчу ему важную сделку.

– Леня, послушай меня, – развернулась я к нему. – Обещаю, что не выкину ничего неподобающего на этом ужине, буду пайнкой, буду улыбаться, и что ты там еще хочешь? Мои проблемы – это мои проблемы, они никак не повлияют на твою сделку.

– У тебя какие-то проблемы? – тут же напрягся Леонид.

И я прикусила язык.

– Саш, сейчас мы выйдем из машины и зайдем вон в тот бутик. Там выберем тебе платье, потом заедем в салон, где тебе сделают укладку. После поедем в ресторан. А потом, после ужина, отправимся к тебе...

Я вскинула на Леонида испуганные глаза, и он, протестующее подняв руку, чтобы я дала ему договорить, закончил:

– А потом мы отправимся к тебе, и ты расскажешь мне обо всех проблемах.

– Да нет у меня...

– Ты расскажешь мне обо всех проблемах! – с металлом в голосе повторил он. – И мы подумаем, как их разрулить.

Спорить я не стала. Лишь подумала, что придется выдумать какую-

нибудь незначительную «проблему», чтобы дать Лелику возможность проявить рыцарские чувства и «разрулить» ее. О записках рассказывать не хотелось.

Мы приехали в ресторан вторыми. Первыми прибыли заместитель Леонида со спутницей – длинноногой эффектной брюнеткой с томным взглядом и алыми губами. Типичной красоткой из службы эскорта.

– Эльза, – нараспев представилась девица.

И я, догадавшись, что в паспорте ее имя выглядит куда проще – Мария, Светлана или Валентина, – чуть тоже не представилась «псевдонимом». Вот бы вытянулось у нее лицо, если бы я назвалась Мартышкой.

Лелик отвесил полагающиеся приличиями комплименты девушке, я же получила свою порцию лестных слов от его зама. Выглядела я не хуже девицы, хоть и скромнее.

В бутике из всего предоставленного великолепия вечерних туалетов я выбрала самое простое платье, чей цвет – молодой зелени – подчеркивал цвет моих глаз. С неглубоким декольте и целомудренно закрытой спиной, асексуальной длины до колен, оно привлекло мое внимание именно этой элегантной скромностью. К платью мне подобрали такого же цвета туфли на удобных каблуках и маленькую сумочку. В первый момент мне показалось, что Леонид, как поклонник куда более откровенных нарядов, не одобрит мой скромный выбор, но платье пришлось по вкусу и ему. Впрочем, основной целью сегодняшнего ужина для него было заключение сделки, а не тщеславное демонстрирование прелестей своей спутницы.

Минут через пятнадцать появился и король ужина, как я его про себя назвала, – президент банка в сопровождении двух одинаковых телохранителей и спутницы. Президентом оказался невысокий, колобообразный мужчина за пятьдесят, с седыми курчавыми волосами и болезненно-желтым цветом лица.

Спутнице же его было лет семнадцать-восемнадцать, не больше. По-детски пухлые губки бантиком, россыпь золотых веснушек на носу и на подрумяненных щеках усмиренные в гладкую прическу светло-рыжие волосы. Она была чем-то похожа на меня саму в двадцатилетнем возрасте. И я, из-за этой невольной ассоциации ее с собой, осудила банкира – престарелого любителя прелестей юных девушек. И только собралась мысленно посочувствовать девчонке, как та, словно прочитав мои мысли, бросила на меня такой надменный взгляд, что я осеклась. Похоже, этот с виду невинный цыпленок – щучка еще та. Укусит – мало не покажется.

– Познакомьтесь, – вернул меня на землю низкий голос банкира. – Моя

дочь Нина.

Банкирская дочка, которую я ошибочно приняла за девочку из эскорта, одарила меня ледяной улыбкой. И чуть теплее улыбнулась Леониду.

Деловой ужин, как я и предполагала, оказался скучным. Не только для меня, но и для остальных девушек тоже. Пока мужчины что-то с жаром обсуждали, мы с отрешенно-скучающим видом изящно ковырялись в тарелках.

Пару раз я поймала на себе взгляд Эльзы и приветливо улыбнулась ей. И получила в ответ понимающую улыбку: Эльза приняла меня за коллегу. Мне хотелось переброситься с ней парой-тройкой фраз, чтобы как-то скрасить наше скучное времяпровождение, но я пообещала Лелику быть пайнкой и не мешать. Впрочем, кое-что меня развлекало.

Банкирская дочка Ниночка, игнорируя меня, будто я была лишь декоративной деталью обстановки, весь ужин бросала заинтересованные взгляды в сторону Леонида. Меня, как его спутницу, она полностью исключила. И это не злило меня, а смешило.

Забавляло и то, что бедный Лелик видел такой неприкрытый интерес со стороны Ниночки к его персоне, и это его выбивало из колеи. Он был готов к тому, что деловой ужин могла бы испортить неуместной репликой я, но совершенно не ожидал, что удар будет нанесен не с того тыла и другим оружием. Заметно было, что он не знал, как вести себя под пулеметным огнем откровенных взглядов банкирской дочки.

С одной стороны, если принять и поддержать ее игру в стрельбу глазками, это очень могло бы не понравиться Ниночкиному папаше, от чьего слова зависел бизнес Лелика. С другой – проигнорировать заигрывание избалованной девицы означало угрозу с ее стороны. А ну-ка нашепчет потом из мести что-нибудь гадкое своему отцу!

И чем сильнее Лелик старался сделать вид, что ничего не происходит, тем призывней посматривала на него банкирская дочка.

Ужин завершился в одиннадцать. Два часа показались мне двумя днями.

– Ну как, удачно прошли переговоры? – спросила я у Леонида на обратном пути.

– Не могу еще сказать. Банкир на первый взгляд заинтересовался моим предложением, но попросил время на обдумывание.

– Желая, чтобы все завершилось в твою пользу!

– Спасибо, – серьезно поблагодарил Лелик, не отрывая взгляда от дороги.

Похоже, он все еще продолжал мысленно присутствовать на

переговорах.

– Заметил, как на тебя поглядывала банкирская дочка?

– Приревновала, что ли? – вопросом на вопрос ответил он после небольшой заминки.

– Не-а, – беззаботно отозвалась я. – Даже не надейся!

Он сердито посмотрел на меня, но ничего не сказал.

До моего дома мы ехали в полном молчании. Играла тихая музыка, и я, рассеянно слушая зарубежные баллады, вновь гадала, что за группа скрывалась под названием «Клан». И еще думала о последней записке и сестре Тима – Юлии.

* * *

...Тим выполнил давнее обещание и познакомил меня со своей сестрой, которая жила в небольшом городке неподалеку от областного центра. Юлия была старше брата на восемь лет, но выглядела гораздо моложе своего возраста. Недавний развод, о котором мне рассказывал Тим, не наложил негативного отпечатка ни на ее внешность, ни на мировоззрение.

– Я занята любимым делом, поэтому счастлива и неплохо выгляжу, – с гордостью ответила она на мой комплимент.

– Юлька работает в музыкальной школе, преподает детишкам сольфеджио, – пояснил Тим.

– Так это у вас семейное – музыка? – обрадовалась я.

– Можно и так сказать, – хором подтвердили они и, переглянувшись, рассмеялись.

Внешне брат и сестра оказались совершенно не похожи между собой. Юлия была невысокой пухленькой блондинкой, круглолицей, с носом-пуговкой и маленьким, немного скошенным подбородком. Единственное, что выдавало ее родство с братом, – глаза. Ее глаза тоже были насыщенной, как у Тима, синевы. И что еще объединяло их, так это отношение к жизни как к празднику, катастрофическая небрежность в быту, нелюбовь к порядку и насмешливое отношение к проблемам. Юлия сразу же завоевала место в моем сердце и стала моей единственной настоящей подругой.

– Первая девушка, с которой меня знакомит Тимошка, – сказала она мне в первую встречу за чаем. – Это, пожалуй, серьезно.

– Юль, – неожиданно смутился Тим.

– Ему не нравится, когда я зову его Тимошкой, а я не признаю этой

ключки Тим. Вечная война, – засмеялась она.

Мы почти каждую неделю ездили к Юлии в гости, и каждый раз она принимала нас радушно. И так уж сложилось, что звонила я ей гораздо чаще, чем Тим. А Юля, если ей надо было что-то сказать брату, звонила не ему, а мне.

Однажды, когда мы в очередной раз сидели у нее в гостях, Юлия, обращаясь к Тиму, небрежно заметила:

- Людка приезжала, передавала тебе привет.
- Ага, – безразлично отозвался он.
- Расспрашивала о тебе: даешь ли концерты и где?
- Прийти собирается? – недовольно спросил Тим.

А я встревоженно перевела взгляд с Юлии на него: кто такая эта Людка?

– Она может – с нее станется. Поэтому я сказала, что ты скоро женишься.

Тим поперхнулся чаем и долго не мог откашляться. Я стучала его по спине и бросала на ухмыляющуюся Юлю страшные взгляды.

– Ну... Не скоро, но женюсь, – осторожно сказал он и искоса посмотрел на меня. – На Саше, если она не передумает, конечно. А если серьезно, то мы уже говорили об этом. Может быть, летом, когда Саша окончит второй курс, поженимся. К тому времени и денег на свадьбу подкопим.

– Вот что мне и хотелось узнать! – просияла Юлия.

Тим нахмурился:

– Прямо, что ли, нельзя было спросить? Нужно было проводить «разведку боем» и приплетать ко всему Людку?

– Так она на самом деле ко мне приезжала, – развела руками его сестра.

А я не выдержала и спросила, кто такая эта Люда.

– Моя бывшая одноклассница. И вроде как приятельница Юльки, – пояснил Тим.

– Хотя в приятельницы она ко мне набилась лишь потому, чтобы больше знать о Тимохе. Со школьной скамьи в него влюблена, – добавила Юля.

– Это она себе лишь вбила в голову, что влюблена в меня, – недовольно буркнул Тим. – И жалуется Юльке, что из-за меня не может устроить личную жизнь. Хотя, если честно, я тут ни при чем, просто никто Людку не зовет замуж. Вот она и бесится: все ее бывшие одноклассницы и приятельницы замужем, а она все никак не устроится. И сестру мою в подруги выбрала не столько из-за меня, сколько из-за того, что Юлька, хоть

и была замужем, сейчас разведена.

– Ну, зачем ты так? – мягко упрекнула Тима Юля. – Не такая уж она и плохая, как ты сейчас описал.

– Ага, – ядовито заметил он и поморщился. – Сама недавно рассказывала, как Людка при тебе желчно отзывалась о бывшей приятельнице, удачно вышедшей замуж. А сплетни про тебя кто распускал? Не говорю уж о том, как она одной девочке, с которой я общался в старших классах, долго не могла простить нашей дружбы. Мы уже давно с той девушкой видеться перестали, а Людка все продолжала угрожать ей. Юль, я тебя не раз просил, чтобы ты не общалась с Людмилой. Завистливая она, истеричная и злопамятная. Я всегда предпочитал держаться от нее подальше.

– Да я с ней и общаюсь-то постольку-поскольку! – воскликнула Юля. – Но раз она приехала, не выгонять же? Люда сейчас тоже, как и вы, живет в областном городе. Она устроилась санитаркой в какую-то клинику. Очень довольна, потому что клиника – коммерческая, зарплата там повыше, чем в обычной больнице. Вот и все. Чего ты так распереживался, Тимоха?

– Да не распереживался я, – отмахнулся он. – Вот еще чего – волноваться из-за какой-то Людки. Меня вон Саша волнует.

С этими словами Тим обнял меня и с нежностью поцеловал на глазах у довольной сестры.

– Правда, Сашка у меня самая красивая? – спросил он гордо.

И когда Юля, смеясь, подтвердила, удовлетворенно произнес:

– То-то же. А Людка на лошадь похожа, когда улыбается.

Один раз я все же увидела Людмилу. Мы столкнулись с ней в подъезде, когда в очередной раз приехали в гости к Юле. Люда уже спускалась по лестнице, а мы поднимались. Ее лицо выветрилось из моей памяти уже через минуту после встречи, настолько оно было обычным и непримечательным. Хотя, когда она улыбнулась, приветствуя Тима, и в самом деле напомнила лошадь крупными передними зубами и сильно обнажающимися при улыбке деснами.

– Не хотелось мне, чтобы она нас вместе видела, – недовольно проворчал потом Тим. – Будет теперь Юльке вдвойне досаждать, пока не выпытает все о тебе: кто ты, откуда и где мы познакомились. Прилипчива как репей. Надеюсь лишь на то, что Юлька как-нибудь отобьется.

...Кажется, это Юля уговорила меня уехать в столицу. Я не помню полностью тот наш разговор: три месяца моей жизни «после» были похожи на сильно затертую пленку. Помню лишь, что Юля настоятельно советовала

уехать, говоря, что мне незачем оставаться в городе, в котором не стало Тима.

– Тебя убьют воспоминания о нем, – сказала она, глядя на меня своими чудесными синими глазами, в которых стояли слезы. – Уезжай, Саша. Возьми деньги, что вы отложили на свадьбу, и уезжай.

Она была последней, с кем я попрощалась перед отъездом.

– Юль, ты не обидишься, если я не буду тебе звонить?.. – спросила я у нее не без робости.

Мой вопрос мог показаться странным и обидеть, ведь у нас складывались более чем замечательные отношения. Она была для меня почти такой же родной, как Тим. Но именно поэтому я и хотела оборвать эту связь.

– Мне будет грустно, но я пойму, – ответила она после некоторой паузы. – Просто позвони один раз, скажи, как добралась и устроилась. Этого будет достаточно.

Я действительно позвонила ей всего один раз, когда уже определилась с жильем и работой. В тот период я снимала комнату у Марии Федоровны и только-только начала работать нянечкой в детском саду.

– Юль, у меня все в порядке, – сказала я в трубку, с трудом сдерживая слезы.

Хоть и долго собиралась с духом, чтобы позвонить сестре Тима, не ожидала, что слышать звук ее голоса окажется для меня таким тяжелым испытанием.

– Я рада, – ответила она. Помолчала и с искренним беспокойством попросила: – Саш, будь осторожна, пожалуйста.

– Обещаю, – ответила я и тихо добавила: – Тим будет меня хранить.

Мы обе помолчали, не решаясь попрощаться и не зная, как продолжить разговор. Обе понимали, что сейчас повесим трубки, и на этом закончится наша почти родственная связь. И каждая из нас не решалась сделать это первой.

– Саш, я только хотела тебе сказать... – произнесла Юлия первой. – Если тебе будет плохо, возвращайся. Тебе здесь всегда рады.

– Хорошо, – отозвалась я, прекрасно зная, что не вернусь.

– Тим будет тебя хранить, ты права, – сказала она.

И, не прощаясь, повесила трубку.

Я действительно больше ей не звонила, хоть вспоминала часто. Пару раз чуть не сорвалась и уже схватилась было за телефонную трубку, чтобы набрать Юлькин номер, но каждый раз в самый последний момент останавливалась. И в итоге, дабы не искушать себя, стерла его из памяти

мобильного.

* * *

– ...Саш? – тихо позвал меня Лелик, когда мы уже подъезжали к моему дому.

– Да? – рассеянно отозвалась я.

– Ты это, знаешь... Если ты еще не готова выходить за меня замуж, я пойму, – неожиданно сказал он.

– Банкирская дочка оказалась симпатичней и моложе меня? – неловко сострила я.

– При чем тут банкирская дочка! Я не о ней говорю! Я сказал, что пойму, если ты решишь немного подождать.

– Хорошо, – тихо ответила я.

Лелик бросил на меня красноречивый взгляд, явно ожидая более полного ответа, чем туманное «хорошо», но ничего не сказал, лишь шумно вздохнул.

Я позволила Леониду проводить меня до квартиры и даже подумала, не предложить ли ему чашку чая. Но так и не успела пригласить, потому что увидела валяющийся под дверью белый конверт.

Первой моей мыслью было проигнорировать его, перешагнуть, как грязь, и забыть. Но Лелик уже заметил его:

– Смотри, Саш.

Я думала, что в конверте, как обычно, окажется очередная туманная записка, не дающая никаких объяснений. Но когда я взяла его, по весу поняла, что в нем находится какой-то предмет.

– Что это? – нахмурился Леонид и протянул руку, чтобы взять у меня находку. Но я уже нетерпеливо надорвала край конверта и достала наручные часы.

Часы Тима.

Я узнала их сразу – «Командирские», доставшиеся ему от отца, с потертым кожаным ремешком и желтоватым пятном на циферблате. Только стекло было в лучах трещин, будто от сильного удара.

– Что это, Александра? – нетерпеливо повторил Лелик.

И я, сглотнув подступивший к горлу комок, ответила охрипшим голосом:

– Часы.

– Это может быть опасно! – воскликнул вдруг Леонид.

Наверное, провел какую-то странную параллель между обычными наручными часами и взрывным устройством. Тяжела же жизнь бизнесмена...

– Это обычные часы, Лелик, – тем же севшим голосом пояснила я. – Просто часы.

Если бы это были «просто часы»...

– Что они тут делают? Зачем их тебе подбросили? Надо разобраться. Александра, дай мне их!

Лелик, все еще не избавившись от подозрений, требовательно протянул ладонь. Но я сжала часы в кулак:

– Нет! Не надо разбираться! Я знаю, кому они принадлежали.

– И? – выжидающе спросил он.

Оставлять вопросы невыясненными Леонид не любил.

– Одному знакомому человеку. Лелик, ты не волнуйся, я сама разберусь. Это мое дело – узнать, кто и зачем подбросил мне эти часы, – ответила я довольно резко и, похоже, обидела его. Но мне действительно не хотелось, чтобы кто-то *посторонний* (с каких пор Лелик стал мне *посторонним*?) касался их.

Мы еще немного поспорили, стоя на пороге квартиры. Леонид, встревоженный моей заметной нервозностью, хотел войти и побыть со мной. Я же уговаривала его оставить меня одну.

– Ладно, Мартышка, как хочешь, – с тяжелым вздохом сдался он после долгих уговоров. – Но позже я тебе позвоню, спрошу, как ты.

– Хорошо.

– До встречи, – нехотя попрощался он и, поцеловав сухими губами меня в щеку, ушел.

Я вошла в квартиру и, бросив пакет с моей повседневной одеждой и сапожками прямо на пол, с облегчением сняла новые туфли и прямо в куртке, наброшенной поверх вечернего платья, прошла в ванную.

Отвернув оба крана до упора, я присела на край ванны и вытащила из кармана часы. Стрелки замерли, показывая без четверти восемь – то ли утра, то ли вечера. Я покрутила колесико заводки, но стрелки так и не сдвинулись с места. Эти часы прошли жизненный путь от деда к отцу, а потом и к самому Тиму, и вот преданно остановились, когда оборвалась жизнь последнего законного хозяина. Я трепетно провела пальцем по трещинкам, лучами разбежавшимся по мутноватому стеклу, и словно вернулась в тот роковой день.

...Я помню его, но вся предыстория стерлась из моей памяти, кажется, безвозвратно. Может быть, ее и не было – предыстории, но, когда я думаю о том дне, у меня каждый раз возникает неясное ощущение, что что-то важное предшествовало тем событиям. Что-то нехорошее, иначе бы не сжималось в такой тревоге сердце.

Это произошло за месяц до нашей свадьбы. Мы с Тимом куда-то ехали на машине. Может быть, к Юльке или от нее. Но в тот день мы не болтали, как обычно, беззаботно во время дороги и не слушали музыку. Тим вел машину молча, бросая на меня тревожные и виноватые взгляды. Кажется, ему хотелось начать разговор, но он не решался. Я же, старательно делая вид, что не замечаю его взглядов, отвернулась к окну. Мы ехали какими-то улицами, которые я не фиксировала взглядом. Был вечер, но солнце все еще ярко светило в окно, а у меня же на душе было так пасмурно, как в дождливый осенний день.

– Вот и все, – сказала я неожиданно громко, обращаясь скорее к себе, чем к Тиму. – Закончилось. Так просто.

– Саш...

– Не надо, не говори ничего. Иначе я снова заплачу, а это ни к чему. Мы уже поговорили обо всем. Раньше.

– И все же, Саша...

– Следи за дорогой, – серьезно посоветовала я.

– Сашка, прости меня. Прости, Саш! Я не знал!

– А если бы знал, что бы это изменило? Мы уже приняли решение.

– Ты мне не сказала! – крикнул он и повернулся ко мне. В его глазах стояли слезы, а на лице было написано отчаяние. Таким я его и запомнила.

Отвлечшись всего на мгновение от дороги, Тим проскочил на перекрестке на красный свет, и ему уже не хватило времени, чтобы затормозить перед «КамАЗом». Последнее, что он успел сделать, – вывернуть руль так, чтобы удар пришелся не на ту часть машины, где сидела я, а принять его на себя.

Я очнулась в больнице. Рядом со мной была Юлия, которая сказала, что моим родителям уже сообщили об аварии, и они скоро приедут.

– Юль... – прошептала я. – А Тим?.. Тим? Как он?

– Он... – запнулась она. И, набрав воздуха в легкие, на выдохе бодро ответила: – Он – хорошо. Относительно, конечно. Но ты не переживай. Сейчас главное, чтобы ты поправилась. Тебя хочет посмотреть доктор, он

попросил сообщить сразу же, как только ты придешь в себя.

Я «отделалась», если можно так сказать, черепно-мозговой травмой и провела в больнице месяц. Меня навещали то мама, то Юля. А я ждала Тима.

– Он не может прийти к тебе, Сашенька, – говорила мама, глядя меня по плечу. – Ты же понимаешь, что Тим болен так же, как и ты.

– Что с ним? Он сильно пострадал? Ему очень больно?

– С ним все хорошо, – отвечала она, отводя глаза.

И я ей верила. Потому что Тим снился мне почти каждую ночь, и всегда – хорошо. Эти сны были светлые, наполненные жизнью. И Тим в них был очень счастлив. «Сашка, не плачь! Ты же знаешь, что я с тобой!» – говорил он. И я просила скорее поправиться и прийти навестить меня. «Со мной все хорошо, Сашка-промокашка». Во сне он гладил меня по волосам. Я чувствовала эти прикосновения, как будто он ласкал меня наяву. «Я всегда буду с тобой, охранять, чтобы с тобой ничего плохого не случилось».

– Юль, как Тим? – спрашивала я его сестру. – Он поправляется? Пусть напишет мне записку, если не может прийти.

– Хорошо, я скажу ему, – говорила она. – Но, знаешь, он в гипсе, ему сложно написать тебе что-нибудь.

Однажды я не выдержала и, воспользовавшись тем, что мои соседки по палате крепко уснули, встала с кровати и выглянула в коридор. Дежурная медсестра куда-то ушла, и я, осмелев, выскользнула из палаты.

Шла я, пошатываясь и держась за стены, чтобы не упасть, но решимость во что бы то ни стало найти Тима придавала мне сил. Я не сомневалась в том, что он лежал в этой же больнице, что и я, потому что была она центральной. Мне оставалось только найти палату.

Я брела по коридору, приоткрывая тихонько двери и осторожно заглядывая в палаты. Мне казалось, что сердце поможет найти нужную.

– Больная, что вы тут ищете?! – раздалось за спиной сердитое шипение.

И я, испуганно оглянувшись, увидела дежурную медсестру, которую пациенты недолюбливали за скверный характер и отсутствие такта. «Молодая, а уже такая стерва», – недовольно качала головой моя соседка по палате. «И инъекции делает так, что место укола еще неделю болит», – вторила ей другая. «Ошиблась профессией», – вздыхала третья. Я же просто отмалчивалась.

– Больная, я вас спрашиваю, что вы тут делаете? И кто вам разрешил вставать?!

– Я... Я Тима ищу, – растерялась я.

– Какого еще Тима? А ну-ка марш в палату, в кровать!

– Пожалуйста, – взмолилась я, складывая руки перед грудью. – Мне обязательно надо его найти. Он где-то здесь... Это мой жених, мы с ним вместе в машине были. Тим. Тимофей Лазарин. Пожалуйста, скажите, в какой он палате, я только увижу его и тут же вернусь к себе.

Медсестра странно на меня вытаращилась и после недолгой паузы с излишней строгостью приказала:

– В палату! Девушка, вы что, не слышали?

– Это вы не слышали! – закричала я, заводясь.

– Я сейчас позову дежурного врача...

– Зовите! Зовите!

Ослепленная желанием во что бы то ни стало увидеть Тима, я не заботилась о том, что своим криком могу разбудить других больных. Мне казалось, что медсестра упрямится из вредности и что, если я настою на своем, она сдастся и отведет меня к Тиму. Мне всего лишь надо было, чтобы мне показали нужную дверь. Но она, схватив меня за руку, попыталась увести в сторону моей палаты.

– Пустите! Пустите! – кричала я, захлебываясь в нарастающей истерике.

Неясное предчувствие расплзлось в моем сердце, как чернильное пятно по промокашке, стремительно и неизбежно. И эпизоды недавнего прошлого, до этого разрозненные, будто сваленные в кучу пазлы, стали складываться в единственно правильную картину. Наигранно-бодрый Юлькин тон, так не вязавшийся с ее влажными от еле сдерживаемых слез глазами. Туманные ответы моей мамы. И истинный смысл снов с Тимом.

– Больная, вы с ума сошли! Тише! Немедленно замолчите! – тоже перешла на крик медсестра.

Двери ближайшей палаты приоткрылись, и в узком проеме показались чьи-то заспанные лица.

– Я хочу его видеть! Отведите меня к нему! Я хочу его видеть, пожа... пожалуйста, – заикаясь от слез, умоляла я.

– Его здесь нет, – жестко сказала медсестра.

И я, наткнувшись на ее слова, как на неожиданное препятствие, изумленно замолчала.

– Почему? – спросила я тихо.

Последний пазл встал на свое место. И я все поняла.

– ...Юль, почему ты мне не сказала? – прошептала я позже, очнувшись от глубокого сна, сидящей рядом со мной сестре Тима. – Почему не

сказала, что его уже нет?

Она не ответила, только обняла меня и расплакалась.

– Когда, Юль?.. Когда?

– По дороге в больницу, в «Скорой».

* * *

Не знаю, сколько я просидела на краю ванны, сжимая в кулаке часы и глотая беззвучные слезы. Мне казалось, что вечность, но на самом деле – совсем недолго, если судить по быстро наполнившейся водой ванне. Я завернула оба крана и медленно, словно во сне, сбросила на пол куртку и дорогое платье с расплывшимися до безобразных темных пятен водными брызгами на подоле и ступила в горячую воду.

После ванны я немного успокоилась. Но упорно не хотела принимать простую версию Лейлы о том, что «доброжелатель» просто хочет заставить меня понервничать. Я считала, что он желает что-то мне сказать.

Вернувшись в комнату, достала из конверта все подброшенные мне записки и выложила их в хронологическом порядке. Недоставало лишь самой первой, но я ее и так помнила – «Забыла уже?». Вторая записка – слово «Вспомни» и фотография с последнего студенческого концерта Тима. Журнальная вырезка с рекламой снотворного. Календарь четырехлетней давности с рекламой зубной пасты. Последняя записка с фразой «Юлька тебя обманула» и, наконец, сегодняшняя находка – разбитые часы Тима.

Я глядела на этот ряд, пытаюсь выловить расплывающиеся ассоциации и понять, что же хотел сказать анонимный «автор». С записками «Забыла» и «Вспомни» практически все ясно – намек либо на то, чтобы я вспомнила о Тиме, либо, что хуже и сложнее, на тот период в три месяца, который выпал из моей памяти.

Журнальная вырезка и календарик, на мой взгляд, не имели никакой логики и выпадали из общего ассоциативного ряда, как лишние фишки. Интересно, имеют ли эти «знаки» какое-то значение или «доброжелатель» подкинул их просто для того, чтобы добавить загадочности и еще больше сбить меня с толку? Я убрала из общего ряда рекламу снотворного и календарик, решив подумать над ними потом, отдельно. И придвинула ближе к себе последнюю записку и часы.

Намек на то, что сестра Тима меня в чем-то обманула, выглядел слишком интригующе, а в сочетании с разбитыми часами давал ложную надежду, от которой у меня перехватывало дыхание. Нет-нет, не могла

Юлька так жестоко меня обмануть...

Мне нужно найти того, кто подбросил эти вещи, и добиться прямого ответа. И еще – отправиться в свое прошлое в буквальном смысле слова: взять неделю за свой счет и поехать в городок, в котором жила сестра Тима.

Я уже легла было в кровать, когда вспомнила о том, что собиралась перед сном послушать диск Тима, который уже давно не слушала. Вновь встала, зажгла свет и присела на корточки перед ящиком стола, в котором хранила диски. Но как я его ни искала, так и не нашла. Может быть, я случайно отнесла диск в больницу? Ничего не поделаться, придется еще раз навестить Кирилла.

И когда я уже засыпала, в моем расслабленном подступающим сном мозгу вдруг возникла важная ассоциация, связанная с вырезанной из журнала рекламой снотворного.

Но не успела я ухватиться за эту мысль, как она уже растаяла, оставив тоскливое и кислое послевкусие, как после обезжиренного кефира.

VII

Утром, выйдя из квартиры, я встретила на лестнице с Лейлой, которая с хозяйственной сумкой поднималась мне навстречу.

– В такую рань и уже из магазина? – с приветливой улыбкой поинтересовалась я.

– Нет, не из магазина. Ходила забирать питание для ребенка с молочной кухни.

– Как малыш, подрастает?

– Подрастает, – с нежностью произнесла подруга. – Ты заходи как-нибудь вечером на чай. А то уже давненько у нас не была, хоть и живем по соседству.

– Зайду, – пообещала я.

– Как ты? Выглядишь уставшей, прости уж за откровенность.

– Спала плохо, – призналась я.

И подумала, что, если бы рассказала Лейле о причинах бессонницы, она бы расстроилась и вновь принялась бы убеждать меня не думать о прошлом.

– Если хочешь, могу поделиться с тобой хорошей настойкой на травах. Отлично успокаивает нервы и помогает при плохом сне. Ты заходи вечером, я тебе ее дам.

– Спасибо, Лейлочка. Зайду, но не знаю, когда.

Вечером я планировала поехать в больницу и поинтересоваться у Кирилла, не отдала ли я ему случайно вместе с другими диск Тима.

– Ну, когда сможешь! Удачного тебе дня! – пожелала мне на прощание подруга.

Я попрощалась и стала спускаться по лестнице.

– Ах да, Саш! – вдруг окликнула меня Лейла, когда я спустилась уже на один лестничный пролет. – К тебе вчера один молодой человек приходил, вечером.

Услышав это, я бегом взлетела по лестнице вверх и жадно спросила:

– Какой молодой человек? Что он хотел?

– Не знаю. Вечером я вышла вынести мусор и увидела, что возле твоей двери крутится незнакомый парень. Он поздоровался со мной и уточнил, в этой ли квартире живет Александра?

– Как он выглядел?! – быстро спросила я, чувствуя, что от волнения ладони сделались влажными.

– Я его не разглядела. Запомнила лишь, что это был высокий брюнет, одетый в кожаную куртку. Саш, если бы я знала, что это так для тебя важно, рассмотрела бы его лучше. А так даже имени не спросила, – огорчилась подруга.

– Лейлочка, милая, скажи, а ты не заметила, не оставлял ли он мне белого конверта? – продолжала взволнованно допытываться я.

– Белого конверта? – задумалась Лейла. – Не могу сказать. В руках у парня был пластиковый пакет. И... Пстой! Когда я поднялась обратно в квартиру, молодой человек уже ушел, а на коврике возле твоей двери лежала какая-то бумажка. Но не могу сказать, был ли это конверт и находился ли он там еще до прихода твоего визитера... Что-то случилось, Саша?

– Нет. Ничего особого, – растерянно пробормотала я, не зная, что и думать. Человеком, подбрасывающим мне странные послания, оказался молодой парень. Высокий брюнет в кожаной куртке.

– Саш, ты разнервничалась. Что-то ведь случилось, да?

– Ну... Да, – сдалась я. – Не хотела тебе говорить, чтобы не пугать, но мне опять подбросили анонимки. Странные очень. Последнюю я получила как раз вчера. Только в конверте была уже не записка, а часы того человека, который очень много для меня значил. Что ты об этом думаешь?

Подруга испуганно ахнула и прикрыла рот ладошкой.

– Не знаю, что и сказать, Саша, – призналась она. – Мне бы хотелось помочь тебе...

– Ты могла бы мне очень помочь. Дай знать, если увидишь человека, который подбрасывает мне конверты. Им может оказаться и тот парень, которого ты встретила вчера, и кто-то другой – мужчина, женщина... Если заметишь кого-то, кто опять будет вертеться возле моей двери или почтового ящика, рассмотри его, пожалуйста, как следует. Мне это очень важно.

– Я постараюсь, Саша, но все же настоятельно рекомендую тебе оставить эту затею – копаться в прошлом. Не забывай о том, что сказали карты. Они предупредили тебя о смертельной опасности, а они мне еще никогда не ввали.

– Я постараюсь не забыть об этом, – с легкой усмешкой сказала я. – Но вот обещать тебе не искать того, кто подкидывает анонимки, не могу. Иначе совершенно точно умру, но только от любопытства.

– Ох, Саша... – вздохнула подруга и с тревогой попросила: – Будь осторожна. А я постараюсь помочь тебе.

– Спасибо.

Весь день я была рассеянной: мысли мои были заняты не работой, а вчерашним «гостем», о котором мне рассказала Лейла. Я не знала, что и думать.

Был ли среди наших знакомых высокий брюнет? Высоким брюнетом был сам Тим. Его студенческие друзья... Среди его многочисленных приятелей наверняка отыскался бы не один высокий брюнет.

Самыми близкими его друзьями являлись ребята из музыкальной группы. Я на мгновение прикрыла глаза, пытаясь вызвать в памяти полустертые образы. Барабанщик Алексей по прозвищу Леший – колоритный персонаж, носил бороду и красил свои длинные космы в радикально-черный цвет. Но высоким его даже с натяжкой назвать было нельзя. Разве что подрос он сантиметров эдак на тридцать-сорок за эти четыре года, что сомнительно. Клавишник. Улыбчивый обаятельный парень – рыжий, юркий, худой и тоже невысокого роста. Два гитариста. Я уже и не помнила, как их звали. Оба были высокими. И пожалуй, с натяжкой, очень большой натяжкой, их можно назвать брюнетами. Но скорее – шатенами. Или даже – темно-русый цвет волос показался Лейле черным...

– Александра, ты слышишь или нет? – оборвал мои размышления резкий оклик начальницы. Я вздрогнула и перевела на нее взгляд.

– Телефон на твоём столе надрывается, а ты ухом не ведешь! – отчитала меня Валентина.

Я спохватилась и сняла трубку. Загадки загадками, а работа работой.

Мне фатально не везло. Когда я приехала в больницу, чтобы навестить Кирилла, оказалось, что его выписали. В расстроенных чувствах, скорбя по утерянному диску, я вышла на улицу, спустилась в метро и, уже подходя к дому, догадалась, что надо было спросить телефон Кирилла у медсестры. Ведь все контакты – телефоны и адреса больных – записываются! Ну, как я сразу не сообразила?

Нешадно ругая себя, я зашла в квартиру, сняла сапоги, пальто и отправилась мыть руки. И уже в ванной обнаружила новую потерю – кольцо, подаренное Тимом. На среднем пальце сверкало кольцо Лелика – безумно дорогое, но не представляющее для меня такой ценности, как скромный подарок Тима. А тонкого золотого ободка на безымянном пальце не оказалось. Меня словно толкнули в прорубь – на мгновение перехватило дыхание, а потом обожгло паникой.

Я выскочила в коридор и, опустившись на колени, тщательно

исследовала пол в надежде, что колечко просто куда-то закатилось. Затем лихорадочно перебрала содержимое сумочки. Но поиски не увенчались успехом. Кольцо я могла потерять где угодно. Например, вчера в ресторане, когда мыла руки в туалете. Или сегодня на работе. Или в метро, на улице, в больнице. Может быть, когда снимала перчатку в метро, случайно стащила с ней колечко. На всякий случай я проверила карманы пальто, вывернула наизнанку тряпичные перчатки и порылась в карманах куртки, в которую была одета вчера. Бесплезно, колечко не нашлось.

Тогда я бросилась в комнату и схватила коробочку, в которой до этого хранилось кольцо, подаренное Леликом. Может быть, вчера, вернувшись из ресторана, я решила снять бриллиантовое кольцо, но была столь рассеянна, что перепутала его с другим колечком? Но и коробочка оказалась пустой.

Последний раз я видела подарок Тима вчера, когда надевала кольцо Леонида. Но было ли на мне колечко вечером в ресторане? Не помню. Я на всякий случай исследовала всю квартиру: коридор, ванную, кухню, комнату и даже туалет. Но, похоже, кольцо было безнадежно утеряно.

Я села на пол и в бессилии разревелась.

Не помню, когда в последний раз я так плакала. Навзрыд, безутешно, всерьез веря в то, что мой мир рухнет и ничто его уже не спасет. Вместе с кольцом, казалось, была утеряна и эфемерная связь с Тимом.

Дважды звонил мобильный телефон, но я не ответила. Чуть позже позвонили и в дверь. Наверное, приходила Лейла, приносила обещанную настойку. Но мне не хотелось видеть даже подругу, и я не открыла. Не знаю, почему меня так выбила из колеи потеря колечка, ведь за последние дни произошло достаточно событий, которые могли бы так же вывести меня из равновесия. Но потеря кольца, которое было со мной столько лет, оказалась сильней всего.

Я так и уснула – на не разобранной кровати, в одежде, зареванная.

И снилось мне, как я бегала по незнакомому и внезапно опустевшему городу. Я понимала, что случилась страшная катастрофа, и мне нужно немедленно, как уже сделали все жители, покинуть город. Но я металась по чужим опустевшим квартирам и искала свою сумку, в которой, как знала, лежали потерянный диск и кольцо. Этот сон сменился другим, уже знакомым мне кошмаром, в котором я вновь пыталась пройти через заснеженное поле к черной коряге. И я брела – босая, в изодранном платье, наяву чувствуя холод и отчаяние.

Меня выдернул из кошмара, как чья-то рука – упавшего в воду котенка, звонок в дверь. Я резко открыла глаза и жадно вздохнула. И, мокрая от пота, дрожащая от озноба, побрела открывать. Кто бы это ни был, разбудил

он меня как нельзя вовремя и посему заслуживает приглашения на чай.

– Александра, что с тобой? – ужаснулся Лелик. Он был при полном параде, как будто вновь собрался на деловой ужин.

– Спала плохо, – хрипло призналась я.

– Ты не заболела?

Он решительно вошел в квартиру, бросил на тумбочку небольшой сверток и торопливо приложил прохладную ладонь к моему лбу.

– Мне кажется, у тебя температура!

– Я здорова, Лелик, – отмахнулась я.

– Не знаю, не знаю, – покачал он головой и принялся разуваться. – Померяй температуру. И если надо, я схожу в аптеку.

– Не надо. Сейчас приму душ, переоденусь, выпью горячего чаю, и все будет хорошо.

– Я поставлю чайник, а ты иди в ванную, – распорядился Леонид. И после недолгой паузы добавил: – Правда, времени у меня не очень много. У меня сегодня... обед.

Последнюю фразу он произнес как-то неуверенно, будто сконфузившись. Но я не стала заострять на этом внимание, просто кивнула:

– Я поняла. Ты одет так, как будто опять собрался на очень важную встречу. Обед с президентом банка?

Лелик промычал что-то не совсем различимое и тут же напомнил:

– Саш, иди, как ты и хотела, в ванную! У меня мало времени.

После горячего душа мне и впрямь стало легче. Я согрелась, впечатления от кошмаров поблекли, и мне уже не было страшно. Только сохранилось тянущее чувство тоски и уныния: я все еще была расстроена потерей колечка.

– Я сделал тебе бутерброд!

С этими словами Лелик пододвинул мне тарелку. И батон, и докторская колбаса были нарезаны так толсто, от души, что я всерьез засомневалась, смогу ли нормально укусить такой бутерброд. Чай Лелик мне тоже налил не в чашку, а в самую большую кружку, какую смог обнаружить в навесном шкафчике с посудой. И щедро всыпал туда сахара.

– Спасибо, Лелик! – от чистого сердца поблагодарила я и обеими руками взяла гигантский бутерброд.

– На здоровье!

Подперев ладонью щеку, он с умилением наблюдал, как я завтракаю. И когда я закончила, серьезно спросил:

– Александра, что у тебя за проблемы? Только не говори, что все в порядке.

– Но у меня и в самом деле все в порядке, – неубедительно ответила я.
– Ты плохо выглядишь, плохо спишь! Я знаю тебя, и ты сейчас сама на себя не похожа. Это как-то связано с позавчерашней находкой? Хотя, впрочем, ты изменилась еще раньше. Может, твои переживания связаны с моим предложением? Ты передумала выходить за меня замуж и не знаешь, как об этом сказать? У тебя появился мужчина, который тебе понравился?

– Лелик, Лелик, не заходи так далеко! – перебила я его и усмехнулась.

Отчасти он был прав: я не была готова выходить за него замуж. Вообще выходить замуж за кого-либо. Но как объяснить причину? Объяснять причину – это рассказывать о Тиме и признаваться в том, что я не все помню из своего прошлого.

– Саш? Мартышка? – позвал меня Лелик.

– Да, я здесь.

– Но как будто не здесь!

– Я знаю. Знаю, – вздохнула я. – Может быть, и расскажу, но это долгая история. Сейчас у тебя нет времени.

– Я могу остаться.

– Не надо. Я все равно не хочу рассказывать *сейчас*. Ничего страшного не случилось, никто мне не угрожает, все нормально. Впрочем, я потеряла одну вещь – кольцо, которое мне было очень дорого как память. И переживаю по этому поводу.

– Ну, если так, – сдался Лелик. – Но знай, что я готов помочь тебе. А кольцо, надеюсь, найдется.

– Тоже надеюсь, – улыбнулась я, слабо веря в то, что так и случится.

– Мартышка, я, собственно, вот зачем пришел. У меня для тебя сюрприз! Думаю, тебе понравится, – меняя тему, с торжественной улыбкой объявил Лелик.

После чего встал, вышел в коридор и вернулся с небольшим свертком в руках.

– Что это?

– Диск, – произнес он, довольно улыбаясь. – Диск той группы, которую ты хотела услышать, но так и не услышала. Группы «Клан» или как там она еще называется. Попросил вчера секретаршу найти его и...

– Лелик! Спасибо!

Я не дала ему договорить, забыв о вежливости, выхватила сверток из его рук и нетерпеливо развернула, будто ребенок – новогодний подарок.

Хоть я и ожидала подвоха, разочарование резануло по сердцу острой бритвой – мгновенно и очень больно. Да, группа, если судить по названию, написанному на обложке, называлась «Клан». Но под надписью оказалась

фотография трех девиц, одетых в секси-тряпочки и похотливо выпятивших в объектив накачанные силиконом губы и груди.

– Ну, как? Этот диск? – нетерпеливо спросил Леонид, по выражению моего лица догадавшийся, что что-то не так.

– М-м-м... Да-да, этот, – с наигранным энтузиазмом сказала я, чтобы не расстраивать его. И улыбнулась. – Спасибо, Лелик!

– Ну что ж, наслаждайся музыкой, – с облегчением выдохнул он и встал, – а мне уже пора.

Я проводила Леонида до дверей, после чего отправилась в комнату и поставила диск в музыкальный центр. И уже с первых аккордов поняла, что не ошиблась – этот диск не имел никакого отношения к Тимкиной группе. Из динамиков полились слащавые девичьи голоса, поющие какой-то бред с примитивной рифмой и мелодией. Я разочарованно выключила магнитофон и убрала диск обратно в пластиковую коробку.

Может, так и надо – чтобы у меня не осталось вещей Тима? Странная игра судьбы – подкинуть друг за другом несколько напоминаний и так же друг за другом их отнять.

У меня был диск – живой, потому что с него звучал живой Тимкин голос. Было колечко – живое уже потому, что оно согревалось теплом, исходящим от моего пальца. Остались лишь эти мертвые часы, остановившиеся, когда перестало биться сердце их хозяина. Страшное напоминание...

Делать ничего не хотелось. Я бестолково слонялась из комнаты на кухню. Зачем-то включила телевизор и тут же выключила. Открыла книгу, прочитала абзац и отложила. Хотелось лишь лечь на диван вниз лицом, обнять подушку и уснуть. Но я боялась, что кошмары вновь вернуться ко мне.

Я выглянула в окно, подумав, не пройтись ли по улице. Но погода не радовала: с неба сыпало мокрым снегом, который, не долетая до раскисшей земли, превращался в дождевые капли.

Мой самый нелюбимый месяц в году – ноябрь, хмурый и брюзжащий, как уставший от жизни и впавший в маразм старик. И мне почему-то подумалось, что если рай и ад в самом деле существуют, то в аду, должно быть, вечный ноябрь.

Сходить в гости к Лейле или, что еще лучше, позвать ее с малышом к себе? Может быть, тогда моя квартира, наполненная разговорами и детским лопотанием, немного оживится. Я вышла на лестничную площадку и позвонила в соседскую дверь. Но открыла мне не подруга, а ее свекровь.

– А Лейла с Сережей в гости ушли, – сообщила она.

Из глубины квартиры донесся детский плач, и соседка, извинившись, торопливо попрощалась.

Ну что ж, суббота, у многих свои планы. Это только у меня на сегодня нет дел и не к кому пойти. Если честно, я бы согласилась даже на скучный обед в компании деловых партнеров Лелика. Но Леонид меня не пригласил.

Я взяла мобильный телефон, чтобы позвонить кому-нибудь и увидела два «потерянных» звонка. Один был от Леонида. Второй номер, оставшийся в памяти телефона, оказался мне незнаком. Я подумала, не перезвонить ли, но решила, что просто ошиблись номером. Если бы я была кому-то нужна, мне бы позвонили еще раз.

Я набрала номер, который когда-то был моим домашним, но уже давно сменил уютное и теплое, как свежее испеченные пироги, название «дом» на более «взрослое» – «родители». Родительский дом уже не мой дом. У меня нет своего дома, у меня есть лишь съемная квартира – перевалочный пункт в жизни, такой же затянувшийся и промозглый, как ноябрь.

Я звонила родителям раз в неделю, но лишь для того, чтобы сказать, что у меня все в порядке, и спросить, как поживают они. Делиться проблемами я не привыкла. Из провинции жизнь в столице кажется празднично-блестящей, как елочная игрушка. И я всячески поддерживала для родителей этот образ столичной жизни. Им совершенно не нужно знать, что за облетающими блестками проглядывает обычная пластмасса.

Мне ответила мама. И я получила оптимистичный ответ, что дома все хорошо. Отец работает, она – ведет хозяйство, все живы-здоровы. Я спросила, не нужно ли им выслать денег, мама ожидаемо отказалась, и я привычно решила, что в понедельник сделаю перевод – тоже, как всегда. Про себя я рассказала совсем немного: работаю, устала, возможно, скоро возьму небольшой отпуск. Поклонники есть? Да, есть. Обычный наш разговор, на бодрой ноте, но мама, прежде чем попрощаться, неожиданно сказала:

– Сань, если тебе плохо, приезжай. Бросай все и возвращайся!

– Мам, мне здесь неплохо.

– У тебя голос грустный!

За нарочито бодрыми интонациями она интуитивно разгадала мое истинное настроение.

– Не грустный, а немного уставший. Что я забыла в нашем поселке? Разве найду там такую хорошую работу, как здесь?

– Все так, – вздохнула мама. – Но приезжай хотя бы в гости. Ты уже столько времени у нас не была!

Она права. После переезда в столицу я ни разу не съездила в свой

город. Мама приезжала ко мне два раза, один раз – с отцом. И все наше общение свелось к еженедельным звонкам по телефону.

– Ладно, мам, приеду. Может быть, скоро.

Остаток этого тянущегося, как жвачка, дня я провела за просмотром телевизора, равнодушно щелкая пультом с канала на канал, пока не остановилась на музыкальном. Убаюканная музыкой, я даже ненадолго погрузилась в поверхностную дрему, из которой меня опять вырвал звонок в дверь. Решив, что пришла Лейла, которой свекровь сообщила о моем визите, я обрадованно побежала к двери открывать.

Но на пороге стояла не Лейла.

– Как ты меня нашел? – спросила я неожиданного гостя, едва справившись с замешательством.

– Ты оставила медсестре адрес и телефон в свой первый визит ко мне в больницу, – пояснил с чуть смущенной улыбкой Кирилл. – Ничего, что без предупреждения?

– Заходи, заходи! – пригласила я, распахивая дверь и приглаживая взъерошенные волосы.

Мне неожиданно стало стыдно за свой излишне домашний вид – старый свитер и широкие вельветовые брюки, которые хоть и были когда-то модными и нарядными, но сейчас годились лишь на роль домашней одежды.

– Я приезжала к тебе в пятницу, но мне сказали, что тебя уже выписали.

– Да, в четверг, – пояснил Кирилл.

Он разулся и повесил на вешалку кожаную куртку.

– Хочешь чаю? – предложила я.

– Не откажусь, – улыбнулся он.

Нам обоим было немного неловко, как в мои первые визиты к нему в больницу. И хоть во время последних встреч мы довольно непринужденно общались, сейчас будто вновь налаживали тонкий контакт.

Мы прошли на кухню, и я порадовалась про себя тому, что успела перемыть всю грязную посуду. При Лелике мне не бывает стыдно за тарелки в раковине. Хороший это знак или плохой? Может быть, Леонид мне уже настолько привычен, что я не стыжусь при нем ни невымытой посуды, ни вытертых старых брюк, в которых не выйдешь на улицу. Или просто от Леонида не исходят такие притягательные для меня флюиды, как от Кирилла?

– Я приходил к тебе в пятницу вечером... – сказал он, присаживаясь за стол.

И я, не дав ему договорить, резко перебила:

– Так это был ты?!

– Да, – немного смутился Кирилл. – Хотел вернуть тебе диски и плеер.

– А... конверта ты мне не оставлял? Белого такого конверта? – продолжала жадно допытываться я, пропуская его слова мимо ушей.

– Нет. У тебя на пороге уже валялся конверт, но я не знаю, кто его бросил. Я лишь позвонил в твою дверь, не дождался ответа и спросил у соседки, в этой ли квартире ты живешь.

– Ясно, – вздохнула я.

Если еще недавно я подозревала в авторстве анонимок незнакомого «высокого брюнета в кожаной куртке», описанного Лейлой, то сейчас опять не знала, на кого думать.

– Эй, ты в порядке? – спросил Кирилл.

Что-то за последние дни мне этот вопрос задают слишком часто, стоит призадуматься.

– Да-да, в порядке, – встрепенулась я. – Сейчас будем пить чай. Какой ты любишь – зеленый, черный?

– Черный.

– Слава богу! Потому что у меня нет зеленого.

Кирилл рассмеялся, и я тоже улыбнулась.

– Забавная ты! – сказал он после недолгой паузы.

– Один мой знакомый тоже считает, что я «забавная». Даже прозвище мне дал – Мартышка, – зачем-то призналась я. – Остается только понять самой, что же во мне забавного находят люди...

Кирилл не ответил, лишь с улыбкой склонил голову набок, рассматривая меня так внимательно, будто собрался писать с меня портрет. И под его взглядом я вновь почувствовала себя неловко.

– Почему ты так на меня смотришь?

– Любуюсь.

– Чем? Моими домашними штанами, растянувшимся свитером и взъерошенными волосами?

– Зелеными глазами, красивой улыбкой и ямочками на твоих щеках, когда ты улыбаешься.

Я фыркнула и отвернулась к шкафчику, чтобы достать чашки. Но комплимент Кирилла доставил мне удовольствие – чего уж греха таить. Я налила нам чаю и после этого задала вопрос, который уже давно вертелся на языке:

– Кирилл, я тебе случайно не передавала вместе с остальными дисками...

– Диски! – хлопнул он по столу ладонью, не дав мне договорить. Вышел в коридор и вернулся с небольшим пакетом. – Кажется, тут все, что ты мне дала, – сказал он, выкладывая на стол мой старенький плеер и несколько пластмассовых коробок.

– Мне, если честно, не так важны все эти диски, как один... Не нашла его дома и подумала, что дала тебе.

Я нетерпеливо перебрала стопку пластмассовых коробочек, открывая каждую в надежде обнаружить диск Тима.

– Нашла? – заглядывая мне через плечо, спросил Кирилл. Мое волнение передалось и ему.

– Нет, – разочарованно сказала я, закрывая последнюю коробочку. – Все эти диски мне абсолютно не нужны...

– Посмотри в плеере!

Я нетерпеливо, цепляясь за последнюю надежду, открыла крышку плеера и обрадованно закричала:

– Это он! Он! Спасибо! Спасибо!

Дрожащими пальцами я вытащила диск и, развернувшись к Кириллу, от радости поцеловала его в щеку.

– Гм... Я рад, – смутился он. – Кстати, мне очень понравилась эта музыка. Я даже, признаться, скопировал себе на компьютер. Не рассердишься?

– Нет. Если ты не возражаешь, я принесу магнитофон?

– Почему я должен возражать?

– Хорошо! Я сейчас приду! – обрадованно воскликнула я и ретировалась в комнату за магнитофоном.

Когда я ставила диск, у меня дрожали от волнения руки. Я уже так давно не слышала голос Тима. Он остался в моей памяти, но услышать его сейчас еще раз, наяву, было подобно встрече после очень долгой разлуки.

– Что это за группа, Саш? Они дают концерты? Мне нравится подобная музыка, хотелось бы послушать их вживую.

– Мне тоже, – вздохнула я и, сделав глубокий вдох, нажала на «Play». – Когда-то они давали концерты – часто, чуть ли не каждый вечер. В барах и ресторанах, правда, не в Москве. Но сейчас, увы, уже не дают.

Так странно, мне казалось, что я знаю наизусть все песни Тима. Но та, которая зазвучала из динамиков, была незнакомой. Или просто я так давно не слушала диск...

– Почему группа уже не дает концерты, распалась? – с искренним интересом расспрашивал Кирилл. – Если так, то очень жаль. Очень! Талантливые ребята. Они могли бы пробиться! С такой музыкой, с такой

игрой, с таким голосом. Если не они, то кто?

– Да, ты прав. Если не они, то кто?..

Я сидела прямо на полу, обхватив колени руками и уткнувшись в них подбородком, и вслушивалась в Тимкин голос – такой живой, невероятно живой. И с трудом сдерживала слезы.

– Его уже нет, а голос живет...

– Что? Что ты сказала, Саш?

Я подняла на Кирилла глаза и повторила чуть громче:

– О том, что солиста уже нет, а голос – живет.

– Что с ним стало? – тихо спросил Кирилл.

– Ушел. В однажды.

– Почему в... «однажды»?..

– Потому что однажды мы встретимся.

– Ты его знала? – неуверенно спросил Кирилл после долгой паузы.

И пересел ко мне на пол. Я с благодарностью посмотрела на него: мне показалось, что таким образом, сев рядом, он хотел разделить со мной боль.

– Да. Знала. Очень хорошо. Мой бывший парень. Тим. Разбился четыре года назад. Я была с ним в машине, но, как видишь, выжила, а вот он... Не понимаю, почему все произошло именно *так*. Это я должна была погибнуть, а не он. Я. Он был талантлив, его любили, у него могло быть блестящее будущее. А я... Я – кто? У меня нет ни таланта, ни способностей. Я живу обычно, серо. Просыпаюсь, иду на работу, отрабатываю смену, возвращаюсь. Какой толк от такой жизни? Кому я приношу пользу?.. Лучше бы я, но не он.

– Не плачь... – тихо попросил меня Кирилл после того, как я замолчала.

– Я не плачу.

– Плачешь. Не надо, – ответил он почти так же, как недавно во сне – Тим.

И я даже почувствовала едва уловимый малиновый аромат.

– Не уходи, – попросила я его неожиданно. – Остайся.

И сама потянулась с поцелуем к его губам.

VIII

Уже давно я не спала так глубоко, так умиротворенно, как в эту ночь. Как беззаботный ребенок, чья жизнь еще не замарана пятнами взрослых проблем.

Я вновь видела себя в наполненном живыми красками мире. И в этот раз, как и в прошлый, я бесстрашно шла по крутому берегу. Я знала, что впереди мне встретится дерево с изумрудной кроной, отбрасывающей сочную тень. И мальчик с золотыми кудрями и румяными тугими щеками. И Тим. Но только в этот раз я шла к нему, чтобы сказать, что счастлива. Впервые за очень долгое время.

Вскоре я действительно увидела дерево с сидящим под ним ребенком и ускорила шаг.

– Можно присяду с тобой? – с улыбкой спросила я у мальчика, подходя к нему.

Он поднял на меня синие, как море, глаза и похлопал ладошкой по траве, разрешая сесть.

– Как же здесь хорошо! – с чувством выдохнула я, присаживаясь и с наслаждением вытягивая босые ноги. – Давно не чувствовала себя такой счастливой!

– Можешь остаться, – сказал мальчик.

И тут же с детской непосредственностью потерял ко мне интерес. Его вниманием завладела крупная божья коровка, севшая на травинку рядом с его ногой.

– Остаться? – мечтательно улыбнулась я, думая о Тиме.

– Он больше не придет, – ответил мальчик, словно прочитав мои мысли.

Божья коровка уже бесстрашно ползла по его подставленному к травинке пальчику.

– Почему не придет?

Без Тима нет смысла оставаться в этом мире.

– Потому! – засмеялся мальчик и, подняв к небу руку с раскрытой ладонью, на которой сидела божья коровка, вскочил на ноги и побежал к полю.

– Божья коровка, полети на небо, там твои детки кушают котлетки! – донес до меня ветер слова детской считалочки.

– Почему «больше не придет»? – удивленно спросила я вслух, ни к

кому не обращаясь. И, оглянувшись по сторонам, позвала: – Тим? Тим?

Не дождавшись ответа, я поднялась на ноги и направилась туда, где видела Тима в прошлый раз.

Я узнала это место по рассыпанным по зеленой траве ярким ягодам малины и присела в ожидании. Но сколько ни ждала, сколько ни звала, ко мне никто не пришел.

– Тим? – позвала я еще раз, разочарованно поднимаясь на ноги.

– Я не Тим... – вдруг тихо произнес чей-то голос.

И я проснулась.

Я не сразу открыла глаза, желая продлить чудесные мгновения счастья. Согретая теплом и ласками, я чувствовала себя полной сил и энергии. И впервые за четыре года проснулась с улыбкой на губах. Не открывая глаз, я перевернулась со спины на бок и протянула руку к Кириллу. Но пальцы, вместо живого тепла кожи Кирилла, коснулись шершавой прохлады скомканной простыни. Я резко открыла глаза и с недоумением посмотрела на пустое место рядом с собой. Может быть, приснилось? Но нет, кожа еще хранила прикосновения требовательных пальцев, а припухшие от поцелуев губы – малиновый вкус.

– Кирилл? – тихо позвала я. И, не услышав ответа, чуть громче: – Кирилл, ты где?

С минуту я вслушивалась в тишину, ожидая, что мой ночной гость отзовется. И затем встала, закуталась в одеяло и вышла на кухню, слабо надеясь, что Кирилл может быть там.

Его не было. Не было и его вещей, брошенных вчера прямо на пол. Не было и записки, хоть как-то объясняющей его уход.

Я рассеянно осмотрелась, не зная, что делать. Принять случившееся как новый жизненный опыт? Первый раз я оказалась в такой ситуации, поэтому наивно отказывалась верить в ее банальность. Дожила до двадцати шести лет и ни разу не была брошенной мужчиной после раскаленной ночи. Хотя у меня был лишь Тим – первая и последняя любовь. Я прощала ему измену с музыкой, но он бросил меня, уйдя к другой, более опытной, чем я, женщине – Вечности.

Не люблю недосказанности. Она, по мне, хуже соли, попавшей в рану, – разъедает, зудит. Вчера Кирилл обмолвился, что звонил мне накануне, только я не взяла трубку. Значит, тот незнакомый номер, который остался в памяти мобильного, – его. Путаясь в одеяле, я бросилась в комнату за телефоном.

Нервно расхаживая по комнате и грызя от волнения ноготь на большом

пальце, я слушала длинные вязкие гудки. И с каждым гудком моя надежда таяла. Никто не брал трубку. «Кирилл, если это твой номер, перезвони мне, пожалуйста. Это очень важно. Александра», – отправила я сообщение на незнакомый номер.

Я успела выпить две чашки чая. Почти залпом, обжигаясь и не разбирая вкуса, гипнотизируя взглядом лежащий на столе телефон и с трудом удерживаясь от того, чтобы вновь набрать номер. И вот, когда я уже споласкивала чашку, мобильный зазвонил.

– Да? – выкрикнула я в трубку.

– Саш, это Кирилл.

Он мог бы и не представляться.

– Да, да, поняла, – нетерпеливо сказала я. И замолчала, ожидая, что он скажет мне что-нибудь.

Но он тоже молчал. Густое, сиропообразное молчание, в котором вязли наши несказанные слова.

– Кирилл, куда ты ушел? – прямо спросила я, не выдержав этого безмолвия.

– За свежими булками к завтраку, – просто ответил он.

И я с облегчением рассмеялась:

– Так булочная за углом! Долго ищешь...

– Саш, – перебил он меня так серьезно, что я осеклась. – Почему ты не сказала, что выходишь замуж?

– Я – что? – глупо переспросила я.

– Что-что! Что выходишь замуж за человека по имени Леонид. Или я ошибаюсь?

– Но откуда ты... узнал?

– Оттуда и узнал! Вышел из квартиры, как уже сказал, за булками тебе к завтраку и нос к носу столкнулся с твоим женихом. Признаться, он тоже не очень обрадовался подобной встрече. Да я его понимаю – идти к невесте с букетом роз, с утра пораньше, чтобы узнать, как она себя чувствует... И неожиданно увидеть, как рано утром из квартиры этой невесты выходит незнакомый мужик.

– Гадство! Гадство!

– А во сне ты звала Тима...

– Черт!

– Саша, не ругайся, – сказал он с плохо скрываемым раздражением. – Разберись в себе и своих чувствах, а потом поговорим.

И в трубке раздались короткие гудки.

Я отложила телефон и, поставив локти на стол, уткнулась лицом в

ладони. Щеки горели, будто мне с размаху залепили пару хороших пощечин. Впрочем, так оно и было. И, надо сказать, заслуженно.

Без всякой охоты, но, понимая, что это надо сделать, я вновь взяла мобильный и набрала номер Леонида.

– Лелик, это я.

– Знаю, что ты, – сказал он уставшим голосом. – Ну, что ты хочешь мне сказать?

– Не знаю... – честно призналась я.

– Тогда зачем звонишь? Разберись в себе и своих желаниях, тогда и звони. Я сейчас занят.

И снова короткие гудки. За две минуты я получила два одинаковых ответа. Разберись, чего ты хочешь. Я сидела на кухне, путаясь в собственных мыслях, как в липкой паутине. Тянула то за одну нить, то за другую, но только лишь больше запутывалась. И за помощью обратиться не к кому – разобраться в своих желаниях могу только я сама.

Я привела себя в порядок, взяла зонт и сумку и вышла из квартиры.

У меня не было определенного маршрута и цели. Я села в метро, вышла на середине ветки и сделала пересадку – не потому, что мне хотелось попасть в определенное место, а просто следуя за толпой. Через пару остановок снова вышла. Признаться, даже не заметила, на какой станции.

Поднявшись из подземки на улицу, полной грудью вдохнула свежий воздух, который перелистал мои мысли, будто ветер – страницы. И, гуляя по мокрым рекам-улицам, заключенным в желоба пятиэтажных стен, я утверждалась в решении, что надо разрубить узел, привязавший меня к прошлому.

Замерзнув, я зашла в кафе и заказала черный чай и пару горячих бутербродов. И в ожидании, когда мне принесут заказ, разрисовала салфетку крючками и рваными линиями.

Я думала о Лелике – о том, что его надо «отпустить».

Думала о Кирилле. О том, что минувшей ночью занималась любовью с ним и отдавала себе в этом отчет. В этот раз я не обманывала себя его внешней похожестью с Тимом. Я целовала его губы – и мне нравился их вкус. Я целовала его кожу – и мне нравился ее запах. Он нетерпеливо, но вместе с тем с нежной бережностью гладил мое тело – и это были другие, не Тима, прикосновения. И нравились мне.

«Во сне ты звала Тима...» – сказал мне утром Кирилл. Я знаю. Я звала его для того, чтобы сказать, что впервые за долгое время была счастлива.

Пусть только и в эту короткую ночь.

Напротив меня висел включенный телевизор, и я, думая о своем, иногда бросала равнодушные взгляды на экран. Реклама, какой-то клип, вновь реклама, новости... Обычно в кафе телевизор, если он есть, настроен на музыкальный канал или канал моды. Но в том, что здесь транслировались обычные передачи, прерываемые рекламным блоком, был свой плюс – создавалась некая иллюзия домашнего вечера.

Я заказала себе еще чаю и принялась за второй бутерброд. «...Депутат Государственной думы господин Шевальев предложил...» Краем уха я зацепилась за фамилию. Где-то я ее слышала – такую редкую. Может быть, конечно, по телевизору или по радио, хоть новости смотрю и слушаю редко. Но тем не менее мне казалось, что эта фамилия была знакома мне. Шевальев... Шевальев... Я внимательнее прислушалась к тому, что рассказывал диктор: «...Раньше занимал высокий пост в областном городе...» И в тот момент, когда услышала название города – того, в котором училась, мозаика сложилась, и я вспомнила, где и когда слышала эту фамилию. Рыжая девица, приезжавшая к Тиму на красной иномарке, была дочерью высокопоставленного чиновника господина Шевальева. Значит, папочка уже до Государственной думы добрался. А что, если... От внезапно возникшей мысли мне стало так жарко, словно я в шубе вошла в натопленную баню. У меня даже взмок лоб. Я быстро расплатилась за заказ, выскочила на улицу и, дабы сэкономить время, разорилась на такси. Мне нужно как можно скорей домой, к компьютеру, в Интернет.

За час активных поисков я смогла собрать весомое «досье» на господина Шевальева. Теперь я знала, что Александр Степанович Шевальев, в прошлом действительно занимавший чиновничий пост в областном городе, перевелся в столицу три года назад и в прошлом году успешно баллотировался в Думу. Что у него действительно есть дочь Анастасия (надо же, я даже не знала, как ее зовут...) – владелица сети косметических салонов и известная тусовщица или, как принято говорить, «светская львица», которая приехала в Москву годом раньше меня. (Не сослал ли папочка в столицу свою дочку сразу же после ее «неудобного» романа с «бедным», хоть и талантливым студентом?) Мне попалось несколько фотографий Анастасии, и я не без труда, но узнала в коротко стриженной платиновой блондинке ту девицу с буйной рыжей гривой, к которой ревновала когда-то Тима.

Конечно, даже предполагать, что записки мне могла подкидывать она, было смешно. Подозревая Анастасию Шевальеву, светскую львицу,

владелицу салонов, дочь депутата и бла-бла-бла, я нещадно себе льстила. Вряд ли она вообще знала о моем существовании. И пусть мы когда-то, во времена ее романа с Тимом, сталкивались в студенческом общежитии, было сомнительно то, что она меня запомнила. Но чего только не случается в жизни.

Я ухватилась за эту ненадежную, как карточный домик, версию, как за соломинку. И чтобы проверить ее, нужно встретиться с этой Анастасией. Но как? Как?

Размышляя, я нервно наматывала круги по комнате. Караулить Шевальеву в одном из ее косметических салонов? Попытаться попасть в один из тех ночных клубов, которые она посещает? Но пройду ли я фейсконтроль? Анастасия Шевальева, дочь депутата, светская львица, вряд ли ходит в клубы для простых смертных. Я тяжело вздохнула. Ну и задачка. Сама я точно с ней не справлюсь. Мне мог бы помочь Лелик с его связями, но звонить ему и просить помощи после того, что случилось накануне, невозможно.

И все же после долгих колебаний я взяла мобильный и, глубоко вдохнув, нажала нужную кнопку. Если Лелик даже откажется со мной разговаривать, я его пойму. Пойму, если он не ответит на вызов...

– Да, Мартышка, – устало произнес Леонид. Да, так, и никак иначе – устало.

– Лелик, ты сейчас скажешь, что я растеряла остатки совести и что я сука и дрянь...

– Мартышка, где ты таких слов набралась – «сука»? – перебил он меня. – Хотя да, ты – сука и дрянь.

Я проглотила это. Главное, чтобы он не повесил трубку.

– Ты прав, Леня...

– Ну, что ты хочешь мне сказать? – с некоторым удовлетворением спросил он, думая, что я позвонила ему для того, чтобы оправдаться за ночь с другим мужчиной.

– Лелик, я хочу попросить тебя о помощи.

– А что ж ты своего друга о ней не попросишь? – не удержался он от ехидной реплики.

Я вздохнула:

– Лелик, речь сейчас не о нем. Я понимаю, что ты чувствуешь...

– Нет, не понимаешь! Я тебя прямо спросил: есть ли у тебя другой мужчина, и что ты мне ответила? Что нет.

– Его на тот момент и не было, – честно ответила я, борясь с желанием оборвать этот разговор. Зачем я только позвонила?

- И когда же ты успела его найти?
- Ладно, Леня, я все поняла. Спасибо за помощь. Кольцо я тебе верну, завтра приеду в твой офис и передам через секре...
- погоди! – всполошился он. – Выкладывай, что у тебя там случилось. Я кратко изложила ему суть своей просьбы – помочь мне попасть в один из клубов, которые посещает Шевальева.
- Мне очень нужно с ней поговорить, Лелик! Потом объясню – зачем.
- Ты объяснишь мне не только это.
- Ладно, – сдалась я и с надеждой спросила: – Ты поможешь мне, Лелик?
- Не обещаю, но подумаю, что могу сделать.
- Спасибо.

Прошла неделя, обычная рабочая неделя, отличающаяся лишь тем, что мне не подкидывали новых писем и не звонил Леонид. Видимо, забыл о моей просьбе либо решил ее проигнорировать.

Кирилл мне тоже не звонил. Один раз я не выдержала и набрала его номер, но наткнулась на механический голос, известивший меня о том, что «абонент временно недоступен». Я отправила ему два сообщения с просьбой позвонить, но он мне так и не перезвонил.

Устав от бесполезных ожиданий, я решила покончить хоть с одной провисшей ситуацией – поговорить с Леонидом. Нет, я не собиралась вновь просить его помочь мне. Я хотела извиниться перед ним, попросить понять, поблагодарить за все то хорошее, что он для меня сделал. И вернуть кольцо.

Было субботнее утро, и мне казалось, что Лелик в это время должен быть дома. Поэтому я взяла такси и поехала к нему.

И хоть я ожидала, что наши отношения с Леонидом стремительно покатались под откос, все же оказалась не готовой к картине, которую застала. Подъезжая к его дому, я увидела знакомый джип-«монстр». Это обнадеживало: значит, приехала не зря. Хотя то, что джип стоял не в гараже, а возле дома, намекало на то, что Леонид собирается куда-то уехать.

Я торопливо полезла в сумочку за кошельком, чтобы расплатиться. И в тот момент, когда таксист отсчитывал мне сдачу, увидела в окно, что из подъезда вышел Лелик под руку с девушкой, в которой я узнала дочь банкира Нину.

- Возьмите сдачу...

– Подождите! – оборвала я таксиста и прилипла к окну, наблюдая.

Леонид был одет совсем не по-деловому: в черный стильный свитер и джинсы, а через руку держал элегантное пальто. Судя по всему, собрался он не на деловое свидание. Подбежав к джипу, Лелик со всеми почестями открыл переднюю дверцу и, поддерживая Ниночку, одетую в обтягивающие брючки и меховую курточку, под локоть, помог ей сесть в салон. После чего обежал машину, сел на водительское место и завел двигатель.

– Вот тебе и банкирская дочка! Шуэтра! – вслух произнесла я, совершенно забыв от потрясения, что нахожусь в машине не одна.

– Так это ваш кавалер? – обрадовался такой «Санта-Барбаре» таксист.

Я метнула на него сердитый взгляд, и он послушно замахал руками:

– Молчу, молчу!

– Поехали! – скомандовала я.

– Вдогонку? – вновь обрадовался таксист, предчувствовавший, видимо, интересные «шпионские игры», погоню и дополнительный заработок.

– Зачем? – искренне удивилась я, потому что мне даже в голову не пришло шпионить за Леликом и банкирской дочерью. Мне банально хотелось домой.

– Ну, как же... – растерялся водитель и обиженно засопел. – Это же ведь ваш хахаль? С другой бабой?

– А вам какое дело? – сухо оборвала я его.

– Не мое, конечно... Так куда ехать?

– Домой.

Разорюсь сегодня, от зарплаты мало что останется. Но выходить на улицу, на холод, и добираться домой на метро мне уже не хотелось.

– Домой так домой, – вздохнул таксист и завел двигатель. – Не расстраивайтесь, девушка, – сказал он мне через некоторое время. – Зачем вам такой ненадежный тип? Ну и что, что у него джип навороченный. Главное ведь не это, правда?

– Правда, – улыбнулась я. И, чуть помолчав, сказала: – Я не расстраиваюсь.

– Ну, вот и замечательно! – похвалил меня он.

Я и в самом деле не расстроилась. Я просто не знала, как правильно реагировать на увиденное. Вздохнуть с облегчением: мол, теперь мы квиты? Я не чувствовала облегчения. Ситуация с Леликом меня тяготила так же, как и раньше. Порадоваться за него, потому что дочка банкира для него куда более подходящая пара, чем я? Может быть. Да, порадуюсь за

него. Когда на душе станет светлее.

– Включите, пожалуйста, какую-нибудь музыку, – попросила я таксиста, когда тишина стала совсем невыносимой. – Все равно какую, на ваш вкус. Правда.

Вечером я опять позвонила Кириллу. И вновь наткнулась на сообщение о недоступности абонента. Выключил телефон? Занес мой номер в «черный список»?

Я разочарованно отложила мобильник, и в этот момент он зазвонил.

– Да! – взволнованно выкрикнула я в трубку, даже не посмотрев на высветившееся на экранчике имя звонившего.

– Мартышка, завтра в девять ноль-ноль вечера я за тобой заеду, – услышала я довольный голос Леонида. – У меня два приглашения на открытие нового ночного клуба. Насколько мне известно, на вечеринке будет присутствовать та дамочка, которая тебе так интересна.

– Лелик! – только и смогла обрадованно воскликнуть я.

IX

– Как это тебе удалось? – спросила я у Леонида, чтобы разрушить стену неловкого молчания.

В салоне джипа, как обычно, пахло мужской туалетной водой, и этот знакомый запах обманывал меня, создавая иллюзию, что все между нами так, как и прежде. Будто еще не было этой трещины в наших отношениях – его предложения и моего спонтанного согласия, жаркой ночи с другим мужчиной, превратившей трещину в разлом, и свидания с банкирской дочкой, обратившего разлом в пропасть. Будто мы опять, как в недавние времена, ехали ужинать и по-дружески болтать. Станет ли Лелик мне вновь другом? Сомневаюсь.

– Так и удалось, – уклончиво ответил он, глядя на дорогу.

– Честно говоря, я думала, что ты мне уже не позвонишь.

– Как видишь, позвонил.

– Спасибо, – с чувством поблагодарила я его.

Он кивнул. И после долгой паузы с деланным равнодушием спросил:

– Где ты с тем парнем познакомилась? И давно ты с ним?

– Я не с ним, – усмехнулась я – тоже делано равнодушно. Кирилл мне так и не перезвонил. – А где познакомились? В больнице. Если помнишь то ДТП в конце сентября и парня, которого сбил «Фольксваген»...

– То-то мне его лицо показалось знакомым, – удивленно покрутил головой Лелик. – Женщины! Я тебе – цветы и подарки, а оказалось, чтобы добиться твоего расположения, достаточно просто загреметь в больницу. Предсказуемый сюжет рядовой мелодрамы: ты носила ему апельсины, он смотрел на тебя благодарными глазами, ты таяла и в конце концов влюбилась.

– Я в него не влюбилась! – воскликнула я и почувствовала, что мои щеки наливаются румянцем.

– Значит, переспала ради спортивного интереса? – язвительно заметил Леонид.

– Ну, кто-то спит ради спортивного интереса, как ты это назвал, а кто-то – ради достижения высоких целей. Как ты и банкирская дочка. И если вы еще не переспали, то в скором времени это все равно произойдет. Видела вчера своими глазами, как ты ее со всеми почестями в джип усаживал.

– Александра!.. – взвился Леонид, но, не зная, что мне сказать,

замолчал.

– Спокойно, Лелик. Я не ревную. Наоборот, очень даже рада, что ты недолго переживал мою, так сказать, измену и быстро нашел себе новую подружку.

– Ты замолчишь или нет? – вскипел он. – Да я ради тебя с ней и встретился!

– Ого!

– Дашь мне сказать или нет?! Мне эта Нина позвонила, и я поинтересовался у нее, не знает ли она такую дамочку – Анастасию Шевальеву. Оказалось, что знает – пересекались на какой-то там тусовке. И она пообещала достать мне приглашения на вечеринку, где будет Шевальева. В обмен на то, что мы пообедаем вместе. Вот я и согласился.

– Ага, – только и сказала я.

Объяснения Лелика выглядели рваными, в них явно не хватало звеньев, мне не хотелось заострять на этом внимание, сделала вид, что поверила.

– Александра, зачем тебе эта Шевальева? – сменил тему Лелик, и та поспешность, с какой он это сделал, лишь убедила меня в том, что он боится вопросов о Ниночке. Ох, Лелик!

– Долго объяснять. А если кратко, подозреваю ее в том, что она может быть как-то причастна к анонимным запискам, которые мне подбрасывали в почтовый ящик и под дверь. Была у нас с ней когда-то в прошлом точка пересечения. Очень важная, надо сказать...

– Тебе угрожали? – всполошился Лелик, и я закатила глаза к потолку: тяжела, тяжела жизнь бизнесмена, везде угрозы чудятся.

– Нет. Не угрожали. Записки были вполне себе безобидными, только в них затронули тему, которой мне не хотелось бы касаться. Тема, связанная с одним человеком, которого уже давно нет в живых. Я только хочу узнать, кто был автором анонимок.

– Ну, узнаешь, и что дальше? – ввернул Лелик.

Я обескураженно замолчала. А действительно, узнаю и что с этим буду делать? Мстить?

– Посмотрим, – уклончиво ответила я.

– Саш, если тебе нужна помощь...

– Я думаю, что история с письмами уже закончилась, Лелик. Я уже неделю их не получаю и думаю, что автору надоело развлекаться таким образом. А поговорив с Шевальевой, просто хочу подтвердить или опровергнуть свою версию. И поставить точку.

В этот момент я и сама верила в то, что говорила. В то, что записок

больше не будет. И в то, что я оставлю свои попытки выяснить, кто был их автором.

Волнение, стремительное и пенящееся, как морская волна, захлестнуло меня, когда я вошла в наполненное цветным дымом и грохотом модной музыки помещение нового клуба. И сбитая с ног этой нервозностью, я почувствовала отчаянное желание уйти отсюда. Мое решение найти Анастасию Шевальеву и поговорить с ней, еще пятнадцать минут назад выглядевшее легковыполнимым, сейчас казалось непреодолимым. Я плохо представляла себе, как подойти к ней и что спросить. Может, пока не поздно, сказать Лелику, что тут нет Анастасии, и малодушно сбежать?

– Саш, я сейчас, – опередил он меня. – Принесу чего-нибудь.

И прежде чем я успела сказать, что ничего не хочу, он оставил меня. Выбрав самый плохо освещаемый угол, я принялась разглядывать публику. Я не видела модной обстановки, не слышала музыки, не замечала сновавших туда-сюда официантов с подносами. Я словно ослепла и оглохла, моей музыкой была учащенная дробь сердца, а глаза упорно выискивали в толпе лишь одну девушку, носившую когда-то роскошную гриву рыжих волос, но сейчас, судя по последним фотографиям, ставшую стриженной платиновой блондинкой.

– Держи, Мартышка!

Лелик нашел меня и сунул в руку высокий бокал с разноцветной слоистой жидкостью. Я, проигнорировав соломинку с нанизанными на нее кусочками фруктов, машинально отхлебнула прямо из бокала.

– Вкусно?

– Угу, – машинально ответила я.

Вкуса я так и не разобрала, поняла лишь, что это было что-то алкогольное и сладкое.

– Фирменный коктейль...

Лелик произнес название напитка, но я даже не услышала. Какая разница, как называется коктейль. Вряд ли я вновь вернусь в этот клуб. «Может быть, эта Анастасия вообще не придет?» – с надеждой подумала я. И в этот момент увидела ее.

Она появилась в клубе в компании высокого блондина, своей фарфоровой улыбкой, прокачанными бицепсами, квадратной челюстью, широким разворотом плеч и шлейфом мужских феромонов похожего сразу на всех блондинов-актеров Голливуда с ампула славных парней и обаятельных мерзавцев. Растиражированный типаж, еще занимающий высокие позиции среди покорителей женских сердец, но уже утративший

индивидуальность. Этакий мужской вариант куклы Барби. Сама же Анастасия, похоже, нарастила волосы и перекрасила их в кардинально-черный цвет. Я не узнала бы ее, если бы ориентировалась лишь на найденные в Интернете фотографии. Но моя интуиция ударила в гонг, едва Шевальева появилась в клубе. Я узнала ее не визуально, а интуитивно. Видимо, моя застарелая ревность сыграла мне на пользу, оставив закаменевший в памяти слепок.

– ...Саш, ты меня слышишь? – спросил Лелик.

Я, не отрывая взгляда от Шевальевой, расцеловывающейся в обе щеки с какими-то знакомыми ей девицами, мотнула головой. Леонид проследил за моим взглядом и все понял:

– Это она? Та брюнетка в джинсах и белом топике?

– Да.

– Ну что ж, дело осталось за малым – поговорить с ней.

Я метнула на Лелика вопросительный взгляд – шутит или издевается? «Дело за малым...» Разговор с Шевальевой казался мне самой трудной задачей. Но нет, Лелик не шутил, говорил серьезно. Для него, похоже, подойти просто так к незнакомой девице – птичке из райского сада – не представляло сложностей.

– Хочешь, я с ней поговорю? – словно прочитал он мои мысли.

Неужели за тот короткий период нашего знакомства он и в самом деле научился понимать меня без слов? «Какого перспективного кандидата в понимающие мужья теряю!» – с иронией подумала я, а вслух произнесла лишь:

– Не надо, Лелик. Я сама. Как только представится шанс.

Шанс представился не скоро. Но представился. К тому времени я уже успела на нервах выпить три или четыре коктейля и набраться хмельной храбрости.

– Мартышка, да не пялься ты на нее так! – в какой-то момент одернул меня Лелик.

Я досадливо отмахнулась от него, сунула ему в руку бокал с недопитым коктейлем и решительным шагом последовала за Шевальевой, наконец-то покинувшей компанию своего актеристого блондина и подружек-бабочек. Если она в дамскую комнату, большей удачи нельзя и пожелать.

Шевальева действительно скрылась в туалете. Под аккомпанемент ухающего сердца, своим стуком заглушающего диджейский шедевр, я толкнула дверь и вошла в зеркальное помещение. И сразу же увидела Анастасию. Она, вывернув на туалетный столик содержимое сумочки,

копалась в нем, тихо ругаясь себе под нос. Когда я вошла, Анастасия подняла на шум открывающейся двери голову, и в ее глазах мелькнуло что-то, похожее на радость.

– Привет, подруга!

– Привет! – обескураженно ответила я, чувствуя себя героиней какой-то мелодрамы.

Неужели все так просто? Она узнала меня? И что сейчас будет? Разговор, как в сериалах, двух бывших соперниц, с обвинениями, а потом, может быть, примирениями, рыданиями и нетрезвыми объятиями? Тьфу, черт, похоже, я напилась, раз в мою голову лезет такая чушь.

– Не выручишь, как подруга подругу? Мне тампон нужен! Такая фигня приключилась неожиданно, ну ты понимаешь... А в этом чертовом туалете не установили автомата по продаже тампонов. О презервативах позаботились, суки, а вот об бабских проблемах – нет.

Анастасия, похоже, была пьяна, ее глаза возбужденно блестели, алая помада смазалась, на белом топики отчетливо виднелось свежее винное пятно.

– Тампон? – переспросила я с глупой улыбкой.

Мне внезапно стало смешно. Тампон! Как все просто! Я ломаю голову, как задать свои «глобальные вопросы» птичке не моего полета, а все оказывается так просто. Просто, как тампон. Я покопалась в сумочке, обнаружила нужное и протянула Анастасии:

– Держи, подруга!

И засмеялась. Мне и в самом деле было смешно. Похоже, в коктейли намешали чего-то увеселительного.

– ОК! Выручила!

Анастасия скрылась в туалетной кабинке, а я, все еще тихо хихикая, осталась ее ждать. «Подруга!» Как смешно!

Я вспомнила короткие эпизоды из моего студенческого прошлого: жгучая, как крапива, ревность, мои мелкие проказы, шнурки и тараканы в кастрюле Тима в качестве мести за его роман, ругательное слово на блестящем капоте машины, нацарапанное кем-то из «народных мстительниц». Мне уже стало почти ясно, что Анастасия не имела никакого отношения к анонимным запискам, но все равно караулила ее.

В зеркале отражались мои пунцовые щеки. И, глядя на себя, покрасневшую и пьяную, я хихикала.

Дверь туалетной кабинки открылась, и Анастасия наконец-то вышла. Я так и не успела стереть с лица глупую улыбку.

– Чего тебе? – уже не совсем дружелюбно спросила у меня Шевальева,

видимо, решив, что я смеюсь над ней.

– Ты меня не помнишь? – все еще улыбаясь, спросила я. Ох, дурную шутку сыграли со мной коктейли. А ну-ка сейчас еще брататься с этой Шевальевой начну. – А я тебя помню! Мы одно время в общежитии педагогического пересекались...

– Так ты моя землячка? – обрадовалась Анастасия.

Честно говоря, я ожидала, что она пошлет меня куда подальше за упоминание городка, откуда она была родом. Светская львица как-никак, «москвичка», так сказать...

– Да. Ты встречалась с парнем из нашего института. С Тимом. Ты помнишь его?

И мое сердце сладко и больно сжалось в ожидании ответа.

– С Тимом? – нахмурилась Шевальева, честно пытаюсь вспомнить.

И я окончательно убедилась в том, что никакого отношения к запискам она не имела.

– Да. Он был музыкантом.

– А-а! – протянула она и улыбнулась. – Было дело. Музыкант... Как же, помню! Мы познакомились перед Новым годом в каком-то клубе, в котором он давал концерт с группой. Я подошла сказать ему, что он классно поет, а он пригласил меня на студенческую вечеринку в общагу. До сих пор понять не могу, как у нас закрутилось, мы ведь из разных кругов.

В ее тоне послышались высокомерные нотки, и мне захотелось сказать что-то злое. Но я сдержалась.

– Но, впрочем, парень он был ничего... Симпатичный и сексуальный.

Ее глаза подернулись мечтательной дымкой, и мне показалось, что сейчас она ударится в воспоминания и вывалит на меня все интимные подробности романа с Тимом. К такому я, признаться, готова не была, и застарелая ревность вновь кошачьей лапой полоснула по душе, оставляя саднящие царапины. Но нет, Анастасия сморгнула и серьезно поинтересовалась:

– Слушай, а ты не знаешь, он выбрался из той глуши?

Она, конечно, имела в виду уехал ли Тим из провинции. Но даже не подозревала, насколько попала в точку.

– Да. Конечно, выбрался.

То место, где он сейчас находится, никак не назовешь «глушью».

– Молодец! Если встретишь его, передавай привет. Если он в Москве, я, может быть, как-нибудь приду к нему на концерт. Хоть мне и не нравилась музыка, которую играла его группа, но нравилось, как он поет. Так передашь привет?

– Обязательно, – пообещала я, зная, что никогда это обещание не выполню.

Похоже, Шевальева не знала о том, что Тим разбился. А говорить ей об этом я не стала.

Мы попрощались почти как старые знакомые. Она вышла, а я включила холодную воду, сделала ладони ковшиком, набрала воды и погрузила в нее пылающее лицо. Черт с ним, с макияжем. Черт с ним, с клубом. И с записками. И с Шевальевой. Я почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. Хорошую же шутку сыграли со мной коктейли! То пьяно хихикала, теперь вот еле сдерживаю пьяные рыдания. Надо попросить Лелика, чтобы отвез меня домой.

Я тщательно умылась, убедилась, что под глазами не осталось разводов от туши, и вышла из туалетной комнаты.

Там, где я оставила Лелика, его уже не было. Возле барной стойки – тоже. И, только сделав пару кругов по клубу, с трудом протискиваясь сквозь толпу, я обнаружила Леонида. Танцующим с молодой девицей, в которой я не без удивления признала вездесущую Ниночку. Я усмехнулась про себя и решила тихонько улизнуть из клуба, дабы не мешать Лелику наслаждаться перспективным обществом банкирской дочери. Я даже уже развернулась, чтобы уйти, но в этот момент услышала за спиной громкое: «Саша!»

И как только он смог меня заметить? Лелик, оставив растерянно замершую посреди зала банкирскую дочку, уже продирался ко мне сквозь толпу танцующих.

– Ну, как? – спросил он меня с волнением. – Поговорила?

– Что она здесь делает?! – выкрикнула Нина, тут же нарисовавшись рядом с нами. Она сверлила меня гневным взглядом и, дабы дать понять, что я здесь лишняя, собственнически положила ладонь на плечо Леонида. – Ты же сказал, что просишь достать приглашения не для нее!

И прежде чем Леонид успел что-либо ответить, я поспешно, с некоторой насмешливостью произнесла:

– Не нервничайте, Нина, я уже уйду. Я здесь не на свидании с Леонидом, а по делу. Приятного вам вечера!

Лелик нагнал меня уже возле гардероба.

– Саш, подожди!

Он поспешно выхватил из рук гардеробщика мое пальто и помог мне одеться.

– Прости Нине ее резкость.

– А я на нее и не обижаюсь, – пожала я плечами.

– Отвезти тебя домой? – предложил он, но при этом нервно оглянулся

на зал.

Я его поняла – попал меж двух огней. Боится, что из-за немилости банкирской дочери накроется выгодная сделка с ее отцом.

– Нет, Лелик, возвращайся к Нине. И передай ей спасибо за приглашение в этот клуб. Скажи, что она мне очень помогла.

– Удалось поговорить с Шевальевой?

– Удалось. Она ни при чем.

– Саш, я поймаю тебе такси.

– Буду очень благодарна, – улыбнулась я.

– Когда приедешь домой, позвони.

– Хорошо. И спасибо тебе. Знаешь, а Нина могла бы составить тебе хорошую партию. Без шуток.

– Она – не ты, – с какой-то горечью произнес Лелик.

– Тем лучше, – засмеялась я.

В машине я попросила таксиста включить магнитолау. Он поставил что-то лирическое, грустное, но приятное. И я, слушая иностранные баллады, думала о том, что пора сделать паузу. Сойти на перрон с поезда, который мчит меня не в том направлении. И, перекуривая в ожидании следующего состава, решить, куда и зачем я хочу ехать. Оставить прошлое и начать жить будущим. Но для начала взять неделю отпуска и съездить к родителям. А по возвращении вернуть Леониду кольцо.

Утром я проспала – впервые за все то время, что работала в туристическом агентстве. Сказались выпитые накануне коктейли, от которых я уснула крепким хмельным сном и не услышала утром будильника.

Вскочив с кровати, я первым делом позвонила начальнице, соврала про плохое самочувствие (впрочем, не так уж и соврала – голова побаливала) и сообщила, что буду позже. Затем впопыхах собралась и помчалась на работу. Никогда не любила опаздывать. День, начавшийся не так, как обычно, у меня всегда шел наперекосяк. Проверено.

Вот и в этот раз моя персональная примета оправдалась.

– Александра, подождите! – окликнул меня охранник, когда я проходила мимо него в офис.

– М-м? – промычала я, потому что в это время стаскивала перчатку зубами. Неэлегантная привычка, оставшаяся еще с детства.

– Письмо вам просили передать!

– Какое письмо? От кого? – недоуменно подняв брови, спросила я.

Но охранник уже протягивал мне неподписанный белый конверт.

– Просили передать лично в руки Кушаковой Александре. Все правильно?

– Правильно, – машинально согласилась я.

И, взяв конверт, зашла в офис. На ходу поприветствовав Валентину и Ирину, бросила сумочку на стол, повесила пальто на вешалку и после этого распечатала письмо.

Из конверта выпали сложенный вчетверо листок и газетная вырезка.

«...Серьезная авария произошла вчера, 23 июня, на пересечении улиц Весенняя и Горького. В результате столкновения „Жигулей“ 9-й модели и „КамАЗа“ пострадали два человека. По предварительным данным, 27-летний водитель „девятки“ выехал на перекресток на запрещающий сигнал светофора. С множественными переломами водитель легкового автомобиля был госпитализирован. Пассажирка „девятки“, 22-летняя девушка, с черепно-мозговой травмой также доставлена в больницу. Водитель „КамАЗа“ не пострадал...»

У меня тряслись руки, когда я закончила читать заметку. Каждое слово впивалось в сердце шипами. Речь шла о нашей с Тимом аварии. Сомнений быть не могло, потому что и дата, и пересечение улиц, и обстоятельства ДТП совпадали. Фраза «...с множественными переломами водитель легкового автомобиля был госпитализирован...» была обведена красным фломастером. А возле слова «госпитализирован» стоял восклицательный знак.

– Господи, господи... – прошептала я и села за стол.

– Саш, что с тобой? – спросила удивленно Ирина. – Тебе нехорошо?

Я неопределенно покачала головой и развернула сложенный вчетверо листок... И увидела короткую фразу: «Юлька знает больше!»

– Александра, что с тобой?! – встревоженно оглянулась Валентина, услышав мой то ли всхлип, то ли вскрик.

Не обращая внимания на испуганные вопросы Валентины и Ирины, я вскочила с места и выскочила из офиса.

– Кто это принес?! Кто?! – закричала я охраннику, который от неожиданности чуть не пролил себе на штаны чай, который собирался пить.

– Парень один, – справившись с оцепенением, выдавил он и бросил красноречивый взгляд на служебный телефон. Видимо, прикидывал, сможет ли самостоятельно справиться с сумасшедшей или все же позвать подмогу.

– Какой парень?! Опишите! Высокий? Низкий? Брюнет? Блондин? Что сказал, когда принес конверт?

– Александра, может, вам помощь нужна? Я не знаю, что в этом конверте, но если...

– Какой парень принес его?! – нетерпеливо перебила я.

Клиенты, которые направлялись в наше агентство, испуганно покосились на меня и переглянулись. Но в данный момент мне были до лампочки клиенты, репутация и работа. Меня интересовало лишь одно – кто принес это письмо.

– Я его не рассмотрел...

– Офигительный профессионализм! А если бы он был террористом?

По лицу охранника скользнула тень, видимо, он собирался обидеться на мое язвительное замечание. Но, решив, что на истеричек обижаться глупо, подчеркнуто спокойно ответил:

– Молодой человек, который принес этот конверт, попросил передать его лично вам в руки. На нем была синяя дутая куртка с капюшоном, поэтому я не разглядел, брюнет он или блондин, а может быть, вообще лысый. Какого роста? Выше среднего. И, да, еще... Забыл сказать. Отдавая мне письмо, он попросил передать вам привет от Тима. Может быть, он им и был? Есть у вас знакомый с таким именем?.. Александра, что с вами? Вы в порядке?.. Саша?!

– В порядке, – чуть слышно ответила я, с силой цепляясь за край стола, за которым сидел охранник.

– Вы побледнели так... Может быть, воды? – участливо спросил он.

– Нет-нет, спасибо. Все в порядке. И... простите меня за этот срыв. Вы не виноваты.

– Бывает, – развел руками он. – Если вам точно не нужна помощь...

– Все хорошо. Спасибо.

Я вернулась в офис и, под тревожными взглядами Ирины и начальницы, вновь села за стол. В голове шумело, будто кто-то неловко сбил настройки в радиоприемнике.

– Саш? – на мое плечо легла ладонь.

Я вздрогнула и, резко оглянувшись, увидела Валентину.

– Прости! Не хотела тебя напугать. Ты... в порядке?

– Не знаю, – честно ответила я ей.

– Что-то случилось? Если надо, возьми день больничного. Отдохни.

– Мне надо уехать по семейным обстоятельствам. Мне хотелось бы попросить неделю за свой счет, – набралась я наглости.

Рот начальницы дернулся, будто та собиралась возразить.

– Хорошо. Напиши заявление. Я что-нибудь придумаю, – после недолгой заминки ответила она.

Через три минуты мое заявление легло ей на стол. А еще через некоторое время я отходила от кассы железнодорожного вокзала, сжимая в руке билет в мое прошлое.

Мне остро нужно поговорить с Юлией, только она может дать ответ на все мои вопросы. Она сказала, что Тима не успели довести до больницы. В газетной заметке же было написано, что его госпитализировали. Хотя верить газетам и строить на них предположения – проигрышное дело. Но то, что я не помнила, была ли я на могиле Тима, вкуче с газетной вырезкой и намеками анонима, порождало сумасшедшую надежду.

И уже от Юлии я собиралась поехать в свой городок, в котором родилась и выросла. И пожить несколько дней у родителей.

Я убрала билет в сумочку и подумала, не позвонить ли маме, чтобы сообщить ей о своем приезде, но решила, что позвоню позже. Я не знала, сколько времени проведу у Юли, лучше предупредить родителей перед самым приездом.

Когда я выходила из вокзала, в моей сумочке зазвонил мобильный. Я вытащила его, увидела высветившийся на экранчике незнакомый номер и с неохотой ответила:

– Да?

– Саш, это Кирилл, – раздался голос, от которого сердце ухнуло вниз и тут же взметнулось вверх.

– Ну, надо же! Объявился! – с сарказмом произнесла я, дабы скрыть волнение. – Я тебе неделю звонила, а ты держал телефон отключенным. Общаться не хотел? Занес меня в «черный список»?

– Саш, послушай, – перебил он меня. – Я потерял мобильный, в котором остался твой номер. Приезжал в субботу к тебе домой, но тебя не было, потом – вчера поздним вечером, но опять не застал. Тогда я позвонил твоей соседке, чтобы спросить твой номер телефона. Ух, ну она и устроила мне допрос! Обвиняла в том, что я подбрасывал тебе какие-то записки...

Я невольно улыбнулась. Лейла, похоже, расстаралась.

– ...Мне удалось убедить ее, что я не имею никакого отношения к ним, и уговорить дать твой номер телефона. Что это были за записки?

– Расскажу как-нибудь потом, – уклончиво ответила я, стараясь скрыть свою слишком откровенно проскальзывающую в голосе радость оттого, что он мне позвонил.

– Хорошо, запомню, – засмеялся Кирилл. – Но после того допроса, что мне устроила твоя подруга, ты просто обязана рассказать, в чем дело. В качестве компенсации.

– Ладно.

– Сашка, я хотел сказать тебе, что... скучаю по тебе. Понимаю, что у тебя есть жених, этот Леонид, но...

Сквозь нарочито беззаботный тон прорезались ревнивые нотки.

– Он мне не жених, – перебила я Кирилла. – Это правда. Просто друг, хороший приятель. И у него есть девушка – дочка известного банкира. Ну, сам подумай, куда мне до нее?

– Ты лучше всех банкирских дочек, вместе взятых, – отпустил он неуклюжий комплимент. – Мы можем встретиться сегодня, Саша?

– Нет, Кирилл, – ответила я.

– Саш, я понимаю, что сказал тебе по телефону неприятные вещи...

– Нет, ты сказал все правильно. Мне действительно надо разобраться в себе и своей жизни. Поэтому я уезжаю в город, в котором училась. Потом навещу родителей.

– Надолго?

– На несколько дней. Автобус уходит завтра утром, вечером я буду собираться. Когда приеду, можем встретиться.

Он ответил, что будет меня ждать, а потом, после долгой паузы, спросил:

– Ты как-то сказала, что я напоминаю тебе одного человека. Я похож на него – на твоего бывшего парня, певца?

– Да, – чуть замямвшись, ответила я. – Ты очень похож на Тима. Но я знаю, что ты – это ты. И хочу видеть в тебе только тебя.

– Мне бы тоже хотелось, чтобы это было так, – тихо сказал Кирилл.

И мне показалось, что сейчас он повесит трубку и больше никогда мне не позвонит. Закроет дверь и забудет мое имя. И я бы его поняла.

– Произошло несколько довольно странных вещей, Кирилл, которые оставили много вопросов. И без ответов на них я не могу поставить точку. Понимаешь?

– Стараюсь.

– Поэтому я и еду в тот город. Чтобы отделить прошлое от будущего.

– Позвони, как приедешь. Или нет, лучше я тебе сам позвоню.

Он пожелал мне хорошей дороги и повесил трубку. А у меня после этого разговора остался осадок – странная смесь радости и огорчения. Я была рада, что Кирилл мне позвонил и что причина его молчания оказалась такой банальной – потерянный телефон. Но я не была уверена в том, что он мне когда-нибудь еще позвонит.

До вечера я проспала. Затем быстро поужинала, собрала немногие вещи и аккуратно сложила все анонимки в один конверт. И перед тем как

отправиться принимать душ, вспомнила, что забыла предупредить свою напарницу Ирину о том, чтобы та не отменяла завтра бронь отеля на фамилию Плужниковых, потому что клиенты выкупят путевку вечером.

Сегодня днем господин Плужников позвонил мне и попросил придержать бронь, поскольку до завтрашнего вечера не сможет подъехать в наш офис. Но заверил, что путевку обязательно выкупит. Плужниковы были моими постоянными клиентами, очень приятными и обязательными. И я великодушно пообещала сделать так, как просили, но забыла предупредить напарницу.

Я посмотрела на часы и решила, что звонить Ирине уже поздно. Лучше написать ей на корпоративную почту. Я включила компьютер и зашла в свой почтовый ящик. «У вас шесть новых сообщений».

Пять сообщений оказались спамом: мне предлагали купить новый МП-3-проигрыватель, очки-массажеры и подобную чепуху. Ну что ж, если судить по услышанной где-то поговорке: «одиночество – это когда на почту тебе не приходит даже спам», я не одинока. Рекламной рассылкой неизвестные отправители, подписывающиеся как Авдотьи Захаровны, Иваны Прудковичи и прочие Ефросиньи Кондратьевны, балуют меня щедро. Я удалила всю рекламу, не читая. И открыла последнее письмо, шестое, оказавшееся уведомлением с сайта «Одноклассники». «У вас новое сообщение от пользователя Тимофей Лазарин».

Я охнула, дрожащими пальцами навела мышку на ссылку и кликнула. И когда страница загрузилась, увидела фотографию Тима – одну из знакомых мне. И короткое сообщение: «Привет! Ты меня еще не забыла, Сашка-промокашка?»

Под равномерный стук колес я пыталась уснуть, но, несмотря на усталость и почти бессонную прошлую ночь, мне это не удавалось. А в детстве, помнится, я засыпала в поездах очень легко. Мне всегда нравился этот дорожный ритм, который вызывал радостные эмоции, потому что ассоциировался с каникулами, путешествиями, морем, приключениями.

Увидеть промелькнувшую за окном сороку, полное золотых подсолнухов поле или полоску леса уже было для меня настоящим дорожным приключением. И чай, обязательный чай, обжигающий, вкусный, подаваемый в металлическом подстаканнике, с двумя кубиками рафинированного сахара, на этикетке которого был нарисован локомотив, – еще одна неотъемлемая часть дороги.

Но сейчас ни стук колес, ни мелькающее за окном заснеженное поле, ни чай не смогли вызвать у меня радостные ассоциации. Я хоть и ехала в недельный отпуск, но не на курорт. Я возвращалась в прошлое – в счастливую жизнь, оставшуюся лишь в воспоминаниях. Я боялась этой встречи и не знала, какотреагирую, вновь оказавшись на улице, по которой мы прогуливались с Тимом, держась за руки и целуясь.

Что может ждать меня в клубе, в котором он со своей группой давал концерты? И как встретит меня Юлия? Я не знала о ней ничего на протяжении почти четырех лет. И также не давала знать о себе. Вышла ли она вторично замуж? Живет все по тому же адресу или переехала? Постарела или осталась привлекательной дамой в соку, не выглядевшей на свой возраст? Не потускнели ли от слез ее удивительные глаза такой насыщенной синевы, будто они вобрали в себя море? Такие же, как у брата. И... Тим. Что с ним стало на самом деле? Ради ответа на этот вопрос я и ехала назад, в прошлое.

Еще я думала о Лейле. Вернее, о нашем утреннем разговоре. Подруга, будто почувствовав, что я уезжаю, позвонила утром в мою дверь. «Принесла тебе обещанную настойку», – сказала она, протягивая мне аптечную бутылочку с темной жидкостью. Я поблагодарила Лейлу и пригласила ее на чай. И во время завтрака призналась, что уезжаю.

– Может, останешься? Отменишь поездку? – с надеждой спросила подруга, словно чего-то боясь. – Помнишь, как легли карты? Они предсказали тебе и предложение от мужчины, и дальнюю дорогу и предупреждали, чтобы ты не поддавалась на провокации. Они говорят

правду, Саша.

– Нет, поездку отменять не стану, – решительно ответила я. – Если не развяжусь с прошлым, то так и увязну в нем. А мне впервые за долгое время вновь захотелось идти в будущее. Но узлы мешают, понимаешь? Я путаюсь в них, и, если не развяжу, они меня задушат. Тот, кто подбрасывал мне записки, знает что-то, чего не знаю я. Мне сказали, что Тим погиб. Так сказала его сестра. Она же настаивала на том, чтоб я уехала и начала новую жизнь. Я не была у Тима на могиле. По крайней мере, не помню, что была.

– Думаешь, что он жив?

– А вдруг? – впервые озвучила я мысль, которая со вчерашнего дня пульсировала в душе.

– Но если так, то почему он не нашел тебя сам?

– Может быть, и нашел. Все эти записки... И это вчерашнее сообщение якобы от него.

– Вот именно, Саша, якобы от него, – уцепилась Лейла за мои сомнения. – Ты же ведь не знаешь, кто мог зайти на сайт и зарегистрироваться под именем твоего любимого.

Я промолчала, думая о том, что Лейла в чем-то права.

Полночи я провела возле компьютера, ожидая, что тот, кто назвался Тимом, ответит на мое полное эмоций и вопросов письмо. Напрасно. Я вдоль и поперек изучила его страницу, но она была почти не заполнена. Лишь необходимые данные – дата рождения (верная), место нахождения (Москва) и моя единственная анкета в его разделе «Друзья». Все. Больше ничего. Ни новых, ни старых фотографий, кроме одной, которую я уже видела. Ни кратких сведений. Ни указанных учебных заведений. Будто эта анкета была создана лишь для того, чтобы поприветствовать меня и... исчезнуть. Но Сашкой-промокашкой меня называл лишь Тим.

– Сашенька, я понимаю, о чем ты думаешь, – проникновенно заговорила Лейла. – Понимаю твою надежду. Наверное, на твоём месте я поступила бы так же. Но! Подумай. Почему, если он остался жив, объявился лишь сейчас? Почему его сестра тебя обманула? Так обмануть – не по-божески, Саша! Слишком жестоко. Слишком!

– Я знаю. Это и не укладывается у меня в голове – могла ли Юлька обмануть меня, сказав, что ее брат погиб? Зная Юлию, думаю, что нет. Но... так ли хорошо я ее знаю? И может быть... Тим сам попросил ее обмануть меня?

– Но зачем, Саша?! – ужаснулась Лейла.

– Потому что, допустим, очень сильно покалечился в той аварии и не захотел взваливать на меня «груз» – жизнь с инвалидом.

– Саша, Саша, остановись! Ты заходишь слишком далеко! Не хочу, чтобы ты питала напрасные иллюзии и потом разочаровалась.

– Хуже, чем было, не будет.

– И все же... Я не видела его живым, Саша.

Я вздрогнула и подняла на Лейлу глаза:

– Ты говоришь про карты?

– Сейчас – про снимок. Я не видела по снимку, что он жив.

– Но ты сама сказала, что не умеешь хорошо «читать» по фотографиям. Да и, помню, добавила, что смерть необязательно может быть физической. Он мог находиться в коме, без сознания. Или опуститься духовно...

...Мне все же удалось задремать под стук колес и даже увидеть короткий сон, в котором я видела спину удаляющегося от меня человека и пыталась его догнать. Я не знала, кто это был – Тим или кто-то другой, просто бежала за ним, потому что мне казалось очень важным догнать его. И вот когда наконец я подбежала к нему почти вплотную и собиралась коснуться ладонью его спины, кто-то тронул за плечо меня.

– Девушка, просыпайтесь! Приехали!

Я неохотно разлепила глаза и увидела пожилую женщину – соседку по купе. Она уже успела надеть полушубок, повязать на голову пуховый платок и выставить сумки в коридор, заслоняя проход другим пассажирам.

– Спасибо, – поблагодарила я, спуская ноги с полки.

Я вышла на перрон – серый, неухоженный, со старым зданием вокзала. И растерянно остановилась, не зная, что делать дальше. Я села на лавочку и вытащила из сумочки початую пачку сигарет. Еще прошлой ночью я решила, что не буду задерживаться в этом областном городе, сразу поеду к Юльке. А дальше – как карта ляжет, останусь у нее или в этот же день отправлюсь к родителям.

Я с таким нетерпением ехала сюда и вот теперь сидела на лавочке, оттягивая время, тающее вместе с дымом сигареты. Что я скажу Юлии? Как она встретит меня? Раньше мы были близки, но теперь между нами пролегла пропасть. Пропать длиной в четыре года.

– Красавица, сигареткой не угостите?

Я подняла глаза и увидела неряшливо одетого мужичка, нетрезвого и заискивающе улыбающегося щербатым ртом.

– Держи, – в душевном порыве протянула я ему всю пачку, решив больше не курить.

– Ой, спасибо, красавица! Дай бог тебе здоровья и мужа хорошего! – обрадовался мужик и жадно выхватил пачку грязными пальцами с желтыми нестриженными ногтями.

– И вам – на здоровье, – машинально ответила я.

Заметив, что мужик уже мостится со мной рядом с желанием завязать «интеллектуальную» беседу, встала и отправилась в здание вокзала. Если мне не изменяет память, автовокзал находится неподалеку от железнодорожного. Куплю билет, а там видно будет – куда, что и как.

До автобуса оставалось два часа, и я плотно пообедала в привокзальном кафе-ресторане. Еда была так себе, но я и не ожидала большего. Я знала достаточно много хороших кафе и ресторанов в этом городе в основном благодаря Тиму, но не захотела выезжать в центр.

Потом. В другой день. На обратном пути.

Я боялась, что не найду по памяти дом, в котором жила Юлия, но сразу же узнала эту пятиэтажку из серого кирпича. Несмотря на то что район состоял из таких же пятиэтажек-клонов, я интуитивно выделила нужную. Узнала и двор по карусели, которая все так же сиротливо и неприкаянно торчала на небольшом земляном пятачке среди лавочек с облупившейся краской, турников, которые жители использовали для выбивания ковров, и металлических столбов с натянутыми между ними бельевыми веревками.

Я зашла в подъезд, и в нос мне ударил запах кошек, щей и табачного дыма. Как и раньше.

Я зажмурилась, и в памяти кадрами видеоленты, поставленной на перемотку, быстро-быстро замелькали рваные эпизоды. Мы с Тимом поднимаемся по этой лестнице. Юля, одетая в трикотажное платье, открывает нам дверь и приветствует ласковой улыбкой. Пьем на кухне чай. Тим несерьезно спорит с сестрой о чем-то. Мы втроем смеемся.

Вот и эта дверь, обитая все тем же темно-коричневым дерматином, с потускневшими шляпками декоративных гвоздей. Черная кнопка звонка, которой я после недолгого замешательства коснулась замерзшим пальцем. И та же переливчатая трель.

Но, сколько я ни звонила, за дверью не слышалось ни звука. Немного потоптавшись в растерянности на лестничной площадке, я решительно позвонила в соседскую дверь. Мне открыла молодая девушка примерно моего возраста, с младенцем на руках.

– Здравствуйте, – сказала я, немного волнуясь. – Я разыскиваю вашу соседку Юлию. Не знаете, не переехала ли она?

– Юлия? – переспросила девушка, не переставая укачивать младенца. –

Нет, не переехала. Тут и живет. Только сейчас она в отъезде. Вышла недавно замуж и уехала с мужем в санаторий. На месяц.

– Когда уехала? – расстроено спросила я, чувствуя, что душа наливается щемящим чувством безнадежности.

– Неделю назад. Вернется, стало быть, недели через три. Я это знаю, потому что она попросила меня ухаживать за цветами.

– Вот как...

– Может, передать ей что? – сочувственно спросила девушка, услышав в моем голосе обреченность.

– Ничего, мне бы с ней поговорить лично... А впрочем, записку! Да, я напишу записку!

С этими словами я вытащила из сумки записную книжку, ручку и написала на чистом листочке номер своего мобильного и две фразы: «Юля, это Александра Кушакова. Позвони, пожалуйста, очень тебя прошу».

– Пожалуйста, передайте Юле. Это важно. Мне нужно с ней поговорить, но я потеряла номер ее телефона, – сказала я, протягивая девушке листочек, который та быстро спрятала в карман.

– У меня тоже нет ее номера, – с сожалением ответила девушка. Ребенок на ее руках захныкал, и она что-то ласково забормотала ему.

– Скажите Юле, что приходила Саша. Александра. Впрочем, я там, в записке, уже написала. Спасибо.

– Не за что. Будьте спокойны, я передам ей все.

Я попрощалась, но в тот момент, когда девушка собиралась уже захлопнуть дверь, спохватилась:

– Подождите! Только один вопрос... Скажите, а вы ничего не знаете о брате Юлии Тимофее? Юля не рассказывала вам о нем? Или, может, вы его видели?..

– Нет, – покачала головой девушка. – Мы с Юлией не настолько близки, чтобы откровенничать. Да и, впрочем, мы с мужем переехали в эту квартиру совсем недавно, всего три месяца назад.

– Понятно, – я вновь поблагодарила девушку и вышла из подъезда.

Кто еще, кроме Юлии, мог бы дать мне ответы на мои вопросы? Я вышла на дорогу и подняла руку, голосуя. И первая же появившаяся в поле зрения машина остановилась.

– Куда вам? – спросил у меня пожилой водитель выдавшего виды «Москвича».

– Отвезите, пожалуйста, на городское кладбище...

Я бродила по усыпанным гравием дорожкам, всматриваясь в таблички на крестах и памятниках, почти до сумерек. Не знаю, чего мне хотелось

больше – найти могилу Тима и получить ответ на все свои вопросы или не обнаружить ее там.

Я обошла кладбище дважды. И каждый раз, когда видела на табличке имя «Тимофей» или фамилию, начинающуюся на «Ла...», мое сердце словно останавливалось. Я бросалась к памятнику или кресту, но, вчитавшись внимательней, с облегчением выдыхала: не Тимка.

Умом я понимала, что не найденная могила – еще не повод думать, будто Тим не погиб. Он мог быть похоронен не здесь, а в областном городе или, что реальней, в городке, в котором родился и где покоились его родители. Но, несмотря на веские доводы, моя сумасшедшая надежда, порожденная намеками анонима и сообщением на сайте, расправляла крылья и набирала опасную высоту.

Я так и не нашла могилу Тима и покинула кладбище, испытывая невероятное облегчение. Не только из-за надежды. Мне хотелось, чтобы в моих воспоминаниях не было этой точки – гранитного памятника с именем Тима.

У родителей я пробыла три дня, и все это время старалась не думать о записках и сообщении на сайте. Иногда мне это удавалось. Днем я весело «трещала» с мамой, по вечерам играла в шашки с отцом. Отъедалась домашними пирогами и блинами и спала до полудня. Только по ночам, лежа в своей старой кровати, думала о Тиме. Что с ним стало на самом деле? И стоит ли верить анонимным сообщениям и газетной заметке? Я чувствовала себя предательницей, потому что верила сейчас больше им, чем Юльке.

В последний вечер перед отъездом мы с мамой засиделись на кухне дольше обычного. Отцу надо было вставать рано на работу, и он, попрощавшись со мной и пожелав счастливого пути, ушел спать. А мы пили уже по третьей чашке чая, стараясь растянуть, как деликатес, этот быстро заканчивающийся вечер.

– Саня, осталась бы еще. Разве это дело – приехать впервые за четыре года и всего на три дня?

– Работа, ма, – улыбнулась я и пообещала: – Вот будет у меня полноценный отпуск, тогда и приеду на неделю, а то и на две!

– Дождешься от тебя, – поджала губы мама.

– Куда я денусь?

– Ну, тебе там хоть нравится, в Москве? – в какой уже раз спросила она меня.

– Нравится. Привыкла. Уже бы не смогла вернуться сюда. Там работа...

Впрочем, ты и так все знаешь.

Мама хотела что-то спросить, но в это время у меня зазвонил мобильный.

– Мартышка, ты где? – услышала я в трубке взволнованный голос Лелика. – Я тебе звоню, звоню, а ты все недоступна! Переживаю ведь!

– Я у родителей, в провинции. Здесь мобильный не везде берет, – соврала я, потому что на самом деле отключила телефон на те три дня, что гостила у родителей.

– С тобой все в порядке?

– Да. Завтра утром уже уезжаю. День проведу в городе, в котором училась, а ночью сяду на поезд на Москву.

– Тебя встретить? – по привычке предложил он, но я вежливо отказалась:

– Нет, спасибо, Лелик. Доберусь. А ты как?

– Тоже в норме. Позвони мне, как приедешь. Хочу тебя видеть.

– Ладно.

Не успела я положить телефон в сумку, как он вновь зазвонил.

– О, прорвало всех... – проворчала я, думая, что и впрямь правильно поступила, отключив телефон на три дня.

– Саш, это Кирилл!

В его голосе были те же беспокойные интонации, что и в голосе Леонида.

– Привет! – старательно весело ответила я ему. – Как дела?

– Нормально. Ты куда пропала? У тебя телефон все время отключен.

– Тоже волновался? – вырвалось у меня, и я тут же прикусила язык.

– Почему «тоже»? – уцепился он за мой ляп.

– Потому что меня все потеряли. Я сейчас у родителей, телефон здесь плохо берет.

– Как ты там?

– Нормально. Развязываю узлы, – коротко ответила я.

– Получается?

– Не очень, – честно призналась ему. – Но я пытаюсь.

– Могу я чем-то помочь? – с надеждой спросил Кирилл.

И я с сожалением подумала, что помочь в этой ситуации он мне не может.

– Нет, Кирилл. Я должна разобраться сама.

– Да что же у тебя там такое случилось? – с каким-то отчаянием воскликнул он, намекая на то, что в последнем разговоре я сказала, что произошло несколько странных вещей.

– Ничего такого страшного... Надеюсь.
– Когда ты возвращаешься, Саш?
– Послезавтра уже буду в Москве.
– Тебя встретить? Я на машине. Не джип, конечно, но...
Все же не удержался от подколки, намекая на Леонида.
– Спасибо, Кирилл. Думаю, что доберусь сама.
– Вот заладила – «сама да сама»! Саш, если не хочешь со мной общаться, так и скажи...

– Не в этом дело, Кирилл! Я очень даже хочу с тобой общаться! Но сейчас не время. Не спрашивай пока, в чем дело, ладно? Я тебе потом все сама расскажу. Обещаю.

– Ладно, как хочешь. Завтра еще позвоню. Вдруг ты передумаешь и захочешь, чтобы я тебя встретил.

– ОК, – нейтрально ответила я и попрощалась.

– Женихи? – загорелись любопытством глаза мамы.

– Как сказать... – уклончиво ответила я, прикидывая, стоит ли откровенничать.

Мама, если узнает, что мне предлагал выйти за него замуж успешный состоятельный мужчина, а я отказалась, не одобрит моего поступка.

– Один из них Леонид, мой друг. Впрочем, звал замуж, но из этой затеи ничего не вышло. Я его не люблю, хоть и очень к нему привязана. Как к другу. Сейчас, кажется, у него появилась другая девушка. И я за него рада.

– А второй? – нахмурила брови мама, которой явно не понравилось то, что я отказалась выходить замуж. Ей, как и всякой матери, хотелось видеть свою дочь «устроенной», то есть семейной.

– А второй... Кирилл... – задумалась я. Как бы объяснить то, что я еще и самой себе объяснить не могу? – Понимаешь, он очень похож на Тима. Внешне. Да и некоторыми жестами тоже.

– И что? Тима ведь ты любила.

– В том-то и дело. Поэтому не знаю, как отношусь к этому парню. Привлекает ли он меня лишь потому, что так похож на Тимку? Или нравится сам по себе? Не хочу видеть в нем Тима. Пытаюсь абстрагироваться от этого наваждения, но не всегда удается.

– Что я могу сказать, – развела руками мама. – За тебя никто не влюбится, но и жить, думая лишь о прошлом, тоже нельзя. Надо идти вперед.

– Я так и хочу! Но некоторые вещи мешают.

– Ну что тебе может мешать, дочь? – спросила меня мама, накрывая ладонью мою ладонь. – Прошло уже больше четырех лет.

– Я не все помню. Некоторые моменты стерлись из моей памяти, и это мне очень мешает. Например, не помню, как я прожила три месяца до того, как перебралась в Москву. И куда мы ехали с Тимом в тот день.

– Забылось и забылось, зачем вспоминать, – раздраженно ответила мама.

Но я не дала ей уйти от темы:

– Мне нужно! Помоги мне!

– Как тебе помочь, дочь? Я очень хочу тебе помочь...

– Расскажи, что произошло после того, как я вышла из больницы?

– Вернулась к нам. Потом... – начала она и замялась.

– Что «потом»?

– Ты была в такой депрессии, что тебе опять пришлось лечь в больницу и провести какое-то время там.

Я наморщила лоб, стараясь припомнить. Картинки с врачами, медсестрами, казенными помещениями увязли в моей памяти, но я считала, что относятся они к больнице, в которой я провела месяц после аварии.

– То, что ты не все помнишь, – неудивительно. Травма и сильный стресс. Да к тому же специальное лечение, чтобы вывести тебя из депрессии. Нехороший это был период, нечего его и вспоминать.

– А потом? Что было потом? После второй больницы? – жадно перебила я маму.

– А потом ты уехала. Это была идея сестры Тимофея. Она сказала, что ты так и сгинешь в депрессии. Уж не знаю, как удалось Юлии уговорить тебя, но ты решилась поехать в Москву. Поначалу я была против. Считала, что тебе лучше остаться с нами, а столица – это новое серьезное испытание, которое оказалось бы тебе в тот момент не под силу. Помню, так и сказала Юлии, что в Москву тебя не отпущу. Испугалась, что придется тебе там выживать. А Юля подхватила: вот именно, *выживать!* Как она сказала? «Шоковая терапия для того, чтобы вновь запустить желание жить» или что-то вроде того. Клин клином, проще говоря. Странно, но подействовало.

Я усмехнулась: Юлька оказалась права. И пусть мне не пришлось *выживать* в столице в буквальном смысле слова, я жила.

– Мам, а ты... ты видела Тима? Ну, после того, как все произошло? Была на его похоронах?

– Нет. О том, что он погиб, я узнала от Юлии. А после того, как ты уехала, связь с ней оборвалась. Я не ходила на могилу и не была на похоронах.

– Мам, а ты не думаешь, что Юля могла обмануть?

– Обмануть? – непонимающе подняла брови мама. – Как? Она мне казалась очень порядочной женщиной.

– Могла бы она сказать, что Тим погиб, когда на самом деле это было не так?

Мама отставила чашку, сцепила пальцы «в замок» и внимательно посмотрела на меня.

– Дочь, Сашенька... Я поняла, о чем ты. Тебе бы хотелось, чтобы Тим оказался жив. Поверь, мне этого тоже бы очень хотелось. Но его нет. Нельзя жить иллюзиями и воспоминаниями! Прошло уже четыре года!

– Да, да, я знаю, знаю! Но ведь ты только что сама сказала, что не была на похоронах, не видела его могилу, и вдруг Юля...

– Я видела ее глаза, Саша! Я видела ее в *те* дни. Да, она держалась. Но держалась лишь ради тебя. И если она тебя и обманывала, то лишь в том, что какое-то время скрывала от тебя, что ее брат погиб. Что еще, Саша? Давай оставим эту тему, мы уже и так достаточно поговорили.

И мне пришлось согласиться с ней.

Этот город, в котором я училась, уже больше не был моим. Он до сих пор оставался городом той двадцатилетней девочки, отчаянно влюбленной и безразмерно счастливой. Сейчас же он пил мои силы, будто вампир, и наполнял унынием. Мне хотелось поскорей уехать, вернуться в шумную сумасбродную Москву, с которой началась моя новая жизнь. Но мой поезд уходил поздно вечером, и ничего не оставалось, как шататься по улицам и напиваться грустью.

Я ходила в университет, в котором проучилась два года, но это уже был не мой университет. В нем учились другие, счастливые девчонки, с их надеждами, влюбленностями и ожиданиями. В общежитии тоже не осталось никого из старых знакомых: мой курс выпустился еще год назад, а с младшего я никого не знала.

Квартиру, в которой мы жили с Тимом, давно сдали другим жильцам. Счастливы ли они так, как были счастливы мы?

Я думала о людях, с которыми познакомилась в этом городе. Мне хотелось бы увидеться с Мариной, но я не знала, куда она уехала после окончания университета. Мне было бы интересно узнать, что стало с ребятами из Тимкиной группы. Остались ли они в этом городе? Или кто-то из них тоже, как и я, подался в столицу? И как жаль, что мне не удалось поговорить с Юлькой...

Мое одиночество нарушил звонок мобильного, и я обрадовалась ему, как лекарству от грусти.

– Саш, как ты? – услышала я в трубке голос Кирилла. И заботливые интонации в его голосе согрели меня, как накинутое на плечи одеяло.

– Так себе, – честно ответила я. – Гуляю в ожидании поезда по городу, в котором прожила два года и была счастлива.

– Грустишь? – понял он. – Мне хотелось бы быть с тобой, чтобы тебе не было так тоскливо, но ты не взяла меня с собой.

– Я вот... гуляю сейчас, слушая тебя. Будто с тобой. Расскажи мне что-нибудь, – попросила я.

И Кирилл не стал задавать ненужных вопросов, просто взял и начал рассказывать сочиняемую на ходу сказку. Про Принцессу, попавшую в Страну Минорных Воспоминаний, которой правила злобная старуха-волшебница по имени Хандра.

Я брела по вливающимся друг в друга, будто реки, улицам, прижимая к уху мобильник и слушая голос, чьи теплые интонации растапливали мою грусть. Мне уже не было так одиноко. Но еще сильнее хотелось вернуться домой. В Москву.

– ... И вот так Принцесса с помощью доброй феи Новой Любви победила старуху Хандру и вырвалась из плена Страны Минорных Воспоминаний. Она вернулась к ожидающему ее Принцу. А страну переименовали в Страну Светлой Ностальгии.

– Сказочник, – засмеялась я.

– Отвлеклась немного?

– Да. Уже не грущу.

– Очень хорошо. Береги себя.

– Стараюсь.

– Так встретить тебя завтра?

Я замешкалась с ответом. С одной стороны, мне хотелось ответить «да» и ухватиться за протянутую руку помощи. С другой... С другой – понимала, что встретиться с Кириллом лучше после того, как освобожусь от облепившей меня паутины прошлого.

– Кирилл... Не надо.

– Почему?

Его вопрос поставил меня в тупик. Ну, как объяснить ему?..

– Мне нужно время, Кирилл. Я здесь для того, чтобы поставить точку, но город засасывает меня как тряпина. Зовут воспоминания, понимаешь? И если я выберусь... Надеюсь, что выберусь. Но... Не надо нам встречаться сейчас, сразу после моего возвращения из этого города, как ты его назвал – Страны Минорных Воспоминаний. Дай мне время.

– Я понял, – тихо сказал он и попросил: – Позвони мне, когда будешь

готова. Я буду ждать. Обещаю.

– Спасибо. Надеюсь, что позвоню.

Не знаю, как так получилось, что ноги сами привели меня к тому ночному клубу, в котором раньше давал концерты Тим. Но сейчас это был уже, если верить вывеске, не ночной клуб, а ресторан. До моего поезда оставалось время, к тому же я проголодалась и замерзла, поэтому толкнула тяжелую стеклянную дверь и вошла.

Внутри все поменялось. Пространство, бывшее танцполом, теперь заполняли расставленные по педантично выверенным линиям столики, накрытые накрахмаленными скатертями. Я вздохнула, мысленно тоскуя по авангардной обстановке бывшего клуба, уюту которой сильно проигрывали эти ровные линии, прямые углы и девственные скатерти без складок.

Клуб был очень популярен. Ресторан, судя по пустым столикам, популярностью не пользовался, даже несмотря на амбициозное название «Успех», хрустящие от крахмала салфетки и деловой костюм скучающе прогуливающегося по зеркальному вестибюлю охранника.

Я заняла свободный столик в интимно отгороженной от общего зала комнатке и заказала учтивому официанту салат, горячее мясное блюдо и бокал красного вина.

– Скажите, в этом здании раньше был ночной клуб «Янтарный шар», что с ним стало? – не удержалась я от вопроса.

– Закрылся два года назад. Теперь здесь ресторан, – равнодушно ответил официант, записывая заказ.

– А по вечерам тут выступают музыкальные группы? – продолжала допытываться я.

– Да, конечно, мы приглашаем музыкантов. Ни один вечер не проходит без живой музыки, – ответил мне официант таким учтивым тоном, будто ему специально доплачивали за рекламу живой музыки.

– А... группа «Клан» играет у вас?

– «Клан»? – на секунду задумался он и тут же уверенно ответил: – Не знаю такой.

И салат, и горячая отбивная оказались фантастическими на вкус. А вот вино – так себе. Терпкое и кислое. Но я маленькими глоточками отпивала его из бокала, довольная уже тем, что оно согревало меня. До поезда оставалось полтора часа, я еще успела бы заказать десерт и чашку чая. И вот, когда я уже увлеченно изучала карту десертов, меня неожиданно окликнули:

– Александра?

Я удивленно подняла голову и, увидев возле моего столика молодого

мужчину, расплылась в недоверчивой улыбке. Его бы я узнала из тысячи – слишком запоминающейся внешностью он обладал.

– Ты?! – изумленно воскликнула я. – Глазам своим не верю. Неужели это ты?..

XI

Двухметровый рост, богатырский разворот плеч, на которых чуть не трескался пиджак исполинского размера, квадратный подбородок, коротко, как и в студенческие времена, бритый белобрысый затылок. Сомнений быть не могло.

– Славик! Малютин!

– Я самый, – пробасил он, широко улыбаясь. – Вот так встреча, Александра. Какими судьбами в наши края?

– Закинуло. Да ты присаживайся, присаживайся! – обрадованно засуетилась я, указывая старому знакомому, моему экс-бойфренду «понарошку», на место за столиком напротив меня.

– Да я как бы не могу. На работе.

– Ты работаешь здесь?

– Ну да, охранником! Ты меня то ли не заметила, то ли не узнала, а я вот тебя – да, хоть ты и волосы остригла, и отоцала.

Значит, праздно прогуливавшимся по вестибюлю охранником был Малютин.

– Славка, как я рада тебя видеть... – улыбнулась я, подперев ладонью щеку и во все глаза взирая на него.

– Ну а я – тебя, – признался он.

И, оглянувшись по сторонам, все же присел ко мне. Стул под ним жалобно крякнул, но Славика по кличке Малютка это не смутило.

– Давай рассказывай, что да как! – опередила я его с вопросами.

– Да вот, как работал охранником, так и работаю. В школе платят мало, что мне там делать?

– А жаль, какой бы физрук из тебя колоритный вышел! – пошутила я, и Славик довольно заулыбался:

– Ну да, большой я.

– Женился?

– Ага, – расплылся он в счастливой улыбке. – И пацанов у меня двое!

– Будут такие же богатыри, как и ты!

– Угу, в меня пойдут, в нашу породу. Ну а ты, Александра, как живешь? Говорят, в Москву подалась?

– Да. Четыре года назад. Сейчас ездила к родителям в гости. Поезд через полтора часа на Москву уходит. А как живу?.. Да неплохо! – весело закончила я.

И так как Славик требовательно взирал на меня круглыми глазами с белесыми ресницами, рассказала ему немного о своей работе, съемной квартире и о том, как провожу свободное время. Ничего особенного, но слушал меня Малютин с таким интересом, будто рассказывала я ему о жизни в Голливуде.

– Замуж не вышла?

– Собираюсь, – зачем-то соврала я. Голливудская история была бы фальшивой и неполной без обязательного хеппи-энда со свадьбой. Славик ждал от меня именно такой концовки.

– Ну, тогда счастья тебе! Я рад, что у тебя в итоге все сложилось хорошо. А то ведь болтали всякое...

– Что болтали? – встрепенулась я и вперилась в Малютку требовательным взглядом.

– Ну, – смутился он. – Честно, даже не знаю, правда или нет. Слухи ходили, что ты порешила с собой. Я, как услышал, переживал даже. Думал, девка такая хорошая, молодая, и вот так закончила.

– Я – что?..

– Порешила себя. Самоубийством, – пояснил неохотно Славик и окончательно смутился.

У него даже уши стали красными, как у первоклассника, которому строгий учитель при всем классе сделал выговор. Это могло бы показаться забавным, но слова Малютина ввергли меня в шок.

– Я... что, пыталась покончить с собой?..

– Болтали такое. Сплетни, знаешь. Не помню уж, кто сказал. А дело было так. Кто-то спросил, помню ли я Сашку из института, с которой встречался? Ну, я тебя, ясное дело, помнил. Хоть и расстались мы странно. Ты вроде как закрутила с тем парнем из музыкальной группы... Ну оно и понятно было, он многим нашим девчонкам нравился. Обижался я на тебя, Александра, но простил, а потом и Татьяну свою встретил, женился на которой. Танька моя на тебя совсем не похожа. Не тощая, а такая аппетитная баба, в теле и с грудью, как...

– Слав, не увлекайся, – нетерпеливо перебила я Малютина, заметив, что его светлые глаза уже подернулись мечтательной дымкой. Не хватало еще, чтобы он впал в эротический экстаз, описывая прелести своей жены. – Ты на работе!

– Ну да, – сморгнул он. И теперь уже и щеки его, а не только уши, стали бордового цвета.

– Когда тебе сказали, что я попыталась с собой покончить?

– Когда? Дай-ка вспомню. Мы с Татьяной как раз только жениться

начали. Ну, может, год спустя после окончания института. Нет, немного позже. Я, честно, поверил, когда мне сказали, что ты вот так. Переживал даже маленько, несмотря на то, что уже с Танькой вертел. Мы же ведь тоже вертели... Как не переживать? Молодая красивая девка... Потом-то мне сказали, что ты жива.

Я смотрела на Малютину расширенными глазами. И ничего не могла припомнить из тех событий, что он мне сейчас рассказал. Ни-че-го.

– Сань, ты это, брось. Зря я сказал. Сплетни старые! Может, наврала, – забормотал, оправдываясь, он, уже жалея, судя по жалобному выражению его лица и заискивающему тону, о том, что затронул эту тему. – Главное, что у тебя сейчас все хорошо. Правда?

– Правда, Славик.

– Вот и славно! А о сплетнях тех не думай, прошлое это дело. Мало ли что болтали! Может, было, а может быть, и нет. Придумывают люди от скуки.

– Да, конечно, ты прав. Придумывают, – машинально согласилась я.

И, чуть поколебавшись, задала тот вопрос, ради которого, если быть с собой честной до конца, приехала в этот город:

– Слав, а ты ничего не знаешь о том парне – солисте музыкальной группы? Он выступал тут раньше, когда на месте ресторана клуб был.

– Не знаю. В ресторане он не выступает. А в клубе я не работал. А что? Он тебе до сих пор интересен? Что у вас произошло, он тебя бросил?

– Бросил, – горько усмехнулась я.

– Так это ты из-за него решила себя порешить? Глупо, Александра!

Я лишь кисло улыбнулась, не зная, что ответить Малютину.

– Ты не переживай из-за него, Александра. Сама ведь сказала, что замуж выходишь.

– Я не переживаю. Просто... интересно. Привет из прошлого, так сказать. Славик, ты и правда ничего о нем не слышал? Говорили, будто он в аварию попал...

Малютин наморщил лоб, усердно пытаясь вспомнить, после чего покачал головой:

– Может, что и слышал, да сейчас уже не помню. Давно это было?

– Года четыре назад.

– Ну, так это сколько уже времени прошло!

– Да, ты прав.

– Ну ладно, Александра, мне работать надо. Рад был тебя увидеть.

– Взаимно, – искренне ответила я.

– Ты не обижайся, если я что не то сказал...

- Нет, нет, все ты правильно рассказал, Славик.
- И из-за парня того, музыканта, не переживай. У тебя своя жизнь, у него – своя.
- Да, ты прав, прав, – подтвердила я, усердно улыбаясь, хоть слова «у него своя жизнь...» и отозвались в душе болью. Ох, Славик, ничего ты не знаешь...
- Ну, бывай, Александра! Удачи тебе!
- И тебе тоже.

Из этой поездки я привезла больше загадок, чем ответов. Надеялась сложить пусть не целую, но стремящуюся к цельности картину, а получила еще коробку с россыпью пазлов. Ненавижу эту игру. Если однажды кто-то подарит мне ее в качестве новогоднего подарка, сотру его номер телефона из памяти мобильного. Впрочем, может быть, как раз «пазлов» из новой «коробки» и не хватает, чтобы сложить картину?

Дома я первым делом кинулась к компьютеру. Всю эту неделю я думала о том, получила ли я ответ на сообщение, которое написала в день отъезда пользователю, представившемуся Тимом. Я возлагала на этот ответ чуть ли не последние надежды. И еле дождалась того момента, когда наконец-то смогла выйти в Интернет.

Но нет, в моем ящике оказались лишь рекламные рассылки. Было ли то сообщение одним из звеньев цепи анонимок или оно существовало само по себе? Кто его написал? Кто? Я пыталась образумить себя тем, что Тим предпочитал загадкам ясность и не любил интриги, но все равно сумасшедшая надежда наливалась соком, будто созревающее яблоко.

Я выключила компьютер, быстро приняла душ, перекусила чаем с бутербродом и, переодевшись в чистые джинсы и любимую кашемировую водолазку, поехала в офис к Леониду.

Секретарь в приемной сообщила, что Леонид Николаевич занят – разговаривает по телефону, и предложила мне чай, от которого я вежливо отказалась.

В ожидании, когда Лелик наговорится по телефону, я рассматривала приемную со стандартным евроремонтом, скучным, будто прическа балерины – все прилизано, приглажено, разделено на прямой пробор, без изюминки и отхождения от стиля. Секретарша бросала на меня поверх монитора любопытные взгляды, но вопросов не задавала. Я же, вдоволь налюбовавшись на белые стены и серые полки шкафов, принялась рассматривать свой маникюр.

– Можете пройти. Леонид Николаевич освобожден, – наконец-то объявила секретарь.

Я пригладила волосы и уверенно толкнула дверь кабинета Лелика.

– Мартышка! – обрадовался он, поднимаясь из-за стола и протягивая мне навстречу руки. – Как я рад тебя видеть!

– Привет, Лелик! Я тоже рада видеть тебя. Но, собственно, пришла ненадолго. Отвлекать не буду.

– Да ты присаживайся, присаживайся! – засуетился он, обегая стол и придвигая мне стул.

– Спасибо, – чинно ответила я, усаживаясь по противоположную от Леонида сторону стола.

– Ну, как съездила?

– Нормально, Лелик. Погостила у родителей, встретила старого знакомого... Ну а ты как?

– Да тоже ничего.

– Рада. Лелик, я вообще-то пришла, чтобы вернуть тебе это, – с этими словами я выложила на стол коробочку с кольцом.

– Саша, Саша, это подарок! – замахал Леонид на меня руками. – Оставь себе!

– Не могу, – сказала я и так посмотрела на него, что он не стал спорить. Небрежным жестом сбросил коробочку с дорожным кольцом в ящик стола и тяжело вздохнул:

– Эх, Мартышка... Не на такой финал я надеялся.

– Я тоже, – честно ответила я.

– Саш, через десять минут у меня перерыв, если хочешь, пообедаем вместе. И за обедом ты подробнее расскажешь о своей поездке. А я у тебя совета спрошу.

– Какого совета? – заинтриговалась я.

И Леонид смущенно улыбнулся:

– Потом, Саш.

И не успела я что-либо спросить, как дверь открылась, и в кабинет вошел высокий парень в костюме.

– Леонид Николаевич, извините, что прерываю, но вы просили зайти сразу, как только будут новости. Виктор обнаружил вот это, – с этими словами он положил на стол Лелика белый неподписанный конверт. – Мы уже проверили содержимое. Ничего опасного нет, лишь странная записка. На угрозу не похоже. К сожалению, Виктор не видел, кто принес это. Конверт положили еще до его прихода. Но мы работаем, Леонид Николаевич.

– Хорошо, – ответил Леонид и метнул на меня настороженный взгляд. – Ты свободен, Семен. Скажи секретарше, чтобы больше никого ко мне не пускала.

– Есть! – по-военному отсалютовал парень и, еще раз извинившись, направился к двери.

А я, наполняясь едким подозрением, проводила его коротким взглядом и, когда он вышел, схватила конверт.

– Александра, что ты себе позволяешь?! – закричал Леонид.

Но я уже распечатала его и вытащила на свет бумажный листок с наклеенными буквами. «Скоро узнаешь больше», – гласила надпись.

– Что ты себе позволяешь, Леонид?! Откуда у тебя это? Записка была адресована мне, не так ли?

– С чего ты взяла, что тебе? – попытался выкрутиться Лелик. – Конверт не подписан...

– Я уже получила несколько таких «писем» и научилась узнавать их! Я жду твоих объяснений, Леня! Что это значит – «мы работаем...»? Ты что, приставил своих людей шпионить за моей квартирой? Но я тебя об этом не просила!

– Я хотел помочь, Саша!

– Мог бы предварительно спросить у меня, хочу ли я помощи!

– У тебя спросишь, как же. У тебя на все один ответ: «Не надо, я справлюсь сама, это мое дело!»

– Но это и правда мое дело!

– Меня напугали те часы, которые тебе подкинули, Александра! Тебе могли угрожать, и я хотел обезопасить тебя!

– Обезопасить? – изогнула я рот в усмешке. – Я же тебе сказала, что никакой угрозы часы не представляли! Они принадлежали одному близкому мне человеку...

– Да, знаю, твоему бывшему жениху! – горячо выкрикнул он и тут же прикусил язык.

– Откуда ты это знаешь?! Твои brave ребята из службы безопасности успели выяснить и это?

И по тому, как отвел глаза Леонид, я поняла, что попала в точку.

– Саш, ты мне ничего о себе не рассказывала, – принялся оправдываться он. – Я хотел знать о тебе больше: кто ты, откуда, чем занималась раньше. И это было не просто любопытство! Как я понял, у тебя возникли какие-то проблемы, которыми ты не делилась. А мне хотелось помочь! Но для этого надо было узнать о тебе больше.

– Го-осподи, Лелик! Ну как ты не понимаешь? Это неприлично!

Неприлично – лезть туда, куда тебя не просят! Это бестактнее, чем читать личный дневник! Нахальней, чем лезть в мысли! Грязнее, чем подглядывать за парой, занимающейся любовью! Если я не захотела что-то рассказывать, значит, у меня были на это причины! Я себя сейчас так чувствую, будто голой прошла по улице!

– Саш, послушай...

– Не хочу я тебя больше слушать! Звони своим ищейкам и отменяй слежку за мной и моей квартирой! Немедленно!

Леонид хотел возразить, но в итоге не стал спорить. Не спуская с меня взгляда, будто опасаясь, что я выкину что-то выходящее за рамки приличия, он поднес к уху мобильный и приказал:

– Семен, давай отбой.

– Ну, довольна? – спросил он, кладя мобильный на стол. Но я не успела ему ответить, потому что в этот момент входная дверь вновь открылась.

– Света, я же сказал, чтобы ты ко мне никого не пускала! – заорал Леонид.

Но в кабинет вплыла разодетая в меха и крепко надушенная девица, в которой я безошибочно узнала банкирскую дочку.

– Ну что ты та-ак сердишься? Это же я, – пропела Ниночка.

И в этот момент заметила меня. Гневно сверкнув глазами, она развернулась к шумно сопящему Леониду и отрывисто спросила:

– А что здесь делает *она*? Ты же мне сказал, что порвал с ней!

– Не беспокойтесь, Нина. Он вас не обманул. Я уже ухожу.

С этими словами я встала и, не прощаясь, вышла.

На улице, за время моего недолгого пребывания в офисе Лелика, пошел снег. Я остановилась во дворе и подняла вверх лицо. Крупные снежинки падали мне на ресницы, на лоб, на щеки и таяли. Я ловила их горячими губами – холодные кристаллики, соленые на вкус, чтобы остыть немного от kloкочущих внутри и не находящихся выхода противоречивых чувств. Я расплавлюсь, если не остыну. Сварюсь, сгорю, выпарюсь.

Дьявол и святые. Что я до сих пор делаю тут, во дворе этого здания, из окон которого наверняка уже торчат подзорные трубы недремлющей службы безопасности Леонида Николаевича Туманова? Бравые ребята, любители перебрать чужое белье. Интересно, как реагировал Лелик на выкладываемые ему на полированный стол мои «прегрешения»?

Трусики – роман с клятвами в вечной любви, почти переросший в крепкое замужество, бюстгальтер – авария с последующим лечением физических и душевных травм в больницах. Не входит ли в этот список и

больница для душевнобольных? И на десерт – чулки с подвязками – попытка самоубийства (если верить словам Малютина). Что там еще brave ребята из службы безопасности раскопали, эти профессиональные собиратели пазлов в цельные картинки? Может быть, я зря отказалась от их помощи?

Следующие недели оказались на удивление спокойными: без потрясений, без новых записок. Я вставала, как обычно, в семь, собиралась и шла на работу. Отрабатывала смену и возвращалась домой – к телевизору, к диску с Тимкиным голосом, к недочитанной книге. Дважды мне звонил Леонид, но я не отвечала. Несколько раз я сама брала телефон, чтобы позвонить Кириллу, но, набрав его номер, сбрасывала вызов. Я не чувствовала себя готовой к встрече, несмотря на то, что скучала по нему.

Со дня возвращения из поездки я приобрела вредную привычку – вечерами просиживать на сайте «Одноклассники» в ожидании, что появится пользователь, представившийся Тимофеем Лазариным. Но нет, его страница пустовала, не пополнялась новыми сведениями, и я с горечью убеждалась, что была она не чем иным, как пустой обманкой. Но кто ее завел, кто?

Время плавно вошло в декабрь, осень влилась в зиму, на землю наконец-то ковром лег снег.

Закончился мой нелюбимый месяц ноябрь. И я почувствовала некое облегчение, будто дочитала до конца сложную и скучную книгу, которую нельзя было бросить на середине.

Декабрь мне нравился. Он пах, как в детстве, мандаринами, хвоей и новыми надеждами. Я уже давно относилась к встрече Нового года без распространенной истерии «где, как, с кем?». Я снимала с себя груз обязательства провести эту последнюю ночь года как-то по-особенному, и поэтому предновогодняя паника меня не касалась.

В начале декабря я искала подарки родителям, отправляла их (пусть уж лучше придут раньше, чем запоздают в связи с предновогодней горячкой) и покупала что-нибудь приятное себе – новую косметику, книги, диски или пополняла «коллекцию» кашемировых свитеров, к которым питала слабость.

У меня не было привычки строить планы на Новый год и обещать себе начать новую жизнь с первого января. Так же я никогда не подводила итоги.

Но сейчас, оглянувшись назад, вдруг поняла, что, несмотря на те события, которые случались у меня в течение года, к финалу я каждый раз

приходила с одним и тем же багажом, с которым вступала в год. Ни новых приобретений, ни новых потерь, к концу декабря все как-то возвращалось к истоку. И моя жизнь вдруг показалась мне похожей на замкнутую экосистему. Аквариум, в котором вода вроде бы движется по трубке очистительной системы, но по замкнутому циклу. И все остается без изменений.

Вот и сейчас, как бы дождливо ни было на душе, с наступлением декабря все стало приходить в спокойное равновесие.

Но одно событие, однако, все же нарушило выравнивающийся годовой баланс моей жизни.

Тот субботний день я посвятила поискам новогодних подарков родителям и Лейле. Из магазина в магазин, из одного торгового центра в другой. Как в сказке про Машу и медведей: «Ягодка за ягодкой, грибочек за грибочком...» – и я, не сказать, чтобы потерялась, но уехала довольно далеко от дома и очнулась от своих поисков уже ближе к вечеру. Но день был потрачен не зря, я купила все, что искала.

Уставшая, но довольная, я возвращалась домой в маршрутке, заняв не отличающееся безопасностью место рядом с водителем. Под приглушенно играющее радио смотрела в окно на огни вечернего города и представляла, как родители получают посылку, как обрадуется Лейла флакончику любимых духов и шерстяному комбинезону для малыша, и как будет довольна новым пуховым платком старушка Мария Федоровна, у которой я первое время снимала комнату, и как мы будем пить чай с тульскими пряниками, которые она обожала.

Представив, как поеду в гости к Марии Федоровне с подарками, я даже заулыбалась. Водитель покосился на меня одобрительно, видимо, мое лицо в этот момент источало счастье, и сделал радио громче. К счастью, его музыкальные вкусы совпадали с моими: радио было настроено не на волну блатных песен, а на волну радиостанции, форматом которой был русский рок. Как раз шла программа, посвященная новым, еще не открытым талантам. Суть ее заключалась в том, что начинающие музыканты присылали в студию свои записи. И те песни, которые подходили под формат радиостанции, диджей ставили в эфир. А дальше уже голосовали радиослушатели. Выигравшую композицию повторяли «бонусом» в эфире следующей передачи.

Диджей как раз объявлял о новой идее: радиостанция собиралась выпустить сборник, состоящий из десяти лучших песен, прозвучавших в эфире в уходящем году.

– ...Все шансы попасть в счастливую десятку есть и у этой песни – победительницы прошлого эфира.

Я, все еще витавшая в своих мыслях о подарках, не сразу узнала первые аккорды. Они лишь показались мне смутно знакомыми. И только лишь когда услышала голос, замерла.

...И, следуя пророчеству,
Как будто невзначай,
Отраву одиночества
Пьет, как остывший чай...

Это была песня Тима в его исполнении. Я слышала ее на репетициях и концертах, была она и на диске, который сохранился у меня. Эту песню частенько напевал дома Тим и, посмеиваясь надо мной, повторял, что сочинил ее, увидев однажды, как я, еще в период нашей «вражды», гордо марширую мимо него по общежитскому коридору.

Как эта песня попала в эфир? Возможно, Тим отправил ее лично, еще когда делал рассылки по радиостанциям. Но бывает ли такое, чтобы диск с песнями попадал в студию лишь через пять лет? С трудом верится, но чего только не случается. Или?..

– Девушка, вы выходите или вас обратно везти? – прервал раздумья чужой голос. Я вздрогнула и, оглянувшись, поняла, что маршрутное такси прибыло уже на конечную остановку и из пассажиров осталась лишь я.

– Нет-нет, выхожу, – ответила я.

– Вы случайно не проехали свою остановку? – усмехнулся он. – Вы то ли задремали, то ли так задумались, что...

– Нет-нет! К счастью, это моя остановка. Спасибо. И... еще раз спасибо за эту радиоволну.

– Не за что, – отозвался обескураженный водитель.

Домой я почти бежала, поскользываясь и рискуя упасть.

Душа разрывалась от противоречивых чувств: я была одновременно и безумно счастлива, потому что мечта Тима частично исполнилась, и взбудоражена, и переполнена грустью, вызванной воспоминаниями. Мне хотелось и плакать, и смеяться. Кажется, я улыбалась, а на щеках застывали на морозе слезы.

Дома я первым делом бросилась к компьютеру и вошла в Интернет. «Сегодня по радио услышала твою песню!» – написала я на сайт

«Одноклассники» пользователю Тимофею Лазарину. И была в тот момент на сто процентов уверена в том, что отправила сообщение не кому иному, а лично Тиму.

XII

Я так и не побывала в студии радиостанции, в эфире которой слышала песню Тима, хоть и собиралась. Завертелась в рабочих буднях: перед новогодними праздниками дел в агентстве было выше крыши. Хотела съездить туда в субботу, но и эти планы нарушил звонок Марии Федоровны.

– Дочка, когда приедешь в гости? Я так по тебе соскучилась! – призналась она.

И я со стыдом вспомнила, что обещала приехать к ней еще в сентябре, но так и недоехала.

– В субботу, Мария Федоровна! – заверила я. Заодно подарю к Новому году пуховый платок.

– Я куплю тульских пряников! – обрадовалась пожилая женщина. – Жду тебя!

Все было так, как и всегда: черный крепкий чай, вкус знакомых с детства пряников, неторопливая беседа, легкая суета Марии Федоровны, которая немного напоминала мне бабушку, обязательные шерстяные носки в подарок, связанные специально для меня. Мне было очень хорошо в гостях у Марии Федоровны, не хотелось уезжать, но день плавно вливался в вечер, и пора было уходить. Я пообещала старушке вновь навестить ее в новогодние каникулы.

– Да, Сашенька, вспомнила! – воскликнула Мария Федоровна, когда я уже обувала сапоги. – Мне тут звонила одна девушка, разыскивала тебя. Представилась твоей подругой Мариной.

– Когда это было? – удивленно спросила я.

Марина? Та самая Марина, с которой мы не виделись со дня ее окончания института? Без малого пять лет.

– Когда же она звонила?.. Давненько уже. Постой, дай-ка вспомнить. Осенью еще, где-то в сентябре. Да, точно, в сентябре! Я почему запомнила, потому что в тот день меня перевели на новый номер, и это был первый звонок, который я поначалу приняла за проверочный с телефонной станции. Эта девушка позвонила мне и попросила тебя к телефону. Видимо, знала, что ты у меня комнату снимала. И тогда я сказала ей, что ты уже давно живешь по новому адресу...

– Погодите, Мария Федоровна! – взволнованно перебила я старушку. – Не сходится! Вы же сами только что сказали, что позвонила девушка на

новый номер! Откуда он мог у нее быть? Ведь если бы я дала ей номер телефона, то дала бы свой номер, так как уже давно у вас не живу. Зачем бы мне давать ей ваш? Если бы эта девушка считала, что я до сих пор снимаю у вас квартиру, то пробовала бы дозвониться на старый номер. Откуда бы ей знать о том, что номер сменился?

– Ой, я как-то не подумала об этом, – растерялась старушка. – Девушка та мне такой хорошей показалась. Твоей подругой представилась... И я дала ей твой адрес. Сашенька, я сделала что-то не так?

– Все так, не волнуйтесь, Мария Федоровна, – попробовала я успокоить встревоженную бабулю, хоть и сама не могла прийти в себя от охватившего меня волнения.

Мне отчетливо вспомнился день, когда Мария Федоровна позвонила, чтобы сообщить о смене телефонного номера. Я навестила в больнице Кирилла, потом зашла в ближайшее кафе. В этот момент мне и позвонила Мария Федоровна. Я записала на салфетке номер, потом занесла его в память мобильного, а салфетку за ненадобностью бросила в пепельницу. Чуть позже при-ехал Леонид...

Похоже, ответ на все вопросы стоит искать в том кафе. Сейчас мне вспомнилось, как одна из официанток все время бросала на меня взгляды. Ее лицо еще показалось мне смутно знакомым, только я никак не могла вспомнить, где его видела...

– Сашенька, наверное, все же не стоило давать твой адрес? – спрашивала старушка. – Ты вона как разволновалась...

– Разволновалась потому, что мне хотелось бы увидеть эту подругу, – сказала я и почти не обманула. Увидеть того, кто стоит за этими записками, действительно хотелось. – Жаль, она мне не перезвонила. Впрочем, я знаю, где ее искать.

– Тогда удачи, Сашенька! – пожелала Мария Федоровна и привычно перекрестила меня перед дорогой.

Странно, я не волновалась, когда ехала в кафе. Хотя, по логике, должна была с ума сходить от нетерпеливого ожидания. Я лишь лихорадочно пыталась вспомнить, где могла раньше видеть лицо той официантки. В том, что это была не моя соседка по общежитской комнате, я не сомневалась. Марина – хрупкая девочка-дюймовочка, тогда как официантка показалась мне довольно высокой и крупной.

Разволновалась я, лишь подъехав на место. Я даже сразу не отважилась зайти внутрь и осталась стоять снаружи, успокаиваясь и собираясь с мыслями. Уже стемнело, поэтому меня не могли заметить из

кафе. Мне же, напротив, хорошо было видно, что происходит в освещенном помещении.

Я почти сразу обнаружила нужную официантку: она обслуживала крайний столик, ближайший к тому окну, у которого я стояла. Но как я ни пыталась вспомнить, где и при каких обстоятельствах видела эту тетку с оплывшей фигурой и незапоминающимся лицом, на ум ничего не приходило. Можно было, конечно, войти и в лоб спросить ее, где мы раньше встречались, но при таком раскладе я сразу оказалась бы в проигрышной позиции.

И вот в этот напряженный момент у меня зазвонил мобильный. И хоть мне звонил Леонид, я решила ответить на звонок, чтобы еще немного потянуть время и понаблюдать за официанткой через окно.

– Привет, Леня, – поздоровалась я.

И он, обрадованный и обнадеженный отсутствием враждебности в моем голосе, затараторил:

– Мартышка, ну наконец-то! Я тебе звоню, а ты все трубку не берешь! Понимаю, что ты очень рассердилась и обиделась на меня, но давай уж заключим перемирие...

Он говорил еще что-то, просил прощения за свою «самодеятельность». Я же в это время не спускала взгляда с официантки. Вот она принесла счет клиенту и вновь исчезла в глубине кафе...

– Мартышка, прошу тебя, не сердись...

– Я не сержусь, Леня, – сказала я и почувствовала, что и на самом деле больше не обижаюсь на него. С моей души будто упал один из камней. – Только больше так не делай.

– Договорились! – обрадованно прокричал он в трубку.

Официантка вновь направилась к клиенту за столиком возле окна. Ну, где же я ее видела раньше? Ведь видела же, определенно!

– ...Так поможешь мне, Мартышка?..

– Что? Прости, Леня, я не расслышала.

– Я не вовремя тебе звоню? У тебя голос рассеянный. Ты занята?

– Как тебе сказать... В данную минуту я стою под окнами того кафе, в котором ты сделал мне предложение, и наблюдаю за одной из официанток. Предполагаю, что это она подкидывала мне записки.

– Что ты говоришь! Расскажи!

– Потом, Лелик. Впрочем, и рассказывать пока нечего. Мне нужно войти в кафе и разговаривать эту девицу, а моя решимость куда-то подевалась. Даже не знаю, как начать разговор... Да и удобно ли в кафе?

– Хочешь, я тебе помогу?

– Как?

– Я бы попросил моих людей подкараулить ее возле кафе и привезти в мой офис...

– Что за бандитские методы, Леонид, – похищать человека! – перебила я его, смеясь. – Еще предложи выжать информацию силовыми методами. Нет, Лелик, я уж как-нибудь сама. Лучше скажи, что у тебя за просьба.

– Мне нужен твой совет. У Нины скоро день рождения. Я приглашен... «Еще бы!» – весело фыркнула я про себя.

– Я хочу выбрать ей подарок, но такой, чтобы не опростоволоситься. Сама понимаешь, дочь банкира... Я купил бы какое-нибудь ювелирное украшение, что-нибудь такое изящное, со вкусом, но мне нужен женский совет. Могла бы ты съездить со мной в ювелирный?

В этот момент официантка, прощаясь с расплатившимся посетителем, улыбнулась. В улыбке некрасиво оголились десны и крупные зубы, и мне вспомнилась фраза Тима: «Людка, когда улыбается, на лошадь похожа».

– Людка! Это она!

Одноклассница Тима, влюбленная в него еще со школы, которую я однажды встретила в подъезде Юлиного дома. Я с удивлением всматривалась в эту оплывшую, будто парафиновая свеча, тетку, выглядевшую хорошо за сорок. Неужели она ровесница Тима? Ей никак нельзя дать тридцать один год!

– Прости, Мартышка?..

– Я не тебе, Леня. О чем ты меня попросил? Съездить с тобой в ювелирный и выбрать подарок Нине? Без проблем, среди недели – вся твоя. Но сейчас мне нужно идти. Пока!

С глухо бьющимся сердцем я вошла в кафе и села за тот самый столик возле окна, который еще минуту назад занимал другой клиент. Я успела заметить, что Людмила ушла в глубь помещения, и села к залу спиной, так, чтобы она не сразу меня узнала.

В ожидании, когда она ко мне подойдет, я достала из сумочки фотографию Тима и его часы, которые носила с собой. Выложила все это на стол и прикрыла раскрытой картой меню.

– Выбрали уже? – услышала я над ухом через некоторое время, и волнение плеснулось на мои щеки кипятком румянца.

– Да, – сказала я, не поднимая на официантку взгляда. И взяла в руки карту меню, открывая часы и фотографию. По тихому оханью я поняла, что цель достигнута. Я наконец-то подняла глаза на растерявшуюся женщину и весело поздоровалась:

– Привет, Люда! Тебя ведь, кажется, Людмилой зовут, да?

– Чего тебе надо? – недружелюбно отозвалась она, не спуская взгляда с фотографии и часов.

– Кофе, – ответила я то, что она совсем в этот момент не ожидала услышать. – Капучино. Только корицу не добавляй, пожалуйста. Не люблю корицу!

Людмила метнула на меня злой взгляд и, поджав губы, ретировалась выполнять заказ. Возле стойки она что-то сказала второй официантке, кивнула на столики с другими посетителями и вернулась ко мне, неся на подносе чашку с кофе.

Корицу она, конечно же, положила. Щедро, что называется, от души.

– Спасибо, Люда, – я проигнорировала ее мелкую пакость, будто и не заметила. – А не присядешь ко мне? Хотелось бы выпить кофе в компании старой знакомой, с которой мы не виделись... Сколько же лет мы не виделись, Люда?

– Зачем ты сюда пришла? – сквозь зубы спросила она, продолжая нависать надо мной огромной бесформенной фигурой.

– Как зачем? Кофе выпить! Вкусно! Надеюсь, яду ты сюда не подлила? А за подарки тебе спасибо. Я их себе оставлю, не возражаешь? На память.

И я под ее напряженным взглядом убрала часы и фотографию обратно в сумочку. Людмила, уж было протянувшая руку, чтобы сгрести вещи с моего стола, сжала толстые пальцы в кулак.

– «На память»! – ядовито передразнила она. – Не ври! Не думаешь ты больше о Тимохе! Замуж, вон, собираешься! И не простого мужичка себе отхватила, а такого, крутого. На машинке дорогой, да? Принцесса ты наша! По кафе ходишь, пирожные кушаешь, с богатеньким амуры крутишь!

– Это мое дело, с кем «амуры крутить», – холодно бросила я.

И Людмила, сузив бесцветные глаза, с презрением выплонула:

– Шалава! Тимке небось в вечной любви клялась, да? Грош цена твоей «любви» в таком случае! А тут как раз богатенький подвернулся...

– Завидуешь? – Я насмешливо посмотрела на Людкино простоватое лицо, пылающее сейчас, как огонь.

– Очень надо, – дернула она плечом и, резко наклонившись ко мне, зашипела: – Я, дрянь, никогда не забуду, что из-за тебя погиб Тимоха! Это ведь ты его погубила, ты! Что, уже не помнишь? Зря, конечно, тебя в «дурке» уколами залечили до того, что тебе память местами отшибло. Надо было все оставить так, как есть, чтобы ты помнила, жила и мучилась виной. Ну, ничего, я тебе напомню.

– Напомнишь, – согласилась я, из последних сил стараясь выглядеть спокойной. – Только, если, конечно, не захлебнешься ненавистью и не

отравишься собственным ядом. А записки в следующий раз шли более информативные. А то складывается впечатление, будто у тебя проблемы с выражением мыслей. Вот взяла бы и написала мне подробное письмо, мол, так и так, Саша, голова дырявая, забыла ты какие-то вещи, так я тебе сейчас их напомню. И дальше – по списочку... И ты ради того, чтобы подкинуть мне эти глупости, специально с работы отпрашивалась и тащила в противоположный конец Москвы? Я польщена, Люда, таким вниманием к моей персоне.

– Еще чего! Стала бы я ради тебя работой жертвовать! Племянника просила. Учти, он несовершеннолетний! Если вздумаешь в милицию заявить...

– Много чести! – фыркнула я. – Скажи только своему племяннику, чтобы страничку с Тимкиной фотографией с «Одноклассников» убрал. Ведь это он ее завел? Специально для того, чтобы мне сообщения от имени Тима писать? Так вот, мне будет достаточно и ваших записок в почтовый ящик. Персонально адресованных. Сайт же – публичное место. Мне плевать, что ты пишешь про меня и мне. А вот Тима не тронь!

– «Тима не тронь!» – ехидно передразнила Людка. – Тебе ли говорить! Не любила ты его, раз забыла так быстро! А вот я, представь себе, не забыла! Я любила его и люблю! Как же я тебя ненавижу! Я все о тебе знала, следила за каждым твоим шагом, пока ты в Москву не укатила! Умыла руки, так сказать. Натворила дел и сбежала! Забыла и о Юльке, и о Тимке, уехала жизнь новую налаживать! Принцесса! Ну почему он, почему не ты?

Забывшись, она уже почти перешла на крик. Я, не мигая, смотрела на нее. И в моей душе поднималась удушливая волна гадливости. Мне до такой степени захотелось вцепиться Людке в выбеленные кудри, что я, дабы удержаться, с силой сжала пальцы в кулаки. Ногти больно впились в ладони, и это немного отрезвило меня. На нас уже оглядывались посетители. Краем глаза я заметила, что из служебного помещения вышла женщина в костюме и направилась к нам.

– Ну, ничего, все тебе аукнется, припомнится! Не здесь, так там, – уже в полный голос заявила Людка.

– За мои дела мне и отвечать, – ответила я (ох, чего мне стоило держаться с такой невозмутимой холодностью, а не отхлестать Людку по щекам за ее жгучие, как крапива, слова). – Но я в отличие от тебя счастлива. Потому что Тим меня любил. Ты ошибаешься, думая, что я о нем забыла. Со мной остались его любовь, его голос на диске, его прикосновения и все наши счастливые воспоминания. У тебя же ничего

этого нет! У тебя осталась лишь ненависть! Тебе даже вспомнить нечего! Твоя отвергнутая им любовь засохла, как цветок без воды! А моя живет, потому что он принял ее всем сердцем! И его любовь хранит меня! Ты не знаешь, что такое быть счастливой, Люда, ты просто несчастная отвергнутая баба. Тебя пожалеть надо...

– Не надо меня жалеть! – взвизгнула она.

– Что здесь происходит? – строго спросила женщина в костюме.

И прежде чем Людка успела что-либо объяснить, я, не моргнув глазом, ответила:

– Да вот, попросила вашу официантку не добавлять мне в кофе корицу, потому что у меня на нее аллергия, а она добавила. А когда я попросила заменить, принялась возражать и оскорблять.

Женщина в костюме метнула на Людку ледяной взгляд и сухо приказала:

– Людмила, принеси кофе, как тебя просили. А после поговорим.

– Нет-нет, спасибо. Я уже не хочу кофе, – быстро возразила я, выложила на стол сторублевку и поднялась. – Кафе ваше уютное, кофе тоже, надо полагать, вкусный, только вот обслуживающему персоналу стоит поучиться вежливости. Пожалуй, я выберу другое место, с более вежливыми официантками.

С этими словами я чинно удалилась. Похоже, Людке грозят неприятности, но мне нисколько не было ее жаль.

На улице я наконец-то смогла дать волю своим истинным чувствам. Мне больше не нужно было притворяться невозмутимой, холодной, стержневой. Мне было больно, больно почти физически. Я присела на корточки, прислонилась спиной к стене какого-то дома, и, закрыв ладонями лицо, застонала.

Мне причиняли боль не столько Людкины обвинения, сколько осколки разбившейся надежды. За туманными намеками в записках таилась лишь банальная зависть и ненависть. Пустые намеки, созданные лишь для того, чтобы вывести меня из душевного равновесия. Лейла оказалась права.

– Девушка, вам нехорошо? – спросил у меня кто-то. Я отняла ладони от лица и увидела женщину в возрасте, которая участливо склонилась ко мне.

– Немного. Голова сильно болит, – призналась я.

– Здесь аптека неподалеку, вон за тем углом...

– Спасибо, – поблагодарила я, встала на ноги и послушно, словно зомби, побрела в сторону аптеки.

Очередь передо мной двигалась очень медленно, хоть и состояла из

нескольких человек. Старушка возле окошка долго выспрашивала женщину-фармацевта обо всех покупаемых лекарствах: эффективны ли, не поддельные ли и нет ли чего подешевле. Я скучающе рассматривала стены, обклеенные рекламными плакатами. Средства контрацепции, успокоительные средства, лекарства от гастрита...

Девушка, стоящая в очереди передо мной, попросила снотворное. И я невольно прислушалась к разговору:

– Мне бы такое, чтобы было эффективным, но при этом не вызывало сонливости в течение дня...

– Попробуйте вот это – «Баюн», – фармацевт выложила перед посетительницей коробочку, изображенную на одном из рекламных плакатов. Точно такую же рекламу, только уменьшенную до журнальной страницы, мне подкинула Людка. – Достаточно эффективное.

И в моей памяти неожиданно всплыла картина. Я сижу на кухне и, обнимая холодную батарею, захлебываюсь отчаянием. Мне не хочется жить без Тима. Я кричу, обвиняю его в том, что он оставил меня одну. Потом, будто во сне, спускаюсь на улицу, иду в ближайшую аптеку и покупаю снотворное. «Мне самое эффективное, пожалуйста». «Вот это хвалят. Не вызывает дневной сонливости», – с этими словами фармацевт протягивает мне картонную коробочку.

Славик Малютка был прав: я действительно пыталась уйти из жизни. К Тиму. Но, наглотавшись таблеток, ушла не к нему, а в свой ад. Тогда впервые и увидела сон-видение с заснеженным полем и корягой. Сон-мука, в котором не было Тима и в котором я чуть не осталась навечно. Меня спас рано вернувшийся домой отец.

– ...Девушка, подходите! Не задерживайте очередь!

Обрацались ко мне. Я вздрогнула и с виноватой улыбкой посмотрев на фармацевта, покачала головой:

– Нет, я передумала.

И быстро вышла на улицу.

Я возвращалась домой в метро и думала о том, что из всех записок, подкинутых Людкой, самой правдивой оказалась та, которой я и не придавала значения. Я строила свои предположения, подозревая, что Юлия меня обманула. Но сейчас выяснилось, что те записки оказались обманками, пустой породой, а золотом-то оказалась совсем непримечательная на первый взгляд журнальная вырезка с рекламой снотворного средства. Значит ли это и то, что календарь тоже имеет подобную ценность?

Раньше я рассматривала записки в том хронологическом порядке, в котором мне их подкинули. «Забыла уже?», фотография со студенческого концерта и «Вспомни», журнальная вырезка, календарик, «Юлька тебя обманула», часы, газетная заметка об аварии с фразой «Юлька знает больше!» и последняя записка, которую изъяли brave ребята Леонида, – «Скоро узнаешь больше». Но сейчас я мысленно отбросила записки-обманки, клеветущие на Юльку, и выстроила оставшееся в том порядке, в каком происходили события в жизни.

Фотография со студенческого концерта, часы Тима, разбитые в аварии, заметка о ДТП, записка «Юлька тебя обманула» (так уж и быть, оставлю ее в этом ряду, ведь Юля первое время скрывала от меня гибель брата), реклама снотворного, которое я приняла, чтобы уйти следом за Тимом. Оставался лишь календарь с рекламой зубной пасты... Ему должно быть место в этом ряду! Я мысленно ставила его между другими «подсказками», словно пыталась подобрать код от сейфа моих воспоминаний. И вот, когда я мысленно поставила календарик между фотографией с концерта и разбитыми часами, все встало на свои места. Мне вспомнился эпизод четырехлетней давности, расплывчатый и смутный, как отражение в подернутом рябью озере.

* * *

...Я сидела в дерматиновом кресле в коридоре какого-то учреждения с развешанными на белых стенах рекламными плакатами, ратующими за здоровый образ жизни. И в ожидании кого-то без интереса рассматривала щедро рассыпанные на стоящем рядом с креслом низком столике рекламные буклеты. Мимо меня, звонко цокая каблуками по отмытому до блеска плиточному полу, прошли две женщины.

– ...Виктор Петрович такие чудеса творит! Моей знакомой врач бесплодие ставили, а после лечения у этого доктора она почти сразу же забеременела, – донесся до меня обрывок фразы одной из женщин.

– Виктор Петрович – моя последняя надежда! – горячо воскликнула вторая. – Восемь лет забеременеть не могу. После неудачного аборта в юности...

Я проводила женщин глазами и вновь принялась рассматривать рекламные буклеты. «Только не думай, не думай!» – мысленно повторяла себе и, чтобы прогнать непрощенные мысли, принялась считать. До ста, а потом – в обратном порядке. «Уже все решила... двадцать три, двадцать

четыре... Назад ходу нет... Двадцать восемь, двадцать девять... Все будет хорошо... Тридцать три... Может, уйти, пока не поздно?..»

Краем глаза я заметила, что в коридор вышла молодая женщина в голубом халате и с ведром и шваброй в руках. Остановившись неподалеку от меня, она принялась с усердием протирать и без того чистый пол. «Стерильно, как в операционной», – отстраненно подумала я и вновь вернулась к рекламкам. Почти во всех буклетах, в художественном беспорядке разбросанных по столу, реклама была тематической: противозача-точные таблетки, новые медицинские технологии в сфере гинекологии и витамины для беременных. Только один календарь, который я вытащила из общей кучи листовок, оказался с рекламой зубной пасты. «Почему зубная паста? – с некоторым удивлением подумала я. – В клинике же нет стоматологии...»

Женщина, моющая пол, в какой-то момент выпрямилась, чтобы обмакнуть швабру в ведро, и в этот момент мы встретились с ней взглядом. «Чего она на меня так вытаращилась?» – подумала я, заметив, что уборщица задержала на мне удивленный взгляд и даже на какое-то время бросила свое занятие. Ее лицо показалось мне смутно знакомым, но я не успела вспомнить, где же могла его видеть, потому что в этот момент меня окликнула другая девушка – в белом крахмаленном халате.

– Пойдемте?

Я поднялась из кресла и только тогда обратила внимание, что все еще продолжаю сжимать в руках календарь.

– Скажите, а почему – зубная паста? Не в тему же?

Мне хотелось говорить о чем угодно, только не о том, что имело отношение к тому, ради чего я сюда пришла.

– Зубная паста? – удивилась девушка, в первый момент не поняв, о чем я.

Но, увидев в моих руках календарик, засмеялась, показывая безупречные зубы, достойные рекламировать пресловутую пасту.

– Так это один из наших спонсоров!

И, оглянувшись на уборщицу, звонко крикнула той:

– Людмила, можешь убрать в кабинете у Андрея Игнатьевича. Он уже закончил.

Я поднималась на свой этаж, а мне казалось, будто спускалась на самое дно отчаяния. Вспомнив эпизод с календарем, я восстановила в памяти и то, что ему предшествовало, и о том, что случилось потом. Людка была права в своих обвинениях. Из-за меня погиб Тим. Смогу ли я это

забыть?

* * *

...До нашей свадьбы оставался месяц. Я уже некоторое время чувствовала себя довольно странно: была рассеянной, забывала самые простые вещи, постоянно хотела спать, но свое состояние списывала на предсвадебное волнение.

Однажды во время телефонного разговора с Юлией я пожаловалась на жуткое отравление: уже второй день подряд меня тошнило от любой еды. Даже от воды и чая.

– Когда у тебя были последние месячные? – спросила она, и я в первый момент удивилась вопросу, который посчитала совершенно не в тему.

– Ну-у... – задумчиво протянула я, пытаюсь вспомнить. За занятостью – подготовкой к сессии и свадьбе – совершенно не обратила внимания на то, что мои месячные так и не начались.

– Понятно, – весело сказала Юля, хоть я ей ничего вразумительно и не ответила. – Сделай тест, Саша.

Тест показал две полоски.

Немного неожиданно, ведь мы еще не планировали детей: я только заканчивала второй курс, значит, мне придется на время оставить учебу. К тому же наши финансовые дела на тот момент были не блестящи: из музыкальной группы Тима ушел один гитарист, а барабанщик лежал с воспалением легких, поэтому выступления по ресторанам и барам, которые приносили основной доход, пришлось отложить.

Но тем не менее мне казалось, что Тим обрадуется новости. В тот день я сдавала последний экзамен и с разговором решила подождать до вечера.

Экзамен я сдала блестяще, у меня будто открылось второе дыхание. Давно не испытывала такого духовного и физического подъема. Видимо, ощущение того, что во мне зародилась новая жизнь, фантастическим образом подействовало на мое самочувствие. Даже тошнота отступила. Я еле дождалась прихода Тима с работы. И когда слышала скрежет ключа в замке, вылетела в коридор встречать его. Тим вошел улыбаясь и заключил меня в объятия.

– Сашка, у меня такая потрясающая новость!

– У меня тоже есть новость... – счастливо прошептала я, обнимая и целуя его.

– И что за новость? – нетерпеливо спросил он.

– Потом, потом, сначала ты, первый.

Свое известие я решила приберечь «на десерт», потому что считала его гораздо важнее того, что мог бы сообщить Тим.

– Хорошо, я первый, – согласился он. – Но у меня есть к тебе серьезный разговор. Очень серьезный.

– Что-то случилось? – встревожилась я, напуганная тем, что его лицо, еще секунду назад счастливо сияющее, приняло озабоченное выражение.

– Нет, нет, но, впрочем... Давай присядем.

Тим обнял меня за плечи, проводил в комнату и усадил на диван.

Его новость была и в самом деле потрясающей. Диск с записями, который он отправил еще осенью, попал в руки одному московскому продюсеру и очень ему понравился. Сегодня Тиму позвонили из Москвы, предложили записать альбом и пообещали серьезную раскрутку.

– Сашка, ты даже представить себе не можешь, как я счастлив! – говорил он, обнимая и целуя меня. Я тоже смеялась от радости. – Это шанс, который дается лишь раз! Честно говоря, я уже потерял всю надежду, думал, что всю жизнь буду играть здесь по барам и ресторанам.

– Нет, нет! Я всегда верила в тебя! Теперь ты станешь звездой! Настоящей звездой – я в этом не сомневаюсь. Запишешь диск в Москве, у тебя будут концерты и...

И осеклась, внезапно поняв весь смысл новости, на первый взгляд казавшейся такой фантастической, блестящей. Тим понял, почему я резко остановилась, будто с разбегу наткнулась на стену.

– Об этом я и хотел поговорить с тобой, Саша, – тихо и серьезно произнес он. – Мне нужно будет поехать в Москву.

– Когда собираешься уехать? – спросила я одними губами.

Тим помолчал, словно собираясь с духом, и, разом решившись, ответил:

– На следующей неделе. Ребята из группы уже знают.

– Но... Наша свадьба?

– Саш, – начал Тим, беря мои ладони в свои. – Сашка, моя любимая, давай отложим свадьбу ненадолго? Не отменим, а лишь отложим. Обещаю, что мы поженимся. Я тебя очень люблю, не сомневайся в этом. Если бы ты знала, как тяжело мне сейчас делать выбор...

– Выбор – музыка или я? – усмехнулась я.

– Нет, нет! Я не так хотел сказать! Ты же знаешь, что я тебя люблю. А музыка...

– Музыка для тебя – все, – перебила я его, горько усмехаясь.

– Ты для меня все! – горячо воскликнул он.

– Тогда почему не предлагаешь мне поехать с тобой? – прямо спросила я, вспоминая разговор с мамой, в котором она выразила сомнения по поводу того, что Тим взял бы меня с собой в столицу.

Он встал и зашагал по комнате. Я молча, в каком-то отупении, в котором увязли все мои мысли, наблюдала за ним, ожидая ответа. Тим так же резко, как и встал, сел обратно на диван и обнял меня за плечи.

– Саш, сама понимаешь, что первое время мне придется обжигаться в столице: искать жилье, какую-то подработку... – начал он, глядя мне в глаза.

Я слушала его, но слышала слова матери: «...Не будь такой наивной, дочь. В столице у Тима будет другая жизнь: поклонницы, вечеринки, легкие связи. А ты станешь ему не нужна...»

– ...И как только я сниму квартиру, приглашу тебя.

– Когда? – спросила я.

Так легче ждать, зная, что разлука имеет четкие границы, а не растягивается до эфемерного «когда-нибудь». Если бы Тим назвал срок, мне стало бы чуть-чуть легче.

– Не знаю, Саш. Как получится, – честно сказал он после затянувшейся паузы, во время которой я надеялась прочесть в его глазах ответ, который бы меня успокоил.

Но нет, в глазах Тима я видела ту же растерянность.

– Понятно...

– Эй, Сашка! Ты чего насупилась? Подумала, что я тебя бросаю? – угадал он мои мысли. – Ничего подобного! Музыка для меня важна, но ты – дороже. Если скажешь «нет», я никуда не поеду! Клянусь! Мы не станем отменять наших планов, поженимся, как и планировали, через месяц...

Я заглянула в его глаза и поняла, что он и в самом деле остался бы, если бы я попросила. Но смогла бы я одним своим «нет» поставить крест на мечте его жизни? Мое счастье полностью связано с его. А без музыки Тим никогда не стал бы счастлив. Она была для него воздухом, которым он дышал, водой, которую он пил.

– Нет, Тим, поезжай, – твердо сказала я, хотя душа разрывалась от боли. Мне отчаянно хотелось плакать, но я улыбалась. – Такой шанс дается лишь раз. Я не имею права лишать тебя мечты.

– Сашка, ты не представляешь, как я тебя люблю! – воскликнул он, заключая меня в крепкие объятия. – Вот увидишь, я скоро пришлю тебе билет, и ты приедешь ко мне в Москву! Только найду место, где мы будем жить, и немного обживусь.

– Москва – дорогой город. Но у нас есть сбережения – деньги, которые

мы отложили на свадьбу. Думаю, тебе хватит на первое время, да?

– Не «тебе», а нам! – поправил он меня.

И мы оба старались поверить в то, что так оно и будет.

– Саша, ты сказала, что у тебя тоже есть новость, – спохватился Тим после долгой паузы.

– Нет, ничего особенного, – натянуто улыбнулась я. – Просто... Просто я хорошо сдала сессию! И у меня каникулы!

Ночью я так и не смогла уснуть. Тим умиротворенно дышал рядом, ему, вероятно, снились его первые концерты в столице. А я задыхалась от бессильных слез. Насмешка судьбы. Чтобы исполнилась заветная мечта Тима, мы должны были принести ей в жертву нашу любовь.

Я тихо встала и на цыпочках вышла в коридор. Постояла, прислушиваясь, не разбудила ли Тима, и осторожно открыла входную дверь.

Летняя ночь была успокаивающей, густой и пряной, как травяной настой. Я бродила вокруг дома, наматывая бесконечные круги. И, вдыхая воздух, напитанный летними ароматами, искала решение.

С одной стороны, я понимала, что мечта Тима отнимет его у меня. У него будет другая жизнь – столичная, успешная, расписанная по минутам, принадлежащая не ему, а публике. Концерты, записи, интервью, доступные поклонницы и новые соблазны... Слова матери о том, что я стану ненужной Тиму в его новой жизни, не выходили у меня из головы. И сейчас я верила ей, а не Тиму. «Хорошо еще, если он тебя беременной не оставит...» – высказала тогда мама еще одно опасение, оказавшееся теперь пророческим. «Я тебя предупреждала, что этим и закончится!» – предсказуемо сказала бы она сейчас, если бы я обратилась к ней за помощью. И Тима тут же поставили бы в известность о моем положении.

Но если он узнает о моей беременности, никуда не поедет и всю оставшуюся жизнь будет жалеть об упущенном шансе. Нет, он не станет упрекать меня и постарается скрывать свою тоску. В этом случае он станет пленной птицей, лишенной возможности летать. Я не могу лишиться его мечты как раз потому, что люблю его слишком сильно.

Глотая слезы, я наматывала круги вокруг дома, в котором мы были так счастливы, в котором строили столько планов. Дом, в котором мечтали о том, что однажды в нашу дверь постучится шанс. И вот он постучался. Не вовремя. Шанс всегда стучится не вовремя. И лишь один раз.

Круг за кругом. Круги ада. Муки, в которых рождалось единственно

верное решение, которое, напиваясь слезами и болью, лишь крепло.

Я поднялась на наш этаж, бесшумно вошла в квартиру и так же тихо скользнула в постель, нагретую Тимом и пахнущую им.

– Я тебя очень люблю, – прошептала я, обнимая спящего Тима. – И всегда буду любить. Больше жизни.

Утром, когда Тим ушел на работу, я спустилась к киоску с прессой и купила газету. Выделив фломастером на странице объявлений пять-шесть нужных, я по очереди обзвонила их. После чего отправилась на кухню, выпила две чашки чая пополам со слезами и вновь взялась за телефон.

– Юль, привет! Мне нужна твоя помощь. Ты не одолжишь мне немного денег?

Сестра Тима встревожилась и спросила, что случилось. Я старательно-беззаботным тоном отвечала, что все в порядке, просто мне захотелось сделать Тиму подарок и пригласить его в ресторан, чтобы отметить мою успешно сданную сессию.

– Странное желание, – проворчала Юлия, не поверив мне.

Но все же пообещала мне деньги.

– Спасибо, Юлечка! – беззаботно прощебетала я в трубку.

До Юлиного поселка всего полтора часа езды на рейсовом автобусе. Я успела съездить туда и обратно еще до прихода Тима. Юлия денег мне одолжила, но, похоже, не очень поверила в мою версию про подарок.

– Сашка, кажется мне, что ты темнишь, – сказала она мне на прощание.

– Юлечка, да не темню я! – рассмеялась я, хотя в душе рыдала.

– Постой, Саш, ты мне так и не сказала, сделала ли тест на беременность?

– Сделала, – притворно вздохнула я. – Да что толку? Отрицательный. Да и месячные позавчера начались.

В выбранной клинике мне сказали, что если сделать аборт утром, вечером я уже буду дома. Я записалась на следующий день. И как только Тим ушел на работу, собралась и поехала в клинику.

В операционной я разрыдалась. Не так должна была закончиться наша счастливая история. Не так. Свет круглых операционных ламп, стол-кресло, капельница и люди в масках... В этих декорациях наш малыш должен был родиться, а не умереть.

– Девушка, не бойтесь, операция несложная. Вы ничего и не почувствуете! Заснете, а когда проснетесь...

- Это не должно было закончиться так, – прошептала я.
- Если вы передумали... – начала операционная сестра.
- Нет! – решительно перебила я ее.

Очнулась я от телефонного звонка.

– Она уже в палате, – тихо произнес знакомый голос. – Все закончилось, Юль...

Я резко открыла глаза и увидела рядом с собой Тима, разговаривающего по мобильному телефону.

– Ты?.. Что ты здесь делаешь?!

Я лежала на жесткой неудобной кровати. Низ живота тупо ныл, а сухой и шершавый язык, казалось, царапал небо.

– Сашка, что же ты наделала...

Лицо Тима было белым, словно гипсовая маска. И мне невольно вспомнилось, что таким бледным я видела его лишь однажды – от боли, когда он обжег руку маслом.

– Уже поздно, Тим, – сказала я и отвернулась. Мне не хотелось, чтобы он увидел, что я плачу.

– Сашка, глупая... – он наклонился ко мне, обнял и уткнулся лицом мне в плечо.

Так мы и провели с ним сколько-то времени – молча обнимаясь. Позже Тим рассказал, что утром ему позвонила встревоженная Юлия и сказала, что беспокоится за меня, подозревает, что я задумала что-то нехорошее. Она не поверила в версию про ресторан и подарок, а мой нарочито беззаботный тон лишь укрепил ее подозрения.

То ли Юлия обладала кошачьей интуицией, то ли я оказалась такой плохой актрисой, что не смогла разубедить ее, что затевается что-то нехорошее, но, промаявшись полночи, она решила позвонить брату и рассказать ему о своих тревогах. Тим, заразившись ее беспокойством, принялся мне названивать. Я, понятное дело, не смогла ответить. Оставив работу, Тим бросился домой, не застал меня там, а нашел забытую мной газету с обведенными красным фломастером объявлениями коммерческих клиник, делающих аборт. Пока он объехал все клиники, пока нашел меня, стало слишком поздно.

- Тим, мы все уже решили. Раньше. Ты едешь в Москву...
- Я бы никуда не поехал, если бы ты сказала, что беременна!
- Поэтому и промолчала. Я хочу, чтобы исполнилась твоя мечта.
- Но не такой ценой! Не такой ценой, Сашка!
- Хватит, не говори больше ничего.

И я вновь расплакалась.

Вечером меня действительно отпустили из больницы. Меня качало от слабости, тошнило, но я предпочла восстанавливаться дома. Тим, бережно поддерживая меня под локоть, вывел в больничный двор, усадил в машину и, сев рядом на водительское сиденье, повернулся ко мне:

– Я люблю тебя, Саш. Больше музыки. Больше жизни.

И, нажав на педаль газа, повел машину. Навстречу смерти.

Я, закрыв глаза, сидела на корточках на лестничной площадке между этажами. До моей квартиры оставался всего лишь пролет, но у меня не оставалось сил для того, чтобы преодолеть это ничтожное расстояние. Я представляла, как войду сейчас в квартиру и захлебнусь концентрированной смесью отчаяния, вины и одиночества, как уже захлебнулась однажды.

– Сашка, ты чего? – вдруг услышала я над собой испуганный голос.

Открыв глаза, увидела Лейлу и ее мужа Серегу, которые нависали надо мной двумя бесформенными из-за надетой теплой одежды фигурами.

– Я – ничего, – пространно ответила я.

– Сашк, ты пьяная? – присел рядом со мной на корточки Серега. – Или тебе плохо?

– Нет, не пьяная. И мне... Нет, мне не плохо.

С этими словами я встала на ноги и принялась подниматься по лестнице. Меня тошнило и качало так, будто я действительно перебрала лишнего.

– Саш? – испуганно окликнула меня Лейла.

– Все хорошо, Лейла. Не беспокойся.

Я зашла в свою квартиру и присела на тумбочку для обуви. Мне действительно было плохо.

Душевная боль трансформировалась в физическую, которая, разлившись от сердца ко всем органам, разъедала, будто кислота, каждую клеточку. Было ли мне так же плохо *тогда* или было еще хуже? Я не оправдывала себя за то, что от отчаяния и груза вины решила прервать ставшую бессмысленной без Тима жизнь. Тогда вечная мука, как расплата за мой грех самоубийства, казалась мне гораздо легче вины, пустившей метастазы в мозг, сердце, душу. Я сейчас понимала себя – *ту*, потерявшую веру двадцатидвухлетнюю девчонку.

Голова раскалывалась от боли, и я, не снимая сапог и пальто, прошла на кухню, налила в стакан воды из-под крана и достала из шкафчика аптечку. Таблетки от головной боли я сегодня так и не купила, но, может

быть, что-то обнаружится в старых запасах? Противопростудные порошки, активированный уголь, таблетки от кашля, флакон йода и запечатанный стерильный бинт... Все не то, не то.

Я нетерпеливо вытряхнула содержимое аптечки прямо на стол. И в этот момент раздался резкий звонок в дверь. Я поколебалась – открывать или нет. Кажется, «общения» на сегодня хватит, но в дверь вновь позвонили. Этот звонок был даже не настойчивым, а каким-то агрессивным. Кто-то, кто выжимал из моего звонка истеричные ноты, потерял терпение и затарабанил в дверь.

– Сашка, открой! – услышала я приглушенный женский голос, полный тревоги.

Я метнулась к двери и распахнула ее.

– Ну и что за пожар приключился? – с сарказмом спросила я, увидев на пороге Лейлу, но тут же осеклась.

Вид у подруги был, мягко говоря, странный. Головной платок сбит на бок, и волосы, неряшливо выбившись из прически, прядями липли к влажному от пота лицу. Вытаращенные глаза и поддрагивающие губы, будто Лейлу что-то очень сильно напугало.

– Что случилось, Лейлочка? Что с тобой?

– Не со мной, а с тобой! – непривычно звонким голосом выкрикнула подруга и, потеснив меня, решительно шагнула в квартиру и отправилась на кухню. – Что ты задумала?!

– Ничего, – оторопело ответила я, все еще не понимая, что за оса ужалила Лейлу.

– А вот это вот что?! – указала она на рассыпанные по столу лекарства. – Что ты собралась сделать?!

– Выпить таблетку от головной боли...

– Сколько? Одну, две, три? Упаковку?

– Лейла, черт возьми! Сядь и успокойся! Не знаю, что за бес в тебя вселился! У меня голова раскалывается, я только собиралась выпить таблетку! А ты что подумала?

– Ты меня очень напугала, – чуть спокойней ответила подруга, присаживаясь на табуретку и переводя дух. – Там, на лестничной площадке. Ты была такая... Обреченная. И мне показалось... Не сразу, чуть позже, когда я уже вошла в свою квартиру. Я видела плохой сон. Про тебя. Я редко вижу сны, но они всегда... сбываются. Поверь мне на слово.

– Верю, – кивнула я, дабы не спорить с разнервничавшейся Лейлой.

– Я видела, будто ты в сильном отчаянии открываешь окно и прыгаешь. Я весь день гнала от себя воспоминания об этом и только к

вечеру более-менее успокоилась. Но, возвращаясь с Сережей с прогулки, встретила тебя в подъезде, вспомнила свой сон и встревожилась не на шутку. А как увидела это... – И она красноречиво покосилась на рассыпанные по столу лекарства.

– С ума сошла?! Зачем мне что-то с собой делать?! Да, у меня был тяжелый день, но это не повод для самоубийства!

– Извини, – уже совсем спокойно произнесла подруга. И, стянув с себя платок, принялась обмахиваться его кончиком, будто веером. – Испугалась. Сон, предсказание карт и твое лицо, такое отрешенное... Ну что я еще могла подумать?

– Меньше гадай на картах, – посоветовала я. – Не будут всякие ужасы потом мерещиться.

– Я, когда гадала тебе, увидела в картах попытку суицида, Саша!

– Ну да, это уже было, – на удивление спокойно ответила я.

– Странный был тот расклад, Сашенька, – продолжала гнуть свою линию подруга. – Как я тебе уже сказала, у тебя было два пути. И тот путь в прошлое, по которому ты пошла, похож на замкнутый круг. Он вновь вел к сильному отчаянию, через которое ты уже прошла. На том пути, Саша, печать смерти. Твоей смерти!

– Лейла, еще раз повторяю, что не собираюсь ничего с собой делать, хоть мне сейчас и плохо. День оказался слишком тяжелым. И я не знаю, что могло бы помочь мне сейчас. Понимаешь, Лейла, когда болит голова, можно принять таблетку, и все пройдет. А если болит душа? Есть ли лекарство от душевной боли?

– Вера, Сашенька. Вера – то самое лекарство. Мы то теряем ее, то вновь обретаем, но она нас спасает. Не теряй веры, Саша.

– Не могу обещать, Лейла. Моя вера однажды уже разбилась. Не знаю, осталось ли что-то от нее. Если что-то и было, то вновь разрушилось. Как, например, сегодня. Я верила в чудо, а оказалось, напрасно. Я боюсь снова верить, понимаешь? Теперь, чтобы поверить, мне нужны гарантии! Доказательства!

– Саша, пройдет какое-то время, и ты снова поверишь.

– Во что? Я готова поверить во что-то осязаемое, материальное, но отказываюсь верить в абстрактное, бестелесное, духовное. Это очень больно – обманываться.

– Саша, не теряй веры, как бы тяжело тебе сейчас ни было. А доказательства... Ты получишь их. Не знаю, когда и каким образом, но получишь. Только не впадай в отчаяние.

– Постараюсь, – буркнула я, чтобы отвязаться от Лейлиных

проповедей.

Подруга ушла, а я, прежде чем отправиться в кровать и попробовать заснуть, включила компьютер. С одной лишь целью – удалить мою страницу на «Одноклассниках». Но, когда я зашла на сайт, увидела новое сообщение. На несколько мгновений я замешкалась, думая, удалить ли его, не читая, или все же открыть. И кликнула на ссылку.

«Встретимся в воскресенье в Сокольниках возле перекрестка в 15—00. Буду тебя ждать».

Сообщение отправили сегодня. Воскресенье – завтра. И хоть я уже догадывалась, что все это было делом рук Людкиного племянника, вздрогнула. С маленькой фотографии мне улыбался Тим. И мое сердце вновь сжалось от боли. Еще так недавно в моей душе билась хрупкая надежда на чудо... Но теперь надеяться было не на что.

Я зашла на страницу лже-Тима и сохранила в своем компьютере его фотографию. И прежде чем выйти с сайта, в приступе охватившей меня злости написала: «Встретимся!» Кто бы это ни был – несовершеннолетний племянник Людки или кто-то другой, он должен ответить за «игру», которая казалась ему развлечением, а мне причиняла боль. Отправив сообщение, я удалила свою регистрацию. Конец интригам.

XIII

Весь следующий день я была будто на иголках, и то и дело бросала взгляд на часы, с волнением следя за стрелками, лениво переползающими с одной цифры на другую. И хоть накануне решила, что поеду в Сокольники и расквитаюсь с тем, кто посылал мне сообщение от имени Тима, сегодня уже не была уверена в правильности своего решения. Вряд ли кто-то придет на эту встречу. Племянник Людки после ее разоблачения уже не осмелится продолжить интриги. Сообщение о встрече, должно быть, отправили еще до того, как я пришла в кафе. И все же...

«Сашка, Сашка, это глупо, глупо! Забудь, и все! – пыталась уговорить я себя, бросая нервные взгляды на часы. – Это был всего лишь племянник Людки!» Чтобы убедиться в этом, я даже специально вновь зашла на сайт и попробовала отыскать страницу «Тима», но она не нашлась, видимо, Людмила вняла моей просьбе.

«Убедилась?» – ехидно спросила я себя.

Но от волнения меня даже подташнивало. Я пыталась успокоиться, но это мне удавалось с трудом. Непрошенные мысли лезли в голову. Недавно я услышала в эфире песню Тима. Как она туда попала? С трудом верится, что диск с записью мог гулять по радиостанциям больше четырех лет. Или мог? Как бы там ни было, кто-то все же отправил на радио эту песню! Не думаю, что у Людки был диск, Тим не раздавал налево и направо свои записи. Кто-то из ребят из Тимкиной группы? Может быть. Но почему только сейчас?

Встречу мне назначили в Сокольниках, прогулки по которым когда-то обещал мне Тим. Простое совпадение?

В первом сообщении таинственный корреспондент назвал меня Сашкой-промокашкой. Так меня звал лишь Тим...

Я выискивала совпадения там, где их не было, придавая им особый смысл. И вновь цеплялась за них, как за тонкий ломающийся ледок, пытаюсь выбраться из пропасти. Вчера я с пафосом заявляла подруге, что моя вера разбилась и что мне сложно будет вернуть ее. Но вот опять начала обманывать себя призрачными надеждами.

Как бы там ни было, чтобы разрешить все свои сомнения, я решила поехать на эту встречу. Если меня никто не ждет – ничего страшного. Простая прогулка. Простая прогулка – так я пыталась успокоить свое волнение, от которого меня тошнило все сильнее и сильнее.

До назначенной встречи в Сокольниках оставался ровно час. Я

торопливо собралась, чуть подрумянила бледное до прозрачности лицо и вышла из дому.

Приближаясь к назначенному месту, я вертела головой по сторонам. И, поддавшись наваждению, выискивала среди других пешеходов знакомую высокую фигуру. Как когда-то в студенческие времена, на первом курсе, тайком высматривала ее в столовой, в коридорах, в холле института. Крупный мокрый снег оседал на обвисшей челке, падал на ресницы, таял на моих разгоряченных от волнения щеках. Я машинально стряхивала с лица капли влаги и вновь вертела головой в слепых поисках. Прохожие натыкались на меня, топтавшуюся на одном месте, и спешили дальше по своим делам. Я же никуда не торопилась. Моим конечным пунктом были Сокольники.

В какой уже раз за последние десять минут я посмотрела на циферблат уличных часов. Машинально, будто часы могли дать мне какую-то надежду или подсказку. На этот раз стрелки показали без одной минуты три. И, когда я отвела взгляд, заметила на остановке по ту сторону дороги высокого парня, который тоже, как и я, вертел головой по сторонам, кого-то высматривая. И в контексте моих ожиданий мне показалось, что меня. Машинально поправив безнадежно испорченную мокрым снегом прическу, я сделала глубокий вдох и шагнула в сторону мостовой. Сердце колотилось с такой частотой, что, казалось, на один мой шаг приходилось несколько суматошных, потерявших ровный ритм, ударов.

«Я здесь!» – чуть не закричала я молодому человеку по ту от меня сторону дороги. Но в это время некстати подошедший автобус загородил его от меня. «Не уезжай! Не уезжай!» – в немом отчаянии мысленно прокричала я парню. И рванулась вперед, видя перед собой лишь стоящий автобус и думая о том, чтобы успеть.

Стрелки уличных часов сошлись прямым углом. Три часа ровно. И в этот момент кто-то позади меня закричал, но крик утонул в истошном визге тормозов. Последнее, что я увидела, – несущийся на меня микроавтобус. И еще успела подумать, что встреча действительно назначена Тимом. Но уже не здесь.

* * *

Я уверенно шла по берегу реки к тому месту, где уже была дважды. Туда, где Тим кормил меня малиной. Я не спешила. Время осталось в

другой параллели. Здесь, в бесконечной, как круг, без суточных насечек, вечности, не было нужды торопиться. Я вернулась к Тиму. Вернулась, чтобы остаться.

Я никогда еще не была так счастлива – ни в *той* жизни, ни в те два раза, когда приходила сюда во сне. Это было ощущение полного и вечного счастья, не омраченное страхом за то, что оно внезапно закончится. И я, наполненная им, чувствовала себя воздушной и легкой, будто облако.

Я дошла до раскидистого дерева, думая, что опять, как и в прошлые разы, увижу под ним толстощекого синеглазого мальчугана. Но теперь здесь меня ждал Тим. Он сидел на сочной траве, вытянув одну ногу и согнув в колене другую. И, глядя на меня глазами цвета утреннего моря, улыбался безмятежно-ленивой улыбкой.

– Привет! – весело поздоровался он и, протянув руку, взял меня за запястье и усадил рядом с собой.

Я чувствовала прикосновение его пальцев к коже, и их тепло уверяло меня в том, что на этот раз это не сон.

– Здравствуй, – несмело улыбнулась я ему.

И подумала, что в том месте, где находится сердце, не чувствую привычную дробь ударов. Но пусто без этих ударов мне не было. Если раньше по моим венам бежала кровь, то теперь по ним разливалось счастье.

Он ничуть не изменился, оставшись в точности таким, каким я его и помнила. Отросшая челка все так же небрежно падала на лоб, придавая Тиму по-мальчишески задорный вид. Улыбка несколько не выцвела, а казалось, стала еще ярче. Гладкая кожа, покрытая легким загаром. И такой же насыщенной синевы, как здешнее небо, глаза. Одет был Тим в черные джинсы и стального цвета толстовку. Закатанные до локтей рукава открывали загорелые жилистые руки, которыми я вновь, как и раньше, залюбовалась.

– Это ты...

Несмело, будто в первый раз, я коснулась пальцами его руки, тронула косточку на запястье, приласкала старый рубец, оставшийся после ожога, погладила костяшки пальцев.

Тим с улыбкой следил за «путешествием» моих рук и, когда я подняла на него глаза, с нежностью сжал их. Как раньше.

– Я не могу без тебя, – серьезно сказала я Тиму, глядя в его глаза.

– Я с тобой, – так же серьезно ответил он.

– Сейчас да. Но раньше...

– Раньше я тоже был с тобой, только ты, захлебнувшись в отчаянии, не

хотела меня чувствовать. Я всегда с тобой, Саша. Помнишь, я говорил, что буду хранить тебя?

– Помню, – потупилась я. Немного помолчав, собралась с духом и вновь подняла на него глаза. – Я хотела сказать тебе многое, но не успела. Я ругала себя за то, что так мало говорила тебе «люблю». Сколько бы раз я ни произнесла это слово, этого все равно было мало.

– Я слышал все твои слова, Саша. И те, что ты говорила, и те, что не произносила вслух. Я чувствую твои настроения, улыбаюсь вместе с тобой и грущу.

– Я обвиняла тебя в том, что ты меня бросил. Знаю, знаю, сейчас скажешь, что не бросал меня, что всегда был со мной. Но мне не хватало твоего физического присутствия! Прикосновений, дыхания, тепла, запахов. Я винила себя за все, что натворила... Что если бы не поехала в ту клинику, ты был бы жив.

– Я жив, Саша. Здесь все живое, чувствуешь? *Здесь* я более живой, чем *там*, – сказал он, вновь касаясь моей руки теплыми пальцами.

– Знаю, знаю, но мне не хватало тебя именно *там*! Я свихнулась от вопросов без ответа: почему ты? Почему ты, не я? Почему не вместе?

– Сейчас не имеет значения, Саша.

– Да-да, ты прав. *Уже* не имеет значения. Но я умирала от страха, думая, что мы расстались навсегда, что ты не будешь ждать меня *здесь*.

– Ты меня не слышала, не читала моих посланий. Была слепой и глухой. Нельзя так, – покачал он головой.

– Но как, как я могла *читать* и *слышать* послания без слов и звуков? Я жила в материальном мире и умела видеть и слышать лишь осязаемые вещи и звуки! – вскричала я.

Он серьезно произнес:

– Вера помогает слышать и видеть не только материальное, Саша.

– Моя вера разбилась!

– Но сейчас ты вновь полна ею.

– Это потому, что я с тобой.

– Твоя вера – не я, – возразил Тим, улыбаясь чуть снисходительной, но доброй и понимающей улыбкой, будто учитель – упрямому ученику. – Любовь – твоя вера. Любовь – многогранна. Ты познала лишь одну ее грань. Есть любовь куда сильнее, чем любовь к мужчине.

– Мне другой не надо!

– Упрямая, как и раньше, – ласково усмехнулся Тим и нежно убрал с моего лба челку. – Волосы остригла... Но так тебе тоже хорошо. Красивая ты, Сашка, красивая...

– Меня радует, что нравлюсь тебе и сейчас, – буркнула я. Тим засмеялся и в шутку взъерошил мои волосы.

– Сашка. Сашка-промокашка... У тебя есть еще шанс.

– Но я не хочу! – отчаянно запротестовала я, наполняясь тревогой. – Не хочу уходить от тебя! Не хочу расставаться с тобой!

– Опять по кругу... – поморщился Тим с легкой досадой. – У тебя есть возможность прожить эту жизнь так, как бы прожила ее со мной. Но даже лучше, без соперницы-музыки, которая бы могла встать между нами. Не отказывайся от нее.

Но я упрямо мотала головой, не желая его слушать.

– Не плачь, Сашка-промокашка, – попросил он и легонько тронул меня за плечо.

– Не плачу, – сказала я, слизывая с губ соленую влагу.

– Однажды мы вновь встретимся, – пообещал Тим и, взяв мою руку, вложил мне в ладонь что-то небольшое и гладкое. – Это как доказательство.

Я разжала пальцы и увидела колечко. То самое, которое он мне уже когда-то дарил и которое я недавно потеряла.

– Но как?.. – задохнулась я от радости. – Я думала, что потеряла его!

Тим лишь молча улыбнулся.

– Я не хочу уходить, Тимка. Почему я должна уйти? Ты сказал про шанс прожить эту жизнь так, как я прожила бы ее с тобой. Но я уже здесь. Мы вместе, и мы можем...

– Саша, когда я говорил тебе о другой грани любви и еще одном шансе, я имел в виду не только наши с тобой чувства. Еще один твой шанс – это и он...

На его руках вдруг оказался пышущий здоровьем, сонно улыбающийся младенец.

– Это... наш ребенок? – тихо спросила я, думая о сделанном мной аборте.

– Мог бы быть нашим. Но он – не мой. Он – твой. Возьми его, Саша. Ради него ты и должна вернуться.

Я приняла в непослушные руки малыша и растерянно спросила:

– И... что мне с ним делать?

Тим, запрокинув голову, звонко рассмеялся.

– Какая ты забавная, Сашка! Тебе лучше знать, что делать с ним.

Я неуверенно покачала младенца на руках, несмело прижала к груди и, опустив лицо, осторожно понюхала его голову с волнистыми темными волосиками. Пахло вкусно – молоком, сливочным печеньем и еще чем-то сладким, домашним и добрым.

– Это твой новый шанс, Саша, – вновь повторил Тим.

А я торопливо спросила:

– А как же ты? Разве тебе не дан еще шанс? Я говорю о музыке.

– С твоей помощью, Саша, – улыбнулся он, и в его синих глазах промелькнули лукавые искорки. – Ты – мой шанс.

– Поцелуй меня, Тим, – попросила я его на прощание, закрывая в ожидании глаза. – Пожалуйста.

Я услышала рядом с собой легкое движение, будто Тим придвигался ко мне. И мгновение спустя его сухие и горячие губы коснулись моих. Сладкий, как малина поцелуй, самый долгий и чувственный из всех, которые у нас когда-либо были.

– Я люблю тебя, Сашка. Люблю...

Его шепот затихал, будто шум успокаивающегося ветра.

* * *

Другие отдаленные шумы и голоса, до этого еле различимые, наоборот, нарастали, превращаясь в гул, в котором постепенно я стала различать отдельные слова, складывающиеся во фразы.

– ...Не беспокойтесь. С ней все будет в порядке...

– ...Я уж решил, что насмерть девчонку сбил. Ее парень какой-то прямо из-под колес вытолкнул. Так и подумал в последний момент, что собью их обоих...

– ...Ее не задело. Потеряла сознание...

– ...А парень тот куда-то пропал! Спас девочку и исчез, будто его и не было! Жаль, «спасибо» даже некому сказать...

– ...Приходит в себя...

– ...Муж приехал...

– ...Позже...

Я поморщилась от гула этих чужих голосов, которые мне мешали, и открыла глаза.

– Добрый вечер, спящая красавица, – бодро поприветствовал меня незнакомый мужчина с веселыми искорками в карих глазах.

– Добрый... – машинально ответила я и часто заморгала, привыкая к яркому свету. Я лежала на жесткой неудобной поверхности, надо мной нависали незнакомые люди, одетые в медицинскую форму, с потолка слепили яркие лампы.

– Где я?

– В больнице. Но все более-менее в порядке, машина не задела вас, – охотно пояснила стоящая рядом с мужчиной женщина.

– Что ж вы, милочка, так неаккуратно дорогу переходите? – весело пожурил меня кареглазый мужчина, вновь нависая надо мной. – В вашем положении нужно беречь себя.

– В моем – что?..

– Положении. Разве не знали? Впрочем, срок еще небольшой, могли и не знать.

– Я – что? Да? – глупо переспросила я и попыталась сесть, но женщина решительной рукой пресекла мои попытки.

– Лежите, лежите! Сейчас позовем вашего мужа.

– Ко-ого?!

Сколько я пролежала без сознания? Похоже, пока я «болтала» с Тимом, в этой параллели мое бесчувственное тело с кем-то обвенчали. С кем? Похоже на Лелика – подобные штучки в его духе. Выскажу я ему на правах жены все, что думаю!

– Саш... – тихо позвал меня знакомый голос, но не голос Леонида.

Я повернула голову и увидела присаживающегося на стул рядом с моей кроватью Кирилла.

– Как ты? – с беспокойством спросил он.

– Замечательно! С каких это пор ты стал моим мужем?

Он смутился и покраснел.

– Понимаешь... Мне не хватало тебя. Я ждал, ждал твоего звонка и под конец не выдержал. Почувствовал острую необходимость позвонить тебе. Решил, что назначу встречу, и мы поговорим с глазу на глаз. Набрал твой номер, но трубку взял мужчина, который представился врачом «Скорой», и сообщил мне, что тебя, похоже, сбил микроавтобус. Я сорвался и помчался в больницу, куда они тебя везли. И... когда меня спросили, кем я тебе прихожусь, сказал, что мужем. Не знаю, как сорвалось с языка. Я был напуган и...

– А уж как я испугалась! – с сарказмом ответила я. – Прихожу в себя, а мне объявляют о визите мужа! Первая мысль – какой гад посмел воспользоваться моей беспомощностью и обманом взял мое бесчувственное тело.

Кирилл улыбнулся, накрыл мою ладонь своей и осторожно погладил мои пальцы.

– Раз шутишь, значит, с тобой все будет хорошо.

– Какие уж тут шуточки! – фыркнула я.

– Не злись, – примирительно попросил он, склонив голову набок и

рассматривая мое лицо с легкой улыбкой.

– Не буду, – невольно улыбнулась ему. Чувствовала я себя, несмотря на пережитое приключение, довольно сносно. Только очень устала.

– Врачи сказали, что ты не пострадала. По счастливой случайности машина не задела тебя. В ожидании, когда разрешат тебя навестить, я поговорил в коридоре с водителем микроавтобуса. Хлебнул адреналина дядька, сам не свой от переживаний был! Он рассказал мне, что в последний момент тебя из-под колес вытолкнул какой-то парень. Водитель уж решил было, что сбил вас обоих. Но тебя даже не зацепило, ты просто потеряла сознание, а парень куда-то исчез.

– Что за парень? – спросила я хриплым от волнения голосом.

– Водитель говорит, что не рассмотрел его. Сама понимаешь. Заметил лишь, что одет он был в какой-то серый спортивный свитер и черные джинсы. Странно, да? Спас тебя и тут же куда-то ретировался.

Я ничего не ответила Кириллу, лишь перевела взгляд на потолок и счастливо улыбнулась. Мой ангел-хранитель...

– Саш, врачи хотят, чтобы ты осталась в больнице до завтра. Хоть ты и не пострадала, подобный стресс может сказаться на твоём положении.

И Кирилл, недоговорив, смущенно замолчал. Хотя по его лицу я видела, что ему хотелось поговорить на эту тему. Думали мы с ним в этот момент об одном – о той единственной ночи, которую провели вместе.

– Я останусь с тобой до утра, – сказал он после долгой паузы.

– Не возражаю, – улыбнулась я.

– Даже если бы и возражала! – строгим, безапелляционным тоном припечатал он.

Я рассматривала его лицо будто в первый раз. Каждую черточку, каждую деталь. Я не сравнивала его лицо с лицом Тима, я рассматривала его так, как бы рассматривала лицо нового в моей жизни человека, которому будет отведено важное место. Я словно вытирала ластиком карандашный набросок и рисовала его заново – в другом свете, с другими тенями, с новыми деталями, с новым вдохновением.

– Почему ты так на меня смотришь? – спросил Кирилл.

– Нравишься, – просто ответила я. – Любуюсь.

– Я не...

– Я знаю, – перебила я его, угадав, что он хотел сказать. – Ты – это ты. Я любуюсь тобой.

– Смешная...

На следующий день после утреннего обхода меня отпустили домой. И

когда я доставала свою верхнюю одежду из принесенного медсестрой пластикового мешка, из кармана куртки выпало и покатилося по покрытому потертым линолеумом полу колечко. То самое, которое я считала потерянным.

– Саша, аккуратней, не потеряй! – Кирилл проворно поднял колечко и протянул его мне.

А я, недоверчиво уставившись на его раскрытую ладонь с лежащим на ней тонким золотым ободком, почувствовала, что мои глаза наполняются слезами, но на этот раз не от грусти, а от радости.

– Не может быть!

Я взяла кольцо дрожащими пальцами.

– А ведь я думала, что потеряла его! И карманы куртки тоже проверяла!

– Ну, может, в кармане была дырка, и оно провалилось за подкладку, – предположил Кирилл и машинально сунул руку в карман моей куртки. – Точно, Сашка, карман дырявый. Плохо же ты искала!

– Главное, что оно нашлось, – сказала я, думая с улыбкой о недавнем сне, который вовсе не был сном.

После больницы мы долго гуляли по пахнущим мандаринами и хвоей улицам, держась за руки и целуясь через каждый метр. Потом, замерзнув и проголодавшись, зашли в пиццерию. И там за огромной, как колесо грузовика, пиццей я рассказала Кириллу о своих «приключениях» – о записках, встрече с Людкой, Леониде, путешествии в Страну Минорных Воспоминаний. Умолчала лишь о последней «встрече» с Тимом.

– Заварила кашу эта Людка... – вздохнула я. – Простила бы я ее, да только не уверена, что она еще что-нибудь не выкинет в том же духе. Адрес она мой знает, от ненависти ко мне с ума сходит. Можно сказать, что только этой ненавистью и живет.

– Так можно сделать так, чтобы она забыла о своем желании мстить тебе! – весело сказал Кирилл. – И заодно почувствовала то же, что и ты, когда получала эти записки.

– Предлагаешь ей анонимки подбрасывать? – скривила я в скептической усмешке рот.

– Нет, это уже пройдено. Но предлагаю отплатить той же монетой.

– Кровожадный какой ты! Вот уж не знала.

– Я не кровожадный. Я просто хочу, чтобы она навсегда оставила тебя в покое.

– И что ты предлагаешь? – усмехнулась я, все еще с сомнением

относясь к предложению Кирилла.

Он внимательно посмотрел на меня, загадочно улыбаясь. И когда я уже, потеряв терпение, собралась его поторопить, спросил:

– Саш, скажи, я очень похож на того парня, на Тима?

Я хотела привычно возразить, что знаю, что он – это он, и что не стоит ревновать меня к Тиму, но по веселым искоркам в глазах Кирилла поняла, что на самом деле он имеет в виду.

– Сам смотри! – засмеялась я и выложила на стол из сумочки фотографию.

...Нам не составило особого труда выследить, где живет Людмила. Ее дом располагался неподалеку от кафе, в котором она работала. Заканчивала работу всегда в восемь, ходила одна, без провожатых, подъезд был без кодового замка. Все это мы узнали за два дня. Признаться, в игру я втянулась, но слабо верила в то, что наша затея удастся. Кирилл, которому отводилась основная роль, относился к ней с большим, чем я, оптимизмом.

– Саш, неважно, поверит она или нет! Главное, чтобы поняла, что следует оставить тебя в покое. И не волнуйся! Тебе нельзя волноваться. Положись на меня. Я все постараюсь сделать как надо. Веришь?

И я ответила, что верю ему.

– Ну, как, похож? – спросил у меня Кирилл, выходя из комнаты, где он переодевался в джинсы и спортивный свитер, купленные накануне.

И хоть я и знала, что он – это он, мое сердце на мгновение замерло. Новая одежда в Тимкином стиле, другая стрижка и чуть ссутуленные плечи делали Кирилла абсолютно похожим на Тима.

– Ну, судя по твоей реакции, похож, – сделал он вывод и улыбнулся.

– Улыбка – нет, – тут же вставила я, прощаясь с наваждением.

– Я не буду улыбаться. Вот еще – улыбаться твоей Людке!

– И глаза – не его. У Тима были синие глаза, а не карие, как у тебя.

Кирилл тут же с готовностью показал мне солнцезащитные очки.

– Не сезон, конечно, для очков, но что поделать...

Он надел очки и стал совершенно похож на Тима.

Мы подъехали к дому Людмилы за полчаса до ее возвращения. И все то время, что ожидали в машине, я инструктировала Кирилла.

– Главное, не увлекайся... Пара фраз, и все.

– Саш, да не волнуйся ты так! Твое дело – ждать в машине, я все решу.

– Пора, – глянула я на часики. – Людка скоро появится.

Кирилл-Тим вышел из машины и скрылся в подъезде. Буквально

минут пять спустя появилась Людка и тоже зашла в подъезд.

Я бы отдала все на свете за то, чтобы увидеть, что там происходит. Не разоблачила ли Людмила обман?

Кирилл не было минут десять. Это время показалось мне вечностью. Наконец дверь подъезда открылась, и он вышел на улицу.

– Все в порядке! – весело сказал он, садясь в машину и снимая черные очки. – Даже лучше, чем можно было себе представить!

– Расскажи! – потребовала я.

– Кажется, я немного переборщил... – повинулся Кирилл. – Боюсь, как бы Людмила умом не тронулась. Вот уж не думал, что мой маскарад произведет на нее такое впечатление. Она зашла в подъезд, а там – я. Говорю ей вежливо: «Добрый вечер, Люда. Ты меня помнишь?» Она от неожиданности даже завизжать не смогла. Стоит и глазами круглыми, как тарелки, смотрит. «Что ж ты Сашеньку мою обижаешь? – продолжаю я. – Смотри, я все знаю, все вижу. Будешь Сашу обижать, плохо тебе будет. Не здесь, а там. Я Сашу оберегаю». Под конец взял с Людки обещание оставить тебя в покое, вежливо попрощался и ушел. Она так ничего и не смогла мне сказать, лишь кивнула в знак согласия, что больше не станет тебя трогать. Таращилась на меня, как на привидение в самом деле. Боюсь, до сих пор там стоит. В себя приходит.

Я не выдержала и засмеялась.

– Кирилл, может, проверим, как она? А то я уже волнуюсь за нее.

– Вот еще чего! Она заслужила. А волноваться тебе вредно!

Он завел двигатель. И когда мы выезжали со двора, увидели, что дверь подъезда открылась, на крыльцо выбежала растрепанная Людмила, повертела головой по сторонам и так же быстро юркнула обратно.

Два с половиной месяца спустя

Я люблю раннюю весну. Именно ту пору, когда она только-только начинает заступать во владения. На календаре – март, а на улице – февральская вьюга. Последние резервы отступающей с боем зимы. Но сквозь густую отчаянную метель уже пробивается звон скорой капели, а ветер несет запах, который не спутаешь ни с каким другим. Запах весны – тюльпанов, талой воды и тепличных огурцов. Мне нравится наблюдать за зарождением и взрослением весны. С каждой новой проталинкой, высушенным кусочком земли, лучом солнца она становится взрослее и опытнее. Настолько опытнее, что решается зажечь деревья зеленью и тихо и незаметно перейти в лето. Но я люблю именно раннюю весну – за ее молодость, легкомысленность, свежесть девчонки-подростка, еще открытой всем надеждам и ожиданиям.

Я распахнула дверь машины, чтобы выйти, но, заметив сугроб, замешкалась.

– Подожди, найду другое место, – сказал Кирилл и вновь завел двигатель. – Жду не дождусь, когда все растает и высохнет. Ну вот, здесь, кажется, уже можно. Саш, давай я отнесу?

– Нет, – твердо возразила я, уже в какой раз за всю дорогу. – Я должна сделать это сама.

– Странное решение, – проворчал Кирилл. – Но хотя бы могу тебя проводить?

– Не беспокойся, буду аккуратной, не поскользнусь и не упаду, – усмехнулась я и ласково растрепала рукой его волосы. – Подожди меня, пожалуйста, в машине.

Немного волнуясь, я подошла к серому пятиэтажному зданию, бывшему когда-то заводским, а сейчас переоборудованному в современное офисное, и, убедившись, что на одной из табличек подъезда значится «Радио «Молодежная волна», толкнула стеклянную дверь.

Пробыла я в помещении минут двадцать и, стараясь не поскользнуться на местах обледеневшем снегу, вернулась к синему «Рено».

Кирилл, ожидавший меня в машине, торопливо перегнулся через пассажирское сиденье и открыл дверь.

– Все в порядке? – спросил он меня.

– Да, – улыбнулась я.

– Ты забыла в машине мобильник. В твое отсутствие звонила Юля, и я

поговорил с ней немного.

– Она приедет? – с волнением торопливо спросила я.

Сестра Тима была чуть ли не самой важной персоной, приглашенной на нашу с Кириллом свадьбу, до которой оставалось две недели.

– А ты как думаешь? – усмехнулся он и завел двигатель. – Сказала, что ей не терпится тебя увидеть. Спрашивала, как ты себя чувствуешь и знаем ли мы уже пол ребенка. Я сказал, что самочувствие у тебя прекрасное, а кто у нас будет – еще не узнали.

– Мальчик будет.

– Думаешь?

– Знаю, – припечатала я и засмеялась.

– Поверю на слово.

– Вчера звонил Лелик, сказал, что готовит нам на свадьбу какой-то особенный подарок. Теперь теряюсь в догадках, что это может быть...

– Девушка Леонида больше не ревнует его к тебе? – с веселыми смешинками в глазах спросил Кирилл.

– Нет. Ее примирило то, что скоро я растолстею, – засмеялась я, радуясь, что наконец-то Нина стала воспринимать меня не как бывшую пассию Леонида, а просто как его подругу. – Лелик, правда, жаловался, что она куда капризней и взбалмошней меня. Но ему, похоже, нравятся именно такие барышни. Зовет ее ласково врединкой и недавно крупно облажался. На каком-то жутко деловом обеде с папочкой-банкиром и другими не менее важными персонами при всех назвал Ниночку по прозвищу: «Вредина, не положить ли тебе еще салатика?..»

– Папа-банкир, наверное, был очень доволен, – засмеялся Кирилл.

– Не то слово! К счастью, Лелику ничего не сказал.

– И то хорошо, – ухмыльнулся Кирилл и включил магнитола. – Ты так и не рассказала, как сходила сейчас в студию радиостанции. Приняли диск?

– Приняли. Надеюсь, все получится.

– Я в этом не сомневаюсь, – кивнул он. – Их формат. И песня с этого диска однажды победила в их программе.

– Не без твоей помощи, – засмеялась я. Кирилл недавно признался мне, что это он отправил в программу «Молодежной волны» песню Тима, которую я после и услышала по радио в маршрутном такси. И сейчас мы отвозили в студию диск, на который записали все песни Тима.

Остаток дороги до дома мы молчали. Играло радио. И я, слушая чужие песни, думала о том, что Тим получил еще один шанс. Тот, которым он не успел воспользоваться. Он перестал приходить в мои сны, но я знаю, что он – со мной. И мы обязательно встретимся. Однажды.